

Roxen, G. D

ИСТОРІЯ

ГОНЧИХЪ СОБАКЪ.

СОЧИНЕНІЕ

БАРОНА Г. Д. РОЗЕНЪ.

МОСКВА.

Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа.

Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., д. Лисснера.

1896.

ИСТОРІЯ ГОНЧИХЪ СОБАКЪ.

ГЛАВА I.

Въ своемъ «Очеркѣ исторіи борзой собаки» я полагалъ, что гончая произошла отъ борзой, но можно сдѣлать и другое предположеніе, что первоначальная собака была гончая, конечно не современная. Вообще трудно въ этомъ вопросѣ сказать что-нибудь положительное за полнымъ отсутствіемъ какихъ бы то ни было ясныхъ данныхъ.

Изъ антропологическихъ изслѣдованій намъ извѣстны лишь два факта: 1) существованіе какой-то собаки небольшого роста съ висячими ушами (типъ этотъ былъ распространенъ повсемѣстно на европейскомъ материкѣ) и 2) появленіе борзовидной собаки вмѣстѣ съ переселеніемъ изъ Азіи арійцевъ. Изъ этого можно заключить съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ, что первоначально существовали два типа собакъ: европейскій и азіатскій; первый близко подходитъ къ гончей, а второй — къ борзой. Который изъ этихъ двухъ типовъ былъ наидревнѣйшій на землѣ, сказать невозможно. Вопросъ этотъ могъ бы быть разрѣшенъ разсматриваніемъ помѣси этихъ двухъ породъ, но разсматриваніе это не приводетъ ни къ какимъ результатамъ въ пользу

той или другой породы, хотя существованіе помѣси и доказано. Извѣстная вещь, что въ помѣсяхъ преобладаетъ всегда старѣйшая порода, но въ настоящемъ случаѣ видно, что какъ та, такъ и другая порода вліяли одинаково, изъ чего можно заключить, что обѣ породы были одинаково сильны, и ни одна изъ нихъ не можетъ назваться древнѣйшей, что и видно при раскопкахъ, сдѣланныхъ при прорытіи Ладожскаго канала.

Далѣе можно предположить, что изъ означенныхъ выше двухъ типовъ произошли всѣ современные типы борзыхъ и гончихъ собакъ. Но типы эти, конечно, должны были сильно видоизмѣниться, сообразно съ климатомъ, мѣстностью, пищей, способомъ охоты и даже скрещиваніемъ съ дикими животными, какъ напр. съ волкомъ или лисицей.

Теперь я разсмотрю, какія измѣненія типа могли оказать всѣ сейчасъ приведенныя вліянія.

Климатъ.

Вліяніе климата на животныхъ вообще выказывается преимущественно въ одномъ направленіи: это въ болѣе или менѣе густой, теплой шерсти. Изъ сравненія дикихъ и домашнихъ животныхъ сѣверныхъ и южныхъ странъ, поставленныхъ въ одинаковыя условія, исключая климата, видно, что значительно измѣняется только густота шерсти и отчасти ростъ животнаго. Формы же животнаго остаются почти тѣ же. Собаки съ густой и длинной шерстью, какъ наша псовая борзая, попадая въ жаркія страны,

въ очень короткій, сравнительно промежутокъ времени, теряютъ свою густошерстость и становится гладкошерстой. При переселеніи же обратномъ, замѣчается и обратное явленіе. Волкъ, лисица, заяцъ и наша псовая борзая на югѣ Россіи одѣты весьма плохо, а тигръ восточной Сибири, напротивъ, изъ совершенно гладкошерстаго звѣря тропическихъ странъ превращается въ кошку громадныхъ размѣровъ, покрытую длинной, густой шерстью. Кромѣ густоты шерсти климатъ имѣетъ еще вліяніе, но небольшое, на ростъ животнаго. Вслѣдствіе чего это происходитъ, сказать трудно, отъ того ли, что, вслѣдствіе холода, остаются въ живыхъ однѣ сильныя особи, вслѣдствіе ли болѣе легкаго добыванія пищи, но на фактѣ мы видимъ, что тѣ же животныя на сѣверѣ больше своихъ южныхъ представителей: волкъ, лиса, заяцъ, тигръ, собаки.

Мѣстность.

Вліяніе мѣстности имѣетъ главнымъ образомъ отношеніе къ измѣненію органовъ, служащихъ животнымъ при добываніи пропитанія. Такъ, существуетъ громадная разница между животными, обитающими въ лѣсахъ, степяхъ, въ гористой или ровной мѣстности. У всѣхъ собакъ степной полосы замѣчается особенное развитіе зрѣнія и легкихъ, тогда какъ лѣсная мѣстность развиваетъ слухъ и чутье; гористая и особенно вмѣстѣ съ тѣмъ каменистая мѣстность развиваетъ правильность и сухость ногъ, а также изворотливость въ бѣгѣ, болотистая же и мягкая почва портитъ ноги. По

отношенію къ собакамъ оно видно на борзыхъ псовыхъ и крымскихъ; о спеціальномъ же вліяніи въ этомъ отношеніи на гончихъ я буду говорить далѣе.

Пища.

Всякое животное находится также и подъ вліяніемъ пищи: одна пища развиваетъ большую мускульную силу, другая вліяетъ больше на кости, а третья на отложеніе жира. Особенности характера тоже много зависятъ отъ этого: одна пища развиваетъ болѣе апатичный и вялый характеръ, другая наоборотъ, но въ отношеніи собакъ пища имѣетъ менѣе вліянія, чѣмъ у другихъ животныхъ. Собака, какъ животное по преимуществу охотничье, большею частью, за рѣдкими исключеніями, получаетъ мясной кормъ. Но при воспитаніи и кормленіи нашихъ охотничьихъ собакъ, можно замѣтить, что временный, случайный мучной кормъ отнимаетъ много энергіи и силы у собакъ, даже дѣлаетъ ихъ какъ будто бы немного вялыми. Я это замѣчалъ нѣсколько разъ у моихъ собакъ, когда, вслѣдствіе невозможности достать мяса для навара, приходилось ограничиваться пустоваркой. Я убѣжденъ даже, что собаки сѣверныхъ народовъ, питающіяся исключительно рыбой, должны разниться характеромъ отъ нашихъ собакъ, и полагаю, что въ нихъ замѣчается менѣе азарта въ охотѣ и особенно при преслѣдованіи звѣря. Въ этомъ случаѣ жаль, что большинство описаній этихъ собакъ сдѣлано не охотниками.

Способъ охоты.

Способъ охоты имѣетъ вліяніе не только на формы, но и на внутреннія, нравственныя стороны собакъ. До чего это вліяніе замѣтно на гончихъ, видно изъ многочисленныхъ примѣровъ, встрѣчающихся въ практикѣ всякаго охотника. Не говоря о тѣхъ временахъ, когда гончая собака была почти въ дикомъ состояніи и измѣнялась вслѣдствіе естественныхъ причинъ, стоитъ только обратить вниманіе, до какой степени одна и та же стая измѣняетъ свой характеръ, смотря по хозяину охоты, а главное по доѣзжачему. Сколько разъ приходилось видѣть, что собаки, отлично гнавшія у одного хозяина, становились никуда не годными въ рукахъ другого. Одинъ доѣзжачій, мастеръ своего дѣла, можетъ довести стаю до совершенства, но попадись эта же стая послѣ него въ руки дурака, лѣнтяя или неохотника, она въ короткій срокъ потеряетъ всѣ свои качества. Мнѣ пришлось это испытать на себѣ, когда я долженъ былъ разсчитать доѣзжачаго въ концѣ апрѣля и, по необходимости, взять охотника, котораго я совсѣмъ не зналъ. Онъ въ два мѣсяца изъ отличныхъ собакъ сдѣлалъ что-то неузнаваемое, такъ что мнѣ самому пришлось заняться наѣздкой, чтобы какъ-нибудь поправить дѣло.

Ѣзда съ гончими по крупнымъ или мелкимъ островамъ совершенно измѣняетъ ихъ внутреннія способности и даже вліяетъ на складъ собаки. Въ большомъ островѣ собакѣ приходится напря-

гать всѣ свои нравственныя и физическія способности; изъ большого острова звѣрь въ поле идетъ неохотно и, прежде чѣмъ рѣшится на это, употребитъ всѣ возможныя хитрости для того, чтобъ отдѣлаться отъ собакъ, отчего собакѣ и приходится напрягать всѣ свои силы, чтобъ не потерять звѣря и гнать его неустанно. Вотъ почему наѣздка молодой стаи въ дремучихъ и обширныхъ лѣсахъ-уймахъ несравненно полезнѣе, чѣмъ въ отъемныхъ островахъ. Не только наѣздка, но даже и охота въ малыхъ островахъ дѣлаетъ собаку слабой, вслѣдствіе отсутствія усиленной работы и отучаетъ ее отъ настойчивой и вязкой гоньбы.

До чего можно дойти въ смыслѣ воспитанія гончей способомъ охоты, мы видимъ въ «Запискахъ Мелкотравчатаго» Дріанскаго, гдѣ онъ описываетъ Карѣевскую стаю въ рукахъ у такого идеальнаго доѣзжачаго какъ Ѳеопенъ. До чего Карѣевъ его цѣнилъ, можно видѣть изъ слѣдующаго разсказа, слышаннаго мною отъ одного стараго охотника, знакомаго А. Н. Карѣева, не разъ ѣздившаго съ нимъ на охоту. Ѳеопенъ любилъ выпить и, обыкновенно, напившись, ложился на кровать и объявлялъ, что на охоту не поѣдетъ. Тогда самъ Алексѣй Николаевичъ приходилъ къ нему и упрашивалъ его: «Пожалуйста, Ѳеопенушка, поѣдемъ». При этомъ нужно замѣтить, что все это происходило во времена крѣпостного права. Изъ этого можно заключить какъ Кареевъ цѣнилъ искусство Ѳеопена и до какой степени, какъ охотникъ въ душѣ, чувствовалъ, что Ѳеопена ему другого не найти. Дайте эту же самую стаю, которая у Ѳеопена дѣлала чудеса, дураку,

и вы бы увидали, что изъ нея вышло бы черезъ какой-нибудь годъ.

Французы, эти идеальные охотники и знатоки охоты, довели своихъ гончихъ почти до совершенства тѣмъ только, что настойчиво, въ теченіе многихъ столѣтій, способомъ охоты воспитывали ихъ въ одномъ и томъ же направленіи. Во Франціи, гдѣ другой охоты, кромѣ парфорсной, почти не существуетъ, вся задача состояла въ томъ, чтобы стая отнюдь не бросала того звѣря, котораго подняла, несмотря ни на что, и французы достигли того, что поднятый олень, начиная хитрить, вбѣгалъ въ цѣлое стадо оленей, но стая все-таки, не обращая вниманія на это, преслѣдовала его одного. У нихъ это называлось: «ne pas chasser le change». Въ последнее время, собаки доведены до того, что, напримѣръ, дикаго козла гонятъ, а козу нѣтъ; всѣ эти результаты достигались только способомъ охоты.

Въ нашихъ охотахъ, гдѣ гончія служатъ только средствомъ выставить въ поле звѣря, подобныя тонкости не нужны, но и у насъ способъ охоты въ связи съ мѣстностью имѣетъ громадное вліяніе на качества собакъ какъ нравственныя, такъ и физическія.

Помѣси.

Подмѣшиваніе той или другой породы, близко подходящей къ гончимъ собакамъ, особеннаго вліянія на нихъ не имѣетъ. Конечно, все зависитъ отъ того, какъ недавно и въ какой степени была сдѣлана примѣсь. Такъ, напримѣръ, одинъ разъ под-

мѣшанная кровь легавой собаки, конечно въ первомъ и второмъ поколѣніяхъ имѣетъ вліяніе, но далѣе вліяніе это пропадаетъ. Въ оправданіе своихъ словъ приведу исторію происхожденія извѣстныхъ собакъ во Франціи подъ названіемъ «Grands chiens blancs du roi Beauds au Greffiers». Собаки эти произошли отъ бѣлаго выжлеца, породы св. Губерта, и итальянской бѣлой легавой суки. Правда, что это произошло въ царствованіе Людовика XI. Съ этого времени постояннымъ подборомъ и улучшеніемъ ихъ довели до того, что въ началѣ царствованія Людовика XIV равныхъ этимъ гончимъ не существовало. Въ эпоху своего апогея стая этихъ собакъ сгонивала въ теченіе одного дня другъ за другомъ до трехъ, четырехъ старыхъ оленей; подобные подвиги доказываютъ, до чего эта порода была нестомчива.

Я убѣжденъ, что въ нашихъ современныхъ гончихъ есть примѣсь легавыхъ, лаекъ и просто дворныхъ, но съ знаніемъ дѣла, практикой охоты и умѣлымъ подборомъ можно безъ сомнѣнія получить превосходныхъ собакъ. Мнѣ самому надъ своими гончими обыкновенной русской породы пришлось два раза наблюдать, на что эта порода способна при извѣстномъ воспитаніи. Вотъ эти случаи: разъ стая, уже при возвращеніи домой съ поля, безъ смычковъ, наткнулась на матерого русака и сгоняла его въ чистыхъ поляхъ въ полчаса времени; въ другой разъ — два выжлеца сгоняли лисицу опять-таки въ чистыхъ поляхъ въ теченіе восьми часовъ. Все вышесказанное доказываетъ, что отдаленная помѣсь особеннаго вліянія на качества собакъ не имѣетъ. Я не говорю

здѣсь о помѣси съ дикими животными, какъ напр. съ волкомъ или лисой, ибо прослѣдить ее невозможно, но что помѣси эти были, особенно съ волкомъ, мнѣ кажется фактомъ несомнѣннымъ: слѣды помѣси съ волкомъ ясно видны въ страсти гончихъ метаться на домашнюю скотину и въ разныхъ тому подобныхъ наклонностяхъ, отличающихъ дикихъ животныхъ отъ домашнихъ.

ГЛАВА II.

Самыя древнія свѣдѣнія о гончихъ мы имѣемъ отъ египтянъ; на отдаленнѣйшихъ памятникахъ этой страны уже встрѣчается изображеніе гончей наравнѣ съ борзой. Собака эта изображена довольно хорошо и типомъ подходитъ къ нашей русской гончей особенно ухомъ, которое у нея плоское, близко прилегающее къ головѣ и высоко поставленное.

Далѣе намъ могутъ служить руководствомъ письменные источники, какъ Иліада и Одиссея Гомера и наконецъ спеціальное сочиненіе объ охотѣ Ксенофонта. Всѣ эти источники обнимаютъ собою очень длинный періодъ времени, но касаются той эпохи, когда собака вообще уже была вполнѣ домашнимъ животнымъ и служила, какъ мы это сейчасъ увидимъ, исключительно охотѣ за самыми разнообразными животными, начиная съ зайца и кончая львомъ.

Гомеровскіе источники рисуютъ намъ гончую собаку преимущественно травильнаго характера, такъ какъ и охота въ тѣ времена производилась больше на крупныхъ звѣрей, какъ олень, кабанъ и левъ. По тѣмъ же источникамъ можно предположить, что гончая собака древнихъ не обладала тѣми голосовыми способностями и тѣмъ чутьемъ, коими обладаетъ современная гончая; всѣ крупные звѣри, на которыхъ тогда преимущественно охотились, убѣгаютъ отъ собакъ неохотно, что не могло развить въ нихъ ни чутья ни голоса. Поэтому-то и можно сказать почти навѣрно, что гончая древнихъ обладала скорѣе характеромъ крупной травильной собаки, съ довольно хорошей поратостью. Каковы были охотничьи способности этой собаки можно заключить изъ многихъ мѣстъ Илліады, Одиссеи и Ксенофонта. Источники эти могутъ считаться самыми древними въ числѣ письменныхъ: Гомеръ писалъ почти за девятьсотъ лѣтъ до Рождества Христова, а Ксенофонтъ за четыреста; хотя Гомеръ ничего не писалъ спеціально объ охотѣ или собакахъ, но у него во многихъ мѣстахъ, при сравненіи его героевъ съ охотничьими псами, сравненія эти очень многое выясняютъ.

Вообще можно замѣтить одну особенность гончихъ собакъ древности, это — отсутствіе у нихъ способности гнать голосомъ по слѣду, такъ, какъ это происходитъ въ настоящее время. По тѣмъ даннымъ, которыя имѣются у насъ, скорѣе можно предположить, что собаки бѣжали по слѣду молча и начинали подавать голосъ, только увидѣвъ звѣря. Читатель изъ приведенныхъ ниже отрывковъ изъ

Иліады и Одиссеи самъ можетъ убѣдиться въ справедливости моихъ словъ.

При преслѣдованіи Троянъ Гекторомъ говорится.

„Гекторъ впередъ между первыми несся могучестью
гордый,
Словно какъ песъ быстрорыщущій, льва или дикаго
вепря
Слѣдомъ гоня и на рѣзвыя ноги надѣяся, ловитъ
То за бока, то за бедра и всѣ сторожитъ извороты".

„Словно какъ два острозубые пса, пріобыкшіе
къ ловлѣ,
Серну иль зайца поднявъ, постоянно упорные, гонятъ
Мѣстомъ лѣсистымъ, и она предъ гонящими визгая
скачетъ,
Такъ Діомедъ и рушитель Одиссей, иліонца
Полемъ отрѣзавъ отъ войскъ, постоянно упорные
гнали".

„Такъ восклицая, возжегъ онъ и силу и мужество
въ каждомъ,
Словно какъ ловчій испытанный псовъ бѣлозубыхъ
станицу
Въ ловъ раздражаетъ на льва, на дикаго вепря
лѣсного".

„Гектора жъ, въ бѣгствѣ преслѣдуя, гналъ Ахиллесъ
непрестанно,
Словно какъ песъ по горамъ молодого гонитъ оленя,
Съ лога поднявъ, и несется за нимъ чрезъ кусты и
овраги
Даже и скрывшись, если онъ въ страхѣ подъ кустъ
припадетъ
Чуткій слѣдитъ и бѣжитъ безустанно, покуда не
сыщетъ".

Въ Одиссеѣ, когда Улиссъ разговариваетъ съ свинопасомъ Эвмеемъ, сказано:

„Уши и голову, слушая ихъ, подняла тутъ собака
Аргусъ, она Одиссея прежде была, и ее онъ
Выкормилъ самъ, но на ловъ съ ней ходить не успѣлъ,
принужденный
Плыть въ Иліонъ. Молодые охотники часто на дикихъ
Козъ, на оленей, на зайцевъ съ собой ее уводили“.

И далѣе Одиссей говоритъ Эвмею:

„Странное дѣло, Эвмей, тамъ на кучѣ навозной собаку
Вижу; прекрасной породы она, но сказать не умѣю,
Сила и ловкость ея на бѣгу такова ль, какъ наружность,
Или она, лишь такая, какихъ у господъ за столами
Часто мы видимъ; для роскоши держатъ ихъ знатные
люди“.

Эвмей отвѣчаетъ:

„Эта собака погибшаго въ дальнемъ краю Одиссея
Если бъ она и понынѣ была таковою жъ, какою,
Плыть собираясь въ Троянскую землю, ее господинъ
мой
Дома оставилъ — ея быстротѣ и отважности вѣрно бъ
Ты подивился; въ лѣсу — ни въ какомъ захолустьѣ
укрыться
Дичь отъ нея не могла; въ ней чутье несказанное
было“.

Вотъ все, что можно найти о собакахъ и охотѣ въ самыхъ древнихъ письменныхъ источникахъ.

Изъ вышеприведенныхъ сравненій можно заключить, что дѣло идетъ скорѣе о гончихъ собакахъ, чѣмъ о борзыхъ или чисто травильныхъ, но не о тѣхъ гончихъ, которыхъ мы привыкли видѣть. Видно, что отъ собакъ требовались свойства, от-

части присущія борзымъ, какъ рѣзвость при ловлѣ, но требовалось также и хорошее чутье. О томъ же, чтобъ онѣ гнали голосомъ по слѣду, не видя звѣря, еще никакого заключенія сдѣлать нельзя; нельзя также предположить, чтобъ тогдашнія собаки были въ полудикомъ состояніи, какъ мы это видимъ теперь у дикихъ племенъ Африки и Азіи, этому противорѣчатъ нѣкоторыя указанія древнихъ, гдѣ видно, что это были чисто домашнія животныя. Такъ, въ Иліадѣ упоминается, что Ахиллъ при погребеніи Патрокла сжегъ на кострѣ двухъ изъ шести его охотничьихъ собакъ, вмѣстѣ съ лошадьми; Одиссей воспитываетъ Аргуса; Телемакъ, идя въ народное собраніе, беретъ съ собой «двухъ псовъ лихихъ». Все это говоритъ въ пользу полнаго прирученія, заботливости, ухода и подбора производителей; несомнѣнно также, что собаки были изъ породы гончихъ, а не какой-нибудь другой; такъ какъ вездѣ упоминается о ихъ чутьѣ и способности отыскивать звѣря въ лѣсахъ и кустарникахъ. Съ тѣхъ же поръ и до того времени, когда образовалась настоящая гончая, прошло болѣе тысячи лѣтъ,— время достаточное, чтобъ создать то, что мы привыкли принимать за породу гончихъ собакъ.

Насколько дѣло это улучшилось послѣ Гомера, видно уже изъ статей объ охотѣ Ксенофонта, писавшаго пятьсотъ лѣтъ послѣ Гомера. Ксенофонтъ говоритъ только о гончихъ собакахъ и уже различаетъ разныя ихъ породы. Такъ, у него упоминается о собакахъ породы Кастора и иныхъ, для охоты на зайцевъ; для охоты же на оленей онъ называетъ собакъ индійскихъ, критскихъ, локридскихъ и ла-

конскихъ. Многихъ изъ нихъ онъ уже отличаетъ по статямъ, наружному виду, окрасу масти и росту; во время же Гомера, мы не видимъ, чтобъ всѣ эти породы были извѣстны, иначе онъ при своихъ крайне картинныхъ сравненіяхъ не приминулъ бы упомянуть о нихъ; изъ этого ясно, что всѣ эти породы образовались уже позднѣе, помощью извѣстнаго подбора и мѣстныхъ требованій охоты.

Нельзя предположить, чтобы въ другихъ странахъ были другія гончія собаки, лучше тѣхъ, что существовали у грековъ, по двумъ соображеніямъ: 1) до сихъ поръ извѣстно, что греки были самымъ образованнымъ народомъ и страстно предавались охотѣ на разныхъ звѣрей, и 2) при существованіи тогда довольно обширной торговли и развитія мореходства нельзя полагать, чтобъ тогдашнимъ охотникамъ не были извѣстны собаки окружныхъ странъ, какъ критскія съ острова Крита или лаконскія изъ Лаконіи.

Посмотримъ теперь, какова была охота и гончія во времена Ксенофонта.

Говоря о собакахъ для охоты на зайцевъ, онъ выражается такъ: «Прежде всего она (собака) должна быть большая, голова легкая съ тупымъ чутьемъ, жилистая, глаза на выкатѣ, черные, блестящіе; лобъ большой и широкій съ глубокой проточиной; уши длинныя, тонкія, на концѣ безъ шерсти; шея длинная, гибкая, подвижная; грудь широкая, мускулистая; надплечья въ небольшомъ разстояніи отъ плечъ; переднія голени малыя, прямыя, круглыя, крѣпкія; колѣнные сгибы прямые; бока не слишкомъ впалые и выступающіе вкось; бедра муску-

листыя, не длинныя и не короткія, не мягкія и не жесткія; брюшная кожа средней величины; бедра крутыя, сзади мускулистыя, не стянутыя кверху, закругленныя внутрь; нижнія части боковъ и самые бока тонкіе; хвостъ длинный, прямой, тонкій; верхняя часть ляшки твердая; нижняя длинная, подвижная крѣпкая; заднія голени выше переднихъ, нѣсколько сухощавыя; ноги подвижныя. Такая собака крѣпкая на видъ, легкая, соразмѣрная въ частяхъ, быстрая, имѣетъ зоркій взглядъ и хорошіе зубы».

Изъ вышеприведеннаго довольно трудно составить себѣ ясное представленіе о типѣ собакъ, можно лишь приблизительно представить себѣ этотъ типъ, типъ, по-моему, довольно странный, скорѣе подходящій къ пойнтеру; жаль, что нѣтъ точнаго указанія на ростъ этихъ собакъ и на постановъ ушей. Далѣе упоминается и о масти собакъ; такъ, говорится, что цвѣтъ шерсти не долженъ быть черный или бѣлый, вообще не одинаковый по всѣму тѣлу. Масть должна быть красноватая или черная съ бѣлыми пятнами на лбу, и бѣлыя собаки должны имѣть красноватыя пятна. На концѣ ляшекъ (гачахъ) должны быть длинные, гладкіе волосы, а также на брюхѣ и хвостѣ снизу (подвѣсъ); сверху же должны быть умѣренной длины. Шерсть должна быть тонкая, мягкая и густая.

Изъ этого описанія видно, что въ тѣ времена были собаки съ подпалинами, багряныя, черно-пѣгія и багряно-пѣгія, однимъ словомъ, приблизительно той же масти какъ и теперь; требованіе же тонкой и мягкой шерсти доказываетъ породистость и хорошій уходъ за собаками.

Изъ описаній производства охоты у того же автора можно составить себѣ понятіе о томъ, какъ гоняли тогдашнія собаки и какія требованія предъявлялись къ нимъ со стороны охотниковъ. Первое, на что слѣдуетъ обратить вниманіе, это — употребленіе тенетъ, какъ необходимой принадлежности охоты, значитъ парфорсной охоты въ исключительномъ смыслѣ не было. Я обращаю на это такое вниманіе потому, что это крайне важно при опредѣленіи поратости гончихъ и качествъ хорошей стаи.

Что касается чутья у древнихъ собакъ, то оно вѣроятно не было очень развито, во всякомъ случаѣ менѣе, чѣмъ у современныхъ собакъ. Доказательствомъ служитъ описаніе у Ксенофонта охоты на зайцевъ, въ которомъ прямо указывается на то время года и дня, когда собака не чуетъ слѣда, и такихъ исключеній весьма много; при чемъ это собакамъ не ставится въ упрекъ и считается совершенно нормальнымъ; въ настоящее же время хорошая гончая должна гонять во всякое время года и дня.

Весьма интересно то мѣсто, гдѣ говорится о качествахъ и порокахъ собакъ. При описаніи качествъ сказано: «Выслѣживать собака должна, быстро сбѣгая съ найденной тропы, уставивъ голову въ землю на бокъ, осклабясь на слѣдъ, опустивъ уши, бросая взгляды на всѣ стороны, быстро виляя хвостомъ, умножая круги по мѣрѣ приближенія къ логову. Когда она уже у самаго зайца, то даетъ знать объ этомъ охотнику, ускоряя свой ходъ и еще болѣе выражая это глазами и всей наружностью, то вглядываясь въ то мѣсто гдѣ заяцъ, то оглядываясь назадъ, на охотника, бросаясь впередъ, назадъ, въ сто-

рону и крайне волнуясь. Гоньба должна быть сильная, безъ остановокъ, съ сильнымъ лаемъ и визгомъ, преслѣдуя повсюду зайца; собаки должны бѣжать по слѣду красиво, частыми скачками и съ настоящимъ охотничьимъ лаемъ, но не должны бросать слѣдъ и возвращаться къ охотнику». Говоря о порочныхъ собакахъ, Ксенофонтъ ставитъ имъ въ упрекъ то же, что и мы, кромѣ одной вещи — это гоньбы въ доборъ, не видя еще зайца, что весьма странно и противорѣчитъ общепринятымъ современнымъ требованіямъ отъ гончихъ; это скорѣе напоминаетъ поискъ легавой собаки, а не гончей.

Изъ только что сказаннаго явствуетъ, что въ тѣ времена собаки начинали подавать голосъ, лишь поднявъ звѣря съ логова, а до того времени шли по слѣду молча, потерявъ же зайца изъ виду, возвращались къ охотнику. Это мнѣніе подтверждается еще совѣтомъ охотникамъ, потерявшимъ собакъ изъ виду, спрашивать встрѣчающихся: не видали ли собакъ; подобный совѣтъ былъ бы лишнимъ, если бъ собаки продолжали гнать по слѣду и ихъ было бы слышно, какъ это существуетъ у насъ.

То же самое видно и изъ описанія охотъ на другихъ животныхъ — оленей и кабановъ, гдѣ говорится то же самое о слѣдѣ, и нигдѣ не видно, чтобъ собаки шли въ доборъ, а всегда гоньба происходитъ на глазъ. Даже оленей и кабановъ не иначе ловили какъ съ помощью капкановъ и петель, а если и сганивали собаками, то въ самую жаркую пору дня и на открытой мѣстности; при чемъ нигдѣ не упоминается, чтобъ охота производилась верхомъ, а всегда пѣшкомъ, что немыслимо при настоящей

парфорсной охотѣ. Вообще то понятіе, которое можно себѣ составить о гончей собакѣ въ древнія времена, болѣе клонится къ понятію о собакѣ травильной, средней поратости, средняго чутья и безъ способности гнать, какъ это дѣлаютъ настоящія гончія. Современемъ, вслѣдствіе подбора, тѣ способности и качества гончей, которыя присущи нашимъ собакамъ, должны были развиться, но нужно думать, что гончая Ксенофонта не могла бы удовлетворить современныхъ любителей.

Теперь я перехожу къ описанію гончихъ у римлянъ и у сосѣднихъ съ ними варваровъ.

ГЛАВА III.

Римляне.

Принимаясь за эту часть моего предмета, я долженъ замѣтить, что страсть къ охотѣ развилась у римлянъ довольно поздно и можно даже сказать, что она почти всецѣло перешла къ нимъ отъ галловъ, франковъ и германцевъ—народовъ, жившихъ только войной и охотой. Сами римляне по этой части не выработали ничего самостоятельнаго и даже занимались охотой не по страсти, а въ силу моды. Во времена императоровъ, было принято, чтобы всякій богатый человѣкъ держалъ большую охоту, но держались эти охоты больше изъ тще-

славія, а сами хозяева преимущественно занимались пьянствомъ и развратомъ, предоставляя охотиться своимъ рабамъ. Собаки за большія деньги доставлялись изъ варварскихъ странъ сѣверной Европы и служили чаще для представленій въ циркахъ, чѣмъ для настоящей охоты. Настоящими же охотниками въ то время можно было считать скорѣе варваровъ, у которыхъ, какъ напримѣръ у германцевъ и бургундцевъ, были даже законы, относящіеся къ охотѣ и собакамъ.

Хотя у римлянъ этой эпохи и были писатели и поэты, описывающіе и воспѣвающіе прелести охоты, но въ этихъ описаніяхъ опять-таки фигурируютъ больше собаки галльскія и другихъ народовъ; вообще римлянинъ не понималъ привлекательности охоты.

Говоря объ охотѣ у римлянъ, о которой пишутъ римскіе писатели и поэты, нельзя прійти къ какому-нибудь заключенію о породахъ гончихъ собакъ въ то время. Намъ извѣстно только, что охота съ гончими получила тамъ права гражданства, со времени Сципіоновъ, а именно молодой Эмилій Сципіонъ первый началъ употреблять гончихъ собакъ, подаренныхъ ему Павломъ Эмиліемъ; усыновивъ Эмилія Сципіона, онъ подарилъ ему всю охоту македонскаго царя Филиппа, взятую послѣ покоренія этой страны. Изъ этого можно заключить, что гончія, попавшія въ Римъ, были тѣ же, о которыхъ говоритъ Ксенофонтъ; единственную разницу, которую можно замѣтить, это перемѣну въ способѣ охоты: греки охотились пѣшіе, римляне охотились не иначе какъ верхомъ, что доказываетъ большую

поратость собакъ и невозможность слѣдовать за ними пѣшкомъ.

Что количество собакъ въ охотахъ было больше, чѣмъ у грековъ, несомнѣнно, такъ какъ у богатыхъ римлянъ извѣстенъ цѣлый штатъ разныхъ охотниковъ; охотничьихъ должностей было четыре рода: vestigatores (на попеченіи которыхъ были гончія собаки), indagatores (тенетчики), alatores (загонщики) и pressores (тѣ, которые принимали дичь отъ собакъ и въ тенетахъ. При этомъ считаю своимъ долгомъ замѣтить, что подъ названіемъ vestigatores, мнѣ кажется, слѣдуетъ разумѣть просто доѣзжачихъ и выжлятниковъ, такъ какъ само слово имѣетъ значеніе, одинаковое съ русскимъ словомъ «отыскивающій». Впослѣдствіи охота въ Римѣ пала совершенно и замѣнилась охотой въ циркѣ, гдѣ участвовали тѣ же стаи и тѣ же охотники рабы, а господа, сидя на ступеняхъ цирка, лишь любовались гоньбой и ловлей звѣрей. Удовольствіе это наконецъ перешло въ простую бойню, на которой убивалось громадное количество разныхъ звѣрей. Такъ Пробъ, насадивъ въ циркѣ искусственный лѣсъ, въ одну такую охоту уничтожилъ 1000 оленей, 1000 кабановъ и 100 львовъ.

Посмотримъ теперь, какъ охотились варвары сѣверной Европы: галлы, германцы и т. д.

Галлы.

У галловъ существовала несомнѣнно охота съ гончими, но какого рода это были гончія положительно неизвѣстно. Аріанъ, въ своемъ описаніи

охоты на зайцевъ у этого народа, разсказываетъ, что стая гончихъ набрасывалась въ островъ, а охотники, стоя со сворами борзыхъ въ полѣ, ожидали, чтобъ заяцъ вышелъ къ нимъ; поэтому можно судить, что галлы охотились такъ же, какъ и мы, т.-е. занимались нашей обыкновенной псовой охотой; но вопросъ о томъ, какія при этомъ употреблялись гончія, остается открытымъ. Одинъ изъ римскихъ писателей, Сидуанъ, въ письмахъ къ своему другу Нуммату смѣется надъ его стаей гончихъ собакъ, совѣтуя ему бросить мучить зайцевъ гоньбою своими пѣшими гончими и снова взяться за силки и тенета. Это письмо наводитъ на мысль, что Нумматъ охотился на зайцевъ, сганивая ихъ гончими. Въ концѣ концовъ можно прійти только къ заключенію, что галлы были хорошіе и страстные охотники, употреблявшіе какъ гончихъ, такъ и борзыхъ.

Германцы и другіе варвары.

Варвары, нахлынувшіе въ пятомъ вѣкѣ въ западную Европу, принесли съ собой и свою страсть къ охотѣ; вся ихъ жизнь, по словамъ современниковъ, проходила въ охотѣ или войнѣ. Германія и восточная Франція, покрытыя непроходимыми лѣсами, много способствовали развитію охотничьей жизни; лѣса эти изобиловали зубрами, лосями, оленями и кабанами.

Что у этихъ народовъ цѣнились охотничьи собаки видно изъ ихъ законовъ объ охотѣ. Такъ у бургундцевъ воровство собаки наказывалось особеннымъ постыднымъ образомъ: укравшій гон-

чую или борзую и уличенный въ своемъ преступленіи, долженъ былъ публично поцѣловать подъ хвостъ украденную собаку. Это доказываетъ, насколько собаки высоко цѣнились у этого народа. Къ сожалѣнію, опять-таки намъ неизвѣстно, какія были эти гончія, за покражу которыхъ примѣнялось столь оригинальное наказаніе. Можно сказать только, что въ X вѣкѣ, въ эпоху расцвѣта феодализма, изъ всѣхъ этихъ неизвѣстныхъ намъ собакъ образовались тѣ многочисленныя породы гончихъ, о которыхъ уже существуютъ положительныя данныя и прототипомъ которыхъ являются всѣ породы французскихъ гончихъ, которыя я намѣренъ описать теперь.

Франки и ихъ гончія.

Прежде чѣмъ начать это описаніе, я считаю необходимымъ сдѣлать краткій обзоръ охоты во Франціи, начиная съ X вѣка и кончая XVIII вѣкомъ, т.-е. описать идеальнѣйшую по части охоты эпоху, существованіе которой единственно въ своемъ родѣ и повтореніе которой немыслимо; мнѣ это нужно для того, чтобъ создать, такъ сказать, достойную рамку для лучшаго описанія чудныхъ породъ французскихъ гончихъ, лучше которыхъ не было и не будетъ. Описывать лучше и подробнѣе только французскихъ гончихъ я имѣю полное право, такъ какъ всѣ гончія Германіи, Италіи и Англіи произошли отъ французскихъ собакъ и составляютъ тѣ же породы, но значительно ухудшенныя.

Въ это знаменитое, въ охотничемъ смыслѣ время, вся Франція, начиная съ своихъ королей и кончая

самымъ бѣднымъ помѣщикомъ, исключительно занималась охотой. Духовенство и то, какъ въ лицѣ мужчинъ, такъ и въ лицѣ женщинъ не отставало отъ дворянства. Подобное положеніе вещей продолжалось вплоть до первой революціи, съ которой весь этотъ блескъ и слава охоты рухнули безвозвратно; то, что осталось и влачитъ кое-какъ свое существованіе и теперь, постепенно приходя въ упадокъ, лишь жалкая пародія прежняго величія и славы.

Въ то время дворянство не разставалось ни съ своими стаями, ни съ своими соколами; слѣдуя въ крестовый походъ всѣдъ за Петромъ Пустынникомъ, рыцари ѣхали во главѣ своихъ отрядовъ вмѣстѣ съ своими собаками и съ соколомъ на рукѣ. Во время второго крестоваго похода, папа Евгеній III долженъ былъ офиціально запретить крестоносцамъ брать съ собою собакъ и соколовъ, но большая часть ослушалась св. отца. Въ 1359 году, когда англичане вторглись во Францію, король Эдуардъ III привелъ съ собою 30 сокольниковъ, 120 гончихъ и столько же борзыхъ. Въ 1441 году Карлъ VII долженъ былъ издать законъ, по которому запрещалось брать съ собою на войну собакъ и соколовъ, но всѣхъ этихъ приказаній не слушались, такъ что ихъ приходилось постоянно подтверждать. Въ это же время былъ изданъ другой законъ, запрещающій больнымъ и раненымъ оставлять при себѣ въ больницахъ своихъ соколовъ. При въѣздѣ всѣхъ посольствъ непремѣнно участвовали стаи гончихъ и соколы. Самыми лучшими и почетными подарками между дворами считались соколы и собаки. Даже

нѣкоторыя сдачи земель въ аренду были обусловлены извѣстными, охотничьими повинностями, какъ обязательствомъ представлять ежегодно столько-то собакъ, или соколовъ, или кормить извѣстное количество собакъ и людей при нихъ; такъ епископъ Агды, получивъ отъ графа тулузскаго имѣніе, обязанъ былъ ежегодно доставлять ему ястребовъ для охоты.

Охота до того входила въ житейскій обиходъ, что безъ нея не могли обойтись. Во время парадныхъ обѣдовъ подавались на столъ пироги, изъ которыхъ вылетали разныя птицы, тогда спускались соколы, и пирующіе даже во время обѣда могли охотиться; такимъ образомъ благородный рыцарь проводилъ всю свою жизнь, и даже послѣ его смерти его хоронили, по обычаю, завернутаго въ оленью шкуру, — послѣдній трофей послѣдней охоты. Собаки и соколы участвовали даже въ церковныхъ церемоніяхъ; стаи гончихъ приводились въ церковь и кропились святой водой, а рыцари иначе не являлись къ обѣднѣ какъ съ соколомъ на рукѣ.

Отъ королей и дворянъ не отставало и духовенство: у всѣхъ епископовъ, настоятелей и настоятельницъ монастырей содержались большія стаи гончихъ. Нерѣдко можно было видѣть цѣлую толпу монахинь, скачущую вслѣдъ за гончими, преслѣдующими оленя или кабана; было издано даже нѣсколько указовъ, запрещающихъ монахамъ и монахинямъ охоту съ гончими.

Наивысшаго совершенства охота и собаки достигли въ послѣдніе три вѣка передъ великой революціей. Время это дало много литературныхъ

трудовъ по части охоты и собаководства; самъ король Карлъ IX написалъ замѣчательное сочиненіе по части охоты, которое можетъ служить и теперь еще какъ руководство. Въ эту эпоху являлись во Франціи замѣчательные и неутомимые охотники какъ Францискъ I и Карлъ IX; этимъ королямъ ничего не стоило пробыть на охотѣ два три дня, ночуя тамъ, гдѣ ихъ заставала ночь, было ли то въ какомъ-нибудь замкѣ или лѣсу, или въ хижинѣ дровосѣка.

Францискъ I одинъ на одинъ вступалъ въ ратоборство съ медвѣдемъ, а Карлъ IX не иначе принималъ старыхъ кабановъ изъ-подъ гончихъ, какъ рогатиной, или лично сгонялъ оленей верхомъ, безъ помощи собакъ. Вслѣдъ за подобными вожаками и все дворянство, другъ передъ другомъ, старалось выказаться въ молодечествѣ и въ улучшеніи своихъ гончихъ. Дамы, какъ королевскаго дома, такъ и другія, ни въ чемъ не уступали мужьямъ и наперерывъ носились по лѣсамъ за своими голосистыми стаями.

Въ то время искусство охотиться было возведено въ серіозную науку. Всѣ правила наблюдались наистрожайшимъ образомъ; отступить отъ нихъ, хотя бы на одинъ шагъ считалось преступленіемъ; охота, однимъ словомъ была священнодѣйствіемъ. Дворянство самымъ строгимъ образомъ слѣдило за своими правами охоты. Нарушеніе границъ охотничьихъ участковъ нерѣдко возбуждало серіозные семейные раздоры, кончавшіеся драками и тяжбами. Многіе изъ бароновъ позволяли себѣ жестокіе поступки относительно преступившихъ ихъ права, и часто

виновные безъ всякихъ околичностей вѣшались тутъ же.

Людовикъ XIV окончательно установилъ весь этикетъ и всѣ правила, которымъ должны были слѣдовать на охотахъ всѣ, хотѣвшіе прослыть за дѣйствительныхъ охотниковъ, посвященныхъ во всѣ тонкости этой науки. Я приведу нѣсколько правилъ, соблюдавшихся во время охоты: всякій дворянинъ обязанъ былъ умѣть порскать и звать въ рогъ, при чемъ порскать нужно было разно, смотря по тому, что гнали собаки; порсканье по оленю было, если можно такъ выразиться нѣжнѣе, мелодичнѣе, чѣмъ порсканье по кабану или волку, здѣсь старались порскать грубѣе, отрывистѣе и азартнѣе. Звать въ рогъ тоже надо было умѣть отчетливо: ибо позывы были такъ многочисленны и разнообразны, что это одно было цѣлой наукой; всѣхъ позывовъ было не менѣе тридцати пяти. Главныя церемоніи начинались въ то время, какъ звѣрь уже былъ принятъ изъ-подъ собакъ; первое, къ чему приступали, были «почести ноги» (les honneurs du pied): главный ловчій (въ королевской охотѣ старшій егермейстеръ) отрѣзывалъ правую переднію ногу звѣря въ колѣнѣ, подходилъ съ ней къ хозяину охоты, становился на одно колѣно и подавалъ ногу, а хозяинъ передавалъ ее самому почетному гостю. Не думайте, чтобъ это практиковалось только при охотѣ на оленей; на охотѣ на зайцевъ дѣлалось то же самое. Послѣ начиналась кормежка собакъ (la curée); происходило это иногда тутъ же въ полѣ, а иногда при возвращеніи домой, но всегда съ тѣми же церемоніями: звѣря въ присутствіи всѣхъ охотниковъ и

собакъ разрѣзывалъ на части опять-таки главный ловчій, предварительно снявъ съ него шкуру; всѣ присутствующіе въ это время исполняли позывъ, присвоенный этому дѣйствію, причемъ всѣ должны быть безъ перчатокъ. Все описанное происходило не только на парадныхъ и большихъ королевскихъ охотахъ, но у всякаго мелкопомѣстнаго дворянина, который охотился на зайцевъ съ двумя или тремя своими сосѣдями.

Все это, конечно, не улучшало достоинствъ собакъ, но имѣло громадное значеніе въ дѣлѣ охоты, пріучая молодыхъ, начинающихъ охотниковъ смотрѣть на дѣло съ серіозной точки зрѣнія и считать охоту наукою, въ которой нельзя было стать съ разу на первое мѣсто, а нужно было сначала поработать и усвоить себѣ все, для этого необходимое. Любовь къ охотѣ развила въ то время и любовь къ собакамъ и любовь къ серіозному веденію породъ; отъ собакъ столько требовалось, что нужны были десятки лѣтъ, чтобъ добиться чего-нибудь путнаго; къ собакамъ предъявлялись чуть не тѣ же требованія, что и къ людямъ. Стая должна была быть идеально дрессирована: при первомъ приказаніи одного изъ охотниковъ, во время самой жаркой гоньбы, она должна была останавливаться и не трогаться съ мѣста. Если охотились на крупнаго звѣря, то въ извѣстныхъ мѣстахъ ставились люди со свѣжими собаками, которыхъ подпускали въ извѣстную минуту въ помощь уже гнавшимъ, и эти запасныя собаки должны были сидѣть смирно, не позволяя себѣ ни лаять ни визжать. Стая считалась никуда не годной, если мѣняла одного звѣря

на другого. Извѣстная стая Людовика XIV отличалась тѣмъ, что никогда не мѣняла звѣря; бывали случаи, что преслѣдуемый олень, нарочно пробѣгалъ черезъ цѣлое стадо другихъ оленей, но вѣрная стая не бросала его и, не обращая вниманія на другихъ оленей и на массу совершенно горячихъ слѣдовъ, безъ ошибки продолжала преслѣдовать все того же звѣря.

Сганиваніе матерыхъ волковъ представляло еще болѣе трудностей: были охоты, продолжавшіяся до трехъ дней; каждый вечеръ стаю сбивали со слѣда и утромъ опять насаживали на тотъ же слѣдъ.

Отъ гончихъ требовались: умъ, сметка, поратость, голосистость, съ буквальнымъ послушаніемъ и страшная вязкость вмѣстѣ съ нестомчивостью, при всемъ этомъ соблюдалась однотипность и одномастность. Изъ этого читатель можетъ заключить, сколько заботъ, труда, вниманія и знанія нужно было со стороны охотниковъ, чтобъ создать то, что называлось тогда хорошей стаей.

Зато французы и любили своихъ собакъ: феодальные бароны, все время, которое не было занято войной, проводили съ своими гончими; тогдашній баронъ не зналъ, что такое строить особый псарный дворъ: собаки жили тамъ, гдѣ жилъ онъ самъ; главная зала замка съ своимъ огромнымъ каминомъ, въ которомъ горѣли цѣлыя деревья, служила одной комнатой для всѣхъ. Возвратившись съ поля, охотники грѣлись у того же огня, что и собаки, имъ тутъ же стлали солому, на которой они и проводили ночь. Въ болѣе позднее

время начали строить псарные дворы, но еще Бурбоны своихъ любимыхъ гончихъ держали въ спаль няхъ. Только такимъ обращеніемъ и можно было вывести подобныхъ собакъ.

Въ заключеніе упомяну о нѣкоторыхъ подвигахъ этихъ собакъ, чтобъ показать, на что онѣ были способны. Подвиги эти заимствованы мною изъ извѣстнаго сочиненія графа Ле-Кутё де Кантелё (Les Races des chiens courans français, par le Comte E. Le Cauteul de Canteleu). Всѣ эти разсказы не могутъ подлежать сомнѣнію, такъ какъ подтверждены указаніями, взятыми изъ журналовъ, которые велись при королевскихъ охотахъ; графъ разсказываетъ такъ: «При Людовикѣ XI онѣ (собаки) уже отличались своей поратостью; Карлъ IX, въ своей книгѣ, упоминаетъ о собакахъ, у которыхъ почти не было ни одного упалаго или удалѣлаго оленя; при Генрихѣ IV французскія собаки сганивали по два и по три оленя другъ за другомъ, какъ это видно изъ писемъ короля къ маркизѣ Вернёль; но при Людовикѣ XIII собаки сдѣлались еще лучше и еще поратѣе, что мы видимъ изъ слѣдующаго разсказа Селенкура, участвовавшаго въ королевскихъ охотахъ: «Я не могу удержаться, говоритъ онъ, чтобъ не разсказать про охоту, происходившую при покойномъ королѣ: ему было доложено что видѣли страннаго оленя, у котораго одинъ рогъ былъ обыкновенный, а другой совсѣмъ низкій; тогда король велѣлъ позвать Корбиньяка, самаго опытнаго изъ своихъ ловчихъ и объявилъ ему, что очень бы желалъ сгонять этого оленя, чтобъ узнать какимъ образомъ у него выросли такіе странные

рога. Корбиньякъ, получивъ приказаніе, съ утра отправился на поиски и нашелъ этого оленя, узнавъ его по тому, что онъ проходя по лѣсу, обламывалъ рогами вѣтви съ одной стороны высоко, а съ другой низко. Онъ сейчасъ же донесъ объ этомъ королю, который назначилъ охоту на слѣдующій день. Въ назначенный часъ охота состоялась въ присутствіи всего двора, но олень оказался бывалымъ и такъ напуталъ и напетлялъ слѣдъ, что во время поисковъ было поднято четыре старыхъ оленя, которые всѣ прошли на виду у короля, но желаемый олень не показывался. Становилось уже поздно, когда наконецъ; подняли и его онъ также прошелъ на виду у короля; сейчасъ же была спущена стая, и послѣ четырехъ часовъ охоты олень былъ взятъ».

Далѣе: «3 ноября 1664 года дофинъ, отправившись въ восемь часовъ утра изъ Фонтенебло, сгонялъ двухъ оленей до полудня; въ три часа онъ съѣхался съ королемъ, при которомъ былъ взятъ еще олень, и вслѣдъ за тѣмъ дофинъ сгонялъ четвертаго, окончивъ поле къ четыремъ часамъ пополудни».

«Въ праздникъ св. Губерта на слѣдующій годъ дофинъ взялъ двухъ оленей съ семи утра до полудня, а послѣ полудня король присутствовалъ при взятіи еще двухъ оленей».

«Въ апрѣлѣ 1602 года стая Генриха IV подняла оленя около мѣстечка Гербо, онъ пошелъ все прямо до города Блоа, тутъ переплылъ Луару около Эскюръ, перешелъ въ Амбуазскій лѣсъ, потомъ въ лѣсъ Бурдаріеръ и, вернувшись опять назадъ,

былъ взятъ около Понъ-Левуа; онъ все шелъ прямо, не попалъ ни на одну изъ дожидавшихся его подставныхъ стай и былъ взятъ однѣми и тѣми же собаками, которыхъ оставалось только около двѣнадцати штукъ. Нѣсколько лошадей пало, и лишь пять или шесть охотниковъ поспѣли принять его».

«Одинъ изъ дворянъ Нормандіи поднимаетъ оленя въ Наваррскомъ лѣсу, около Эврё, и только въ десять часовъ вечера беретъ его среди двора передъ версальскимъ дворцомъ, къ крайнему удовольствію Людовика XIV, который былъ въ восторгѣ отъ такого охотничьяго подвига».

«21 марта 1685 года, старшій дофинъ поднимаетъ матерого волка около Версаля, который уводитъ его такъ далеко, что восемь лошадей издыхаютъ по дорогѣ».

«18 іюня 1685 года, старшій дофинъ поднимаетъ волка около Во-дё-Серни и беретъ его послѣ десятичасового преслѣдованія около Кроа».

Наконецъ приведемъ еще одну знаменитую охоту, гдѣ стая старшаго дофина, подъ руководствомъ маркиза Годикура, гнала матерого волка отъ Фонтенебло до Реннскаго лѣса, въ которомъ волкъ былъ взятъ, лишь на четвертый день.

«Въ 1780 году, Дё-Лари поднялъ волка въ Кутюмскомъ лѣсу съ шестнадцатью собаками; доѣзжачій и онъ, потерявъ собакъ изъ слуха и проискавъ ихъ цѣлый день, на другое утро пріѣхали въ лѣсъ и застали всѣхъ шестнадцать, все еще гонявшихъ того же волка; ихъ видѣли около Браконскаго лѣса за 15 льё» (около 60 верстъ).

Изъ всего сказаннаго, безъ всякихъ комментаріевъ, можно заключить, что̀ такое были французскія гончія въ это время.

Въ концѣ царствованія Людовика XIV, качества собакъ королевской охоты ухудшаются вслѣдствіе примѣси къ нимъ крови бретонскихъ собакъ, такъ какъ для устарѣвшаго короля прежнія собаки были слишкомъ пораты, и онъ не поспѣвалъ за ними. Впослѣдствіи, когда захотѣли снова увеличить поратость, то подмѣшали собакъ англійскихъ, но прежняго уже возстановить не могли, и порода старинныхъ «бѣлыхъ королевскихъ собакъ» никогда не могла поправиться.

Теперь, когда моя рамка готова, я займусь описаніемъ тѣхъ самыхъ собакъ, которыхъ такъ любили и холили, и еще разъ повторю, что французы могутъ служить образцами по части собаководства, и поспорить съ ними въ этомъ отношеніи никто не можетъ. Но собаки эти опять-таки могутъ считаться идеальными исключительно для парфорсной охоты и совсѣмъ не пригодны для ѣзды съ борзыми.

ГЛАВА IV.

Во Франціи считалось одиннадцать главныхъ породъ гончихъ, изъ которыхъ первыя четыре считались королевскими еще при Карлѣ IX.

Породы эти слѣдующія:

1. Собаки св. Губерта.
2. Большія бѣлыя королевскія.
3. Муругія бретонскія.
4. Сѣрыя св. Людовика.
5. Гасконскія собаки.
6. Норманскія собаки.
7. Собаки сентъ-онжъ.
8. Пуатвинскія собаки.
9. Брессанскія собаки.
10. Вандейскіе грифоны.
11. Собаки Артуа.

Собаки св. Губерта.

Порода этихъ собакъ была извѣстна, начиная съ VIII вѣка, подъ именемъ собакъ Фландріи, и подраздѣлялась на два вида: черныхъ и бѣлыхъ. Повидимому, онѣ происходили отъ извѣстныхъ бельгійскихъ собакъ, о которыхъ упоминаетъ Сирій Италикъ, какъ объ отличныхъ духовыхъ собакахъ на кабановъ. Обыкновенный окрасъ ихъ масти былъ черный, чуть-чуть рыжеватый, съ яркими очками и подпалинами; ухо было длинное; ребро хорошее, но длинноватое; на ногахъ онѣ были ниже норманскихъ собакъ; обладали отличными охотничьими способностями и преимущественно изъ ряда вонъ выходящей вязкостью. Голоса у нихъ были великолѣпные; чутье тонкое; большая нестомчивость, но мало поратости и страшная злобность на всякаго звѣря.

Въ этой породѣ была бѣлая разновидность, о которой упоминаютъ Дю Фулью, Карлъ IX, Саль-

новъ и другіе. Дю Фулью упоминаетъ объ одномъ бѣломъ выжлецѣ принца лотарингскаго, породы св. Губерта, который былъ замѣчателенъ; вѣроятно это и былъ прародитель знаменитой породы Мерлановъ герцоговъ лотарингскихъ, про которую говоритъ Линевиль, замѣчательную тѣмъ, что гончія этой породы никогда не проносились.

Сальновъ упоминаетъ, что св. Губертъ имѣлъ въ Арденахъ двѣ породы собакъ: черную и бѣлую. Извѣстно, что Людовикъ XII вывелъ породу Грефье отъ бѣлаго выжлеца св. Губерта и бѣлой легавой суки. Несмотря на это, черный окрасъ масти былъ самый распространенный, и всѣ прежнія извѣстныя стаи, какъ кардинала Гизъ и маркиза Сувре, въ 1620 году, были чернаго окраса масти. Собаки эти были богатырскаго сложенія, мало стомчивы, очень азартны и непослушны; крѣпкаго здоровья; не боялись ни мокроты ни холода и отлично гнали по кабану. Но доѣзжачіе должны были обращаться съ ними строго, вслѣдствіе ихъ драчливаго характера, склонности бросаться на скотъ и даже на людей.

Теперь еще можно найти кровь этихъ собакъ въ Англіи, въ ихъ бладгаундахъ и тальботахъ, но уже испорченную примѣсью крупныхъ дворныхъ и договъ. Въ Англію собаки эти попали съ норманнами и черезъ Генриха IV, который много разъ посылалъ цѣлыя стаи этихъ собакъ Іакову I.

Порода эта считалась всегда наиспособнѣйшею для образованія хорошихъ духовыхъ собакъ для обкладыванія звѣря по слѣду, и тѣ собаки, которыя присылались ежегодно, монастыремъ св. Губерта

къ королевскому двору, вплоть до 1789 года, всегда употреблялись съ этой цѣлью при охотахъ на кабановъ.

Начиная съ XVI столѣтія собаки эти занимали второстепенное мѣсто въ королевскихъ охотахъ, но во время Сальнова ихъ еще существовали цѣлыя стаи. Въ концѣ же царствованія Людовика XIV, собаки эти держались лишь нѣсколькими дворянами сѣверной Франціи, которые предпочитали ихъ другимъ вслѣдствіе ихъ способности гнать всякаго звѣря.

Въ настоящее время можно еще встрѣтить въ Арденахъ, Вогезахъ и Эльзасѣ представителей этой породы, но уже утратившихъ большую часть своихъ качествъ и пришедшихъ въ полный упадокъ. Но, при извѣстныхъ условіяхъ и умѣніи, порода эта еще можетъ быть возстановлена съ помощью бладгаундовъ, польскихъ гончихъ, тальботовъ и того, что еще осталось во Франціи.

Гладкошерстныя вандейскія собаки.

(Большія бѣлыя королевскія собаки Бо или Грефье.)

Происхожденіе этой породы слѣдующее: Въ XV вѣкѣ существовала порода бѣлыхъ собакъ св. Губерта, менѣе цѣнимая, чѣмъ черная, потому что не хотѣла гнать никакого другого звѣря, кромѣ оленя. Одинъ бѣдный дворянинъ вздумалъ по какому-то случаю подвести Людовику XI выжлеца этой породы по имени «Сульяръ»; король не обратилъ на него никакого вниманія, ибо всегда предпочиталъ породу «сѣрыхъ собакъ». Сульяра выпросилъ себѣ

у короля Гастонъ Ліонскій, губернаторъ тулузскій, чтобъ подвести его герцогинѣ де-Божё, дочери короля; но Яковъ де-Брезе, губернаторъ Нормандіи и главный ловчій герцогини Божё, выпросилъ его у Гастона Ліонскаго. Изъ Сульяра тогда вышла знаменитая по своимъ достоинствамъ гончая. На слѣдующій годъ этотъ выжлецъ былъ повязанъ съ бѣлой италіянской легавой сукой, принадлежавшей секретарю короля, которыхъ въ то время называли «грефье». Первая собака, родившаяся отъ нихъ, былъ бѣлый выжлецъ съ одной только муругой отмѣтиной на шеѣ; выжлецу этому дано было имя Грефье, по должности хозяина его матери. Онъ былъ до того хорошъ, что рѣдкій олень могъ отъ него отдѣлаться; отъ тринадцати его дѣтей, которые всѣ вышли столь же добрыми собаками, произошла знаменитая порода гончихъ подъ названіемъ «Грефье».

Францискъ I, находя, что грефье были слишкомъ малы ростомъ, примѣшалъ къ нимъ кровь муругаго выжлеца «Миро», подареннаго ему адмираломъ д'Анебо. Генрихъ II еще видоизмѣнилъ эту породу, скрестивъ ее съ бѣлымъ выжлецомъ «Барро», подареннымъ ему Маріей Гизъ, матерью Маріи Стюартъ. Изъ всѣхъ этихъ скрещиваній образовалась наконецъ порода сильнѣе первыхъ Грефье, которыхъ Карлъ IX и назвалъ исключительно королевскими собаками.

Въ королевскую охоту поступали собаки только чисто бѣлыя или съ муругими отмѣтинами, самаго большаго роста, приблизительно съ борзыхъ, но съ головой, подходящей къ головѣ легавыхъ. Они

были незамѣнимы на оленя, котораго предпочитали всякому другому звѣрю; въ этой породѣ, какъ бы собаки не были молоды и неопытны, никогда не проносились, не знали ни упалаго ни удалѣлаго звѣря; но ихъ неоцѣненныя качества высказывались именно въ тотъ моментъ, когда во время гона передъ ними вскакивалъ свѣжій звѣрь, на котораго онѣ никогда не мѣняли стараго.

Сальновъ, видѣвшій этихъ собакъ на дѣлѣ въ Сенъ-Жерменѣ, Фонтенебло и Монсо, говоритъ, что они не бросали своего оленя среди пяти, шести-сотъ другихъ. На поискѣ собаки несли гонъ загнутымъ на спину и не уставали, какъ бы жарко ни было, послушаніе ихъ было примѣрное; стая въ тридцать собакъ, безъ смычковъ, не смѣла броситься на слѣдъ безъ позволенія доѣзжачаго. Лѣтомъ воды они не боялись, но зимой шли въ нее неохотно, вслѣдствіе своей короткой шерсти и тонкой кожи.

Въ теченіе XVI и XVIII столѣтій, собаки эти исключительно составляли королевскія стаи на оленей; богатые дворяне тоже держали ту же породу, но тоже только для оленей. Извѣстный знатокъ Гафе-де-ля-Брифордіеръ, выражается о нихъ такъ: «Онѣ въ такомъ почетѣ во Франціи, что короли, принцы и вельможи не держатъ въ своихъ охотахъ другихъ собакъ, а исключительно бѣлыхъ; они гонятъ охотнѣе англійскихъ собакъ, красивѣе ихъ и въ крѣпкихъ мѣстахъ расторопнѣе и вѣрнѣе на слѣду, но для этого нуженъ хорошій составъ стаи и хорошаго доѣзжачаго; разыскиваютъ они лучше англійскихъ, а если иногда и зарываются слишкомъ впередъ, болѣе чѣмъ англійскія, то это происхо-

дитъ отъ ихъ горячности, у нихъ болѣе огня, чѣмъ у англійскихъ. Впрочемъ они гонятъ вездѣ одинаково, вездѣ одинаково порато, во всѣ ноги; попавъ на двойной слѣдъ, онѣ начинаютъ разыскивать, поднявъ гонъ на спину, разыскиваютъ скоро и расторопно, поднявъ же вновь упалаго звѣря, гонятъ его горячо и голосисто. Я считаю, что эти собаки, поставленныя въ хорошія условія, вѣрнѣе на слѣду, чѣмъ англійскія; я всю жизнь наблюдалъ это, не только въ королевской охотѣ, но и въ охотахъ многихъ вельможъ этого времени и утверждаю, что изъ этихъ собакъ въ хорошихъ рукахъ можно сдѣлать все, что угодно; такъ, я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ стая отличала слѣдъ козла отъ слѣда козы, слѣдъ гоннаго, въ теченіе только часа, оленя, отъ слѣда другихъ оленей, разбирали, распутывали этотъ слѣдъ, не теряя его ни на минуту и сганивали все-таки звѣря. Въ Компіенѣ, гдѣ трудно не сбиться, на шестьдесятъ собакъ, сорокъ изъ нихъ на гоньбѣ не обращали ни малѣйшаго вниманія на попадающихся имъ свѣжихъ оленей, они только немного поворачивали голову въ ихъ сторону, но ни за что не покидали разъ принятаго слѣда».

Той же породы вандейскія гладкошерстыя собаки очень красивы; у нихъ сухая голова; длинное, тонкое, гибкое ухо; нѣжная короткая шерсть и тонкій, прямой гонъ. Они обладаютъ прекрасными охотничьими способностями, пораты, полозисты, веселы, съ отличнымъ чутьемъ, жары не боятся, но нѣсколько чувствительны къ холоду; нагонять ихъ трудно, но разъ они поняли въ чемъ дѣло, то на нихъ можно положиться. Въ послѣднее время по-

рода эта стала слабѣе. Нравъ у нихъ нѣсколько драчливый, но на охотѣ съ ними легко сладить; голоса у нихъ хуже, чѣмъ у другихъ французскихъ породъ, и притомъ онѣ скоро старѣются, долго служить не могутъ и вообще недолговѣчны. Чисто бѣлыя собаки считались прежде лучшими, но за послѣднее время стали предпочитать собакъ муругопѣгихъ. Нужно замѣтить, что въ современной породѣ очень молодыя собаки не годятся и что въ каждомъ пометѣ обыкновенно половина никуда не годныхъ. Часто отъ хорошихъ производителей родятся собаки слабыя, но все-таки эта порода, какъ порода — великолѣпна, и хорошая вандейская гончая соединяетъ въ себѣ: умъ, тонкое чутье и голосъ съ поратостью и силой англійской собаки.

Сѣрыя собаки св. Людовика.

Появились во Франціи со времени Людовика святого; старинные охотники разсказываютъ объ этомъ такъ (я привожу здѣсь буквальный переводъ со словъ Карла IX-го): «Король Людовикъ святой, отправившись на завоеваніе Палестины, былъ взятъ въ плѣнъ. Любя между прочими хорошими вещами и охоту; въ концѣ своего плѣна онъ узналъ, что въ Татаріи существуетъ превосходная порода собакъ для оленя; онъ такъ сталъ хлопотать, чтобъ достать этихъ собакъ, что по возвращеніи домой привелъ съ собой цѣлую стаю этой породы. Эта-то порода, которая названа «сѣрыми собаками», и стала королевской. Такъ выражается объ этомъ король Карлъ IX въ своемъ сочиненіи подъ

названіемъ: «Chasse royale». Кутё-де-Кантелё говоритъ: «Я полагаю, что сѣрыя собаки св. Людовика то же, что критскія собаки Ксенофонта. Между ними дѣйствительно существуетъ много общаго въ наружномъ видѣ и больше во внутреннихъ качествахъ и недостаткахъ. На Востокѣ, гдѣ все консервативно, эта порода, пожалуй, и могла остаться безъ измѣненій, и Людовикъ святой, узнавъ о нихъ, могъ привезти съ собой стаю этихъ собакъ во Францію; это только мое предположеніе, но имѣющее нѣкоторую правдоподобность».

По-моему Кутё де-Кантелё неправъ. Сѣрыя собаки не имѣютъ ничего общаго съ собаками Ксенофонта какими бы то ни было. Болѣе я объ этихъ собакахъ говорить здѣсь не буду, а займусь ими спеціально далѣе, какъ о собакахъ пришлыхъ во Францію съ Востока.

Муругія бретонскія собаки.

Карлъ IX не придавалъ особаго значенія муругимъ собакамъ, называя ихъ некрасивыми, происходящими отъ помѣси сѣрыхъ съ бѣлыми, что не совсѣмъ ясно. Съ другой стороны, Дю-Фулью приписываетъ имъ древнее и знаменитое происхожденіе. «Можно предположить, говоритъ онъ, что муругія собаки тѣ самыя, которыя, съ незапамятныхъ временъ существовали у герцоговъ и бароновъ Бретани и которыхъ адмиралъ Анебо и его предшественники всегда держались. Порода эта была очень распространена во времена короля Франциска».

Въ XIV столѣтіи одинъ изъ ловчихъ короля Іоанна, Гюе-де-Вантъ, имѣлъ знаменитую стаю муругихъ собакъ. Одна старинная хроника города Ламбаль, о которой упоминаетъ Дю-Фулью, говоритъ, что владѣлецъ этого города, со стаей муругихъ и рыжихъ собакъ, поднялъ оленя въ графствѣ Понтеверъ, гналъ его четыре дня и наконецъ взялъ около Парижа. Герцогиня Божё держала этихъ собакъ въ своей стаѣ, между прочимъ знаменитую выжловку «Бодъ», которую она сама называла «хорошей красной выжловкой, которая отлично гоняла». Выжлецъ «Миро», взятый для улучшенія породы Грефье и принадлежавшій адмиралу Анебо, былъ изъ породы муругихъ бретонскихъ собакъ; наконецъ вотъ мнѣніе о нихъ извѣстнаго знатока гончихъ, Іоанна дю-Бекъ, аббата Мортемеръ: «Муругія собаки, говорилъ онъ, очень хороши и послѣ бѣлыхъ это самыя лучшія; я изъ нихъ встрѣчалъ превосходныхъ и служившихъ очень долго: между прочимъ свѣтло-желтую выжловку, привезенную изъ Бретани, которая послѣ цѣлаго дня охоты продолжала все такъ же хорошо разбирать всѣ петли зайца, какъ бы въ началѣ дня. Собаки эти азартны, предпріимчивы и съ великолѣпнымъ чутьемъ, но не такъ хорошо переносятъ жару, какъ вандейскія собаки, зато онѣ смѣлѣе и жаднѣе. Ростъ ихъ хорошій; сложеніе крѣпкое и правильное; наружный видъ красивъ, хотя они рѣдко бываютъ жирны; не боятся ни мокроты ни холода; какъ и многія другія собаки онѣ всякому другому звѣрю предпочитаютъ оленя и очень упрямы и непослушны. Хотя чутье у нихъ и хорошо, но имъ трудно разбирать старые,

остывшіе слѣды, что зависитъ отъ ихъ нетерпѣливаго характера: имъ хочется поскорѣе поднять звѣря. Онѣ также не любятъ, когда звѣрь дѣлаетъ круги, и тогда проносятся; вслѣдствіе чего ихъ болѣе употребляли на волковъ и кабановъ, вообще на такихъ звѣрей, которые любятъ бѣжать все прямо».

Лучшими въ породѣ собаками считали тѣхъ, у которыхъ ярко-рыжій окрасъ масти переходитъ въ коричневый (багряно-муругихъ) и предпочитали ихъ собакамъ съ сѣрыми или черными отмѣтинами. Вообще бретонская порода особенно годилась для охоты на волковъ и кабановъ въ трудныхъ и трущобистыхъ мѣстахъ.

Гасконскія собаки.

Гасконскія собаки, еще довольно многочисленныя на юго-западѣ Франціи, такъ же, какъ тулузскія и бордосскія, разновидности той же породы; происходятъ отъ собакъ св. Губерта, которыми пользовались Гастонъ Фебъ и другіе дворяне юга въ XII столѣтіи.

Изъ Арденнъ собаки св. Губерта распространились въ Генно, Фландріи, Лотарингіи, Бургундіи и оттуда въ западныя провинціи, гдѣ всюду перемѣшались съ мѣстными породами.

Гончая собака, которую описываетъ Гастонъ Фебъ, судя по ея большой и тяжелой колодкѣ, на толстыхъ и прямыхъ ногахъ, не очень высокихъ, съ тигровымъ чернымъ подшерсткомъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, прямо происходила отъ черныхъ собакъ св. Губерта. Гасконскія собаки во многомъ

сохранили качества и недостатки старинныхъ арденовъ; какъ и онѣ, гасконцы массивны: съ слишкомъ длинной колодкой, большой головой и длинными ушами; слишкомъ пѣши и низкочуты. Но нужно замѣтить, что благодаря искуссному подбору, порода много улучшилась. Теперь онѣ преобразовались въ отличныхъ гончихъ, пригодныхъ на волка и зайца.

Въ старые годы, между мѣстными собаками попадалось много черныхъ, и нѣкоторыя изъ нихъ сохранились еще до сихъ поръ въ стаяхъ Аріежа.

Вотъ описаніе старинныхъ гасконскихъ собакъ: ростъ очень большой (24—28 дюймовъ), иногда даже слишкомъ большой; окрасъ масти голубой или бѣлый крапчатый съ черными отмѣтинами, перемѣшанными съ оттѣнками цвѣта виннаго осадка, часто съ подпалинами и очками; подшерстокъ всегда черный; голова большая, иногда слишкомъ длинная; чутье очень толстое; глазъ на слезѣ; ухо очень длинное, свернутое въ трубку; почка иногда длинноватая и вдавленная; гонъ толстый и низко поставленный; лапа сухая; гачи немного вывернутые и иногда плоскіе; немного пѣши; голосъ великолѣпный, но иногда глухой; вязкость необыкновенная, но собаки слишкомъ низкочуты и безъ сметки, когда имъ приходится разбирать петли гоннаго звѣря. Онѣ особенно хорошо гонятъ по волку: ихъ прямо можно назвать природными волкогонами, а такъ какъ волкъ рѣдко обманываетъ собакъ, то онѣ и гонятъ его чудесно. По какой-то странности многія изъ нихъ обладаютъ даже волчьей побѣжкой и слѣдъ лапы сходенъ со слѣдомъ волка. Вообще

собаки эти своей манерой гнать голосисто и глухо могутъ годиться для охоты съ ружьемъ, но слишкомъ сыры, мясисты, тяжелы и кромѣ того подвержены частымъ нарывамъ.

Тулузскія собаки, похожія на гасконскихъ, отличались болѣе яркими подпалинами.

Нормандскія собаки.

Какихъ бы то ни было свѣдѣній объ этихъ собакахъ нигдѣ не встрѣчается ранѣе времени царствованія Людовика XIV; въ это только время, въ первый разъ упоминается, что, желая уменьшить поратость своихъ бѣлыхъ собакъ, онъ приказалъ примѣшать къ нимъ собакъ нормандскихъ, чѣмъ и испортилъ замѣчательную породу грефье. По тогдашнимъ описаніямъ, собаки эти имѣли слѣдующій видъ: голова удлиненная; лобъ широкій и морщинистый; чутье большое съ широкими ноздрями; на мордѣ брыли; уши длинныя, низко поставленныя и свернутыя въ трубку; глаза большіе и на слезѣ; задъ вислый; плечи мясистыя; колодка длинная, но богатырская; бедра широкія; гонъ у корня толстый и въ серпѣ; ноги какъ переднія, такъ и заднія крѣпкія, мускулистыя, прямыя съ продолговатой лапой. Нормандскія гончія были очень вязки, нестомчивы; имѣли прекрасные голоса и были необыкновенно полазисты. Окрасъ масти былъ черный, сѣрый, муругій и бѣлый; у черныхъ часто была бѣлая грудь, Кутё-ле-Кантелё полагаетъ, что порода эта произошла отъ смѣшенія собакъ св. Губерта съ сѣрыми и муругими изъ

Бретани, что весьма вѣроятно. Ростъ собакъ былъ большой отъ 24—28 дюймовъ.

Порода эта въ чистомъ видѣ уже не существуетъ, и вездѣ есть примѣсь англійскихъ собакъ, приданныхъ для поратости.

Собаки сентъ-онжъ.

Французскіе охотники не могутъ прійти къ какому-нибудь положительному мнѣнію о происхожденіи этихъ собакъ. Одни полагаютъ, что это помѣсь черныхъ и бѣлыхъ собакъ св. Губерта, другіе думаютъ, что онѣ произошли отъ извѣстныхъ бѣлыхъ королевскихъ собакъ.

Окрасъ масти этихъ собакъ черно-пѣгій съ блѣдными подпалинами; ростъ 24—28 дюймовъ; голова сухая, чутье немного вздернутое; нижнія вѣки отвислыя; уши средней величины, тонкія, свернутыя въ трубку; спина довольно узкая и съ напружиной; бедра сухія и жилистыя; грудь глубокая; лапы русачьи; постановъ собаки немного высокопередый; поратость довольно хорошая; голосъ хорошъ, но рѣдкоскалый; чутье прекрасное. Гончія эти гоняютъ ровно, не увлекаясь и всякаго звѣря, но требуютъ хорошаго ухода, пищи и частыхъ дневокъ; вообще выращиваются трудно.

Въ настоящее время порода эта нѣсколько измѣнилась и, улучшенная, получила большое распространеніе подъ названіемъ породы «вирeладъ». Порода эта начала свое существованіе съ 1846 года на псарнѣ г. Вараіона; вотъ что онъ говоритъ о ней: «Породы собакъ гасконскихъ и сентъ-онжъ

почти одного роста 23—25 дюймовъ; у нихъ въ одинаковой степени были развиты качества, отличавшія всегда французскихъ гончихъ: тонкость чутья, голосистость и красивая и благородная манера гнать, Съ одной стороны, собаки сентъ-онжъ обладали черно-пѣгимъ окрасомъ масти, тонкой и сухой головой, свернутымъ ухомъ, длинной, легкой шеей, глубокой грудью, напружиной, плоской ляшкой, прямымъ гономъ и сухой, мускулистой и русачьей лапой. Съ другой стороны, собаки гасконскія имѣли: окрасъ масти черно-пѣгій, съ чернымъ подшерсткомъ, массивную голову, длинное и свернутое ухо, отвислыя губы, широкую и мускулистую колодку, выступающія почки, серповидный гонъ, прекрасное здоровье и большую силу, азартъ и расторопность; были прекрасные волкогоны и зайца гнали въ совершенствѣ. Кромѣ этихъ двухъ породъ, я еще воспользовался остатками бывшей стаи г. Дефурніеля изъ собакъ бордосскихъ, имѣвшихъ много общаго съ только что описанными гончими. Бордосскія собаки, по всѣмъ вѣроятіямъ, происходили отъ скрещиванія собакъ бѣлыхъ и черныхъ, про что упоминаетъ уже Карлъ IX въ своей королевской охотѣ.

«Итакъ, въ самомъ началѣ я былъ обладателемъ самыхъ чистыхъ и лучшихъ французскихъ гончихъ. Имѣя возможность охотиться съ лучшими стаями сѣверной Франціи и видѣть на дѣлѣ работу какъ чисто англійскихъ собакъ, такъ и мѣшанныхъ, я могъ судить о тѣхъ и другихъ, что и заставило меня предпочесть настоящихъ французскихъ гончихъ всѣмъ другимъ. Занявшись тщательнымъ под-

боромъ и выкормкой щенятъ особенно питательной и укрѣпляющей пищей, я наконецъ достигъ желаемыхъ результатовъ и сдѣлался обладателемъ настоящей породы собакъ. Посредствомъ соединенія и смѣшенія гончихъ сентъ-онжъ и гасконскихъ ихъ кровь возродилась, и легкость въ соединеніи съ силой и здоровьемъ дали прекрасный результатъ».

Такимъ образомъ созданная порода виреладъ въ настоящее время лучшая изъ всѣхъ существующихъ во Франціи, самая распространенная и не имѣющая въ себѣ ни капли иностранной крови.

Пуатвинскія собаки.

Эта порода по всему близко подходитъ къ собакамъ сентъ-онжъ, но нельзя сказать, чтобъ это были одни и тѣ же собаки, Отличительные признаки этой породы: муругія отмѣтины съ яркими подпалинами, чего никогда не было у гончихъ сентъ-онжъ.

Легенда, сложившаяся о происхожденіи этихъ собакъ такого содержанія. Въ царствованіе Людовика XVI одинъ изъ охотниковъ Пуату г. Лари, имѣлъ породу гончихъ спеціально для охоты на волковъ. Во время революціи г. Лари былъ гильотинированъ, а собаки его перебиты, при чемъ остался въ живыхъ только одинъ выжлецъ, отъ котораго и произошли современныя пуатвинскія гончія, отъ помѣси этого выжлеца съ выжловками породы сентъонжъ. Откуда вывелъ своихъ собакъ г. Лари — сказать трудно; по всѣмъ вѣроятіямъ тутъ была кровь нор-

мандскихъ собакъ, но приведенныхъ изъ Англіи, откуда былъ родомъ и самъ г. Лари; въ Англіи эти собаки существовали со временъ Вильгельма Завоевателя и, преобразившись, слыли подъ именемъ стагъ-гоундовъ.

По другимъ источникамъ, во время первой французской революціи у одного изъ дворянъ было двѣ собаки этой породы, выжлецъ и выжловка; эмигрируя и боясь за жизнь своихъ любимцевъ, вслѣдствіе ихъ аристократическаго вида, онъ отрубилъ имъ уши и гоны. Возвратившись на родину, онъ нашелъ этихъ собакъ у своей сестры, которая, какимъ-то чудомъ спаслась сама и спасла собакъ, отъ которыхъ уже произошло многочисленное потомство.

Пуатвинскія гончія были обыкновенно трехцвѣтныя; росту около 23 дюймовъ; немного жидковаты, но съ глубокой грудью и сильной напружиной; голова очень тонкая, горбоносая; глаза живые и умные; уши короткія, но очень тонкія, шелковистыя и свернутыя; голосъ съ заливомъ, но тонкій; чутье удивительное и нестомчивость замѣчательная. Г-ну Лари не разъ приходилось преслѣдовать волка въ теченіе двухъ дней съ ночевкой, послѣ которой гончимъ приходилось разыскивать звѣря по старому слѣду, остывшему за ночь, на разстояніи нѣсколькихъ верстъ.

Единственный недостатокъ этихъ собакъ — это трудность выкармливанія щенятъ, изъ которыхъ мало остается въ живыхъ. Но для сганиванія волковъ, врядъ ли найдется лучшая порода, какъ по чутью, такъ и по своей нестомчивости.

Брессанскія собаки.

Это одна изъ самыхъ древнѣйшихъ, породъ до сихъ поръ извѣстныхъ гончихъ. Ихъ уже описывалъ Аріанъ подъ названіемъ сегузіевъ (segusii), находя ихъ сходными съ гончими Каріи и Крита, по отношенію къ тонкому чутью, но замѣчаетъ, что онѣ пѣшѣе и имѣютъ дикій и жалкій видъ. Галлы ихъ сравнивали съ нищими, просящими милостыню, до того ихъ голоса были жалобны и плаксивы; но, несмотря на ихъ дурноту и лохматость, римляне и галлы очень цѣнили этихъ собакъ. Ихъ названіе segusii происходило отъ мѣстности того же имени. Шерсть на нихъ была жесткая и торчащая во всѣ стороны, и тѣхъ-то именно, которыхъ греки находили самыми некрасивыми, галлы предпочитали всѣмъ прочимъ.

Собаки эти существуютъ еще и до сихъ поръ почти въ чистомъ видѣ и употребляются для охоты на волковъ и кабановъ; онѣ отличаются пѣшестью и прекрасными голосами съ заливомъ. Порода эта, нѣсколько измѣненная, находится въ Англіи подъ названіемъ выдровыхъ собакъ (отеръ-гоундъ).

Вандейскіе грифоны.

По всѣмъ вѣроятіямъ вандейскіе грифоны произошли отъ смѣшенія брессанскихъ брудастыхъ собакъ, только что описанныхъ, съ гладкошерстыми вандейскими собаками и сѣрыми св. Людовика, ибо замѣчается, что порода эта не вполнѣ установившаяся, такъ какъ въ одномъ и томъ же

пометѣ часто выраживаются собаки или совсѣмъ гладкія или совсѣмъ брудастыя. Окрасъ ихъ масти бѣлый съ муругими, желтыми и сѣрыми отмѣтинами; ростъ большой; сложеніе крѣпкое; здоровье такъ же; вообще это рабочая собака, особенно пригодная для кабановъ, такъ какъ ни одна гончая не идетъ смѣлѣе ея въ воду, болото или чащу. Поратость ея стоитъ много выше поратости англійскихъ собакъ; но у нихъ есть и важный порокъ — это слишкомъ большая горячность и отсутствіе хладнокровія при разыскиваніи упалого звѣря; злобность же этихъ собакъ на всякаго звѣря удивительная.

Собаки артуа.

Въ настоящее время порода эта почти не существуетъ, но по стариннымъ описаніямъ она была слѣдующая: окрасъ масти сѣрый съ муругими отмѣтинами, мраморный; съ очень яркими, тонкими голосами; ростъ большой; гнали особенно хорошо зайца и волка, но лисицей пренебрегали. Изъ другого описанія видно, что попадались собаки съ бѣлымъ, сѣрымъ и муругимъ окрасомъ масти вмѣстѣ. Голова у нихъ была короткая; чутье курносое; лобъ широкій; глаза большіе и красивые; уши средней величины, тонкія; колодка правильная и въ комкѣ; гонъ съ подвѣсомъ и иногда загнутый на спину. Прежде собаки эти очень цѣнились для охоты на зайцевъ и были очень распространены. Въ настоящее время если и есть экземпляры чистой породы, что сомнительно, то онѣ страшно выродились и измельчали. То же, что называется сейчасъ собаками

артуа, не имѣютъ ничего общаго съ старинными собаками, вслѣдствіе сильной примѣси англійскихъ собакъ, норманскихъ и собакъ мѣстныхъ, совершенно неизвѣстнаго происхожденія.

Кромѣ описанныхъ выше породъ, во Франціи существовало еще нѣсколько породъ, но всѣ онѣ прямо происходятъ отъ вышеозначенныхъ и особеннаго интереса не представляютъ, особенно для русскихъ охотниковъ. Породы эти слѣдующія:

1. Собаки де-ла-Лу.
2. Мерланы.
3. Голубыя собаки.
4. Аріежскія собаки.
5. Собаки Сѣри.
6. Собаки Монъ-д'Оръ.
7. Собаки Франшъ-Конте.

А также во Франціи теперь существуетъ пропасть собакъ мѣшанныхъ съ англійскими въ разной степени, попадаются и цѣлыя стаи англійскихъ чистыхъ фоксъ-гоундовъ.

ГЛАВА V.

Въ этой главѣ я займусь англійскими собаками.

О томъ, существовали ли какія-нибудь въ Англіи туземныя породы гончихъ въ очень отдаленное время, свѣдѣній нѣтъ. Тѣ же собаки, которыя намъ извѣстны, всѣ произошли отъ собакъ французскихъ и были впервые привезены въ Англію норманнами съ Вильгельмомъ Завоевателемъ.

Въ настоящее время англійская гончая, такъ сказать, специализировалась въ одинъ типъ, такъ называемыхъ лисогонныхъ собакъ (фоксъ-гоундовъ). Происходятъ они отъ тѣхъ же французскихъ собакъ, но вслѣдствіе примѣси крови борзыхъ, утратили голоса настоящихъ гончихъ, а также и чутье; теперь это не гончая собака, а особенное скаковое животное.

Всякая страна производитъ, конечно, то, что ей нужно. Англіи нужна была собака страшно порататая, красивая, нестомчивая, но не особенно чутьистая, и она вполнѣ достигла своей цѣли; волковъ въ Англіи давно нѣтъ, олень и коза — большая рѣдкость, оставалась одна лисица, да и той вѣроятно скоро не будетъ; уже теперь Францiя и другія страны доставляютъ туда живыхъ лисицъ для охоты. Поэтому понятно, что настоящей, чутьистой, голосистой гончей въ англійской охотѣ дѣлать нечего; искать ей не приходится, а гнать по чистому мѣсту и лѣсу, весьма не трудно, особенно такого вонючаго звѣря, какъ лиса; требуются лишь ноги и ноги.

Что же касается старинныхъ собакъ Англіи, то ихъ существовало не особенно много породъ, и она въ этомъ отношеніи много уступала Франціи.

Породы эти были слѣдующія:

1. Блодъ-гоунды.
2. Стагъ-гоунды.
3. Фоксъ-гоунды (старинные).
4. Харьеры.
5. Бигли.

При этомъ нужно замѣтить, что всѣ эти породы, кромѣ первой блодъ-гоундовъ, всѣ похожи одна на другую и отличаются почти только ростомъ; но по формамъ, мускулатурѣ и окрасу масти это все тѣ же старинные фоксъ-гоунды.

Но первоначальной породой все-таки остается блодъ-гоундъ, или тальботъ, или гончая св. Губерта, что — все то же. Старинные тальботы были бѣлые.

Блодъ-гоундъ.

Описывать стариннаго блодъ-гоунда нечего, такъ какъ это уже сдѣлано въ статьѣ о собакахъ св. Губерта; въ Англіи онѣ лишь получили названіе блодъ-гоундовъ или кровяной собаки, такъ какъ исключительно употреблялись для выслѣживанія раненыхъ животныхъ по кровяному слѣду. Впослѣдствіи эти собаки нѣсколько измѣнили масть отъ смѣшенія съ нормандскими собаками, а въ настоящее время измѣнились почти совсѣмъ отъ примѣси крупныхъ дворныхъ собакъ и договъ.

Стагъ-гоундъ,

иначе оленегонныя собаки, въ старое время были королевскими собаками и употреблялись исключительно для охоты за оленями, начиная съ XVI ст. Происхожденіе ихъ довольно запутанное; надо полагать, что тутъ есть кровь нормандскихъ собакъ и частица шотландскихъ оленегонныхъ борзыхъ. Собаки эти были трехцвѣтныя, бѣлыя съ муругими

отмѣтинами и подпалинами, роста большого, съ хорошими головами, гладкошерстыя, но съ большимъ подвѣсомъ на гонѣ; уши немного вздернутыя, вѣроятно отъ примѣси упомянутыхъ выше шотландскихъ оленегонныхъ борзыхъ.

Старинный фоксъ-гоундъ

походитъ на предыдущихъ гончихъ, но былъ нѣсколько меньше ростомъ, чѣмъ современный фоксъ-гоундъ. Описаніемъ современнаго фоксъ-гоунда я займусь послѣ отдѣльно и здѣсь упоминать о немъ не буду.

Харьеры.

Эта порода просто небольшія лисьи собаки, но отличающіяся отъ нихъ болѣе длиннымъ ухомъ, меньшей поратостью и хорошими голосами. Ихъ употребляли только для охоты на зайцевъ. Окрасъ ихъ масти былъ бѣлый съ темными отмѣтинами и подпалинами.

Бигли.

Бигли почти то же, что хорьеры, но еще меньше ихъ, и подраздѣлялись на нѣсколько породъ, которыя отличались другъ отъ друга только ростомъ. Въ концѣ-концовъ порода эта была доведена до такого роста, что цѣлую стаю нагружали на одну лошадь въ двѣ перекидныя корзины и такимъ образомъ отправлялись на охоту, конечно только на

зайцевъ и кроликовъ. Собаки эти были до того малы, что втроемъ не могли справиться съ зайцемъ и поймать его; порода эта называлась «фарфоровыми собачками». Между этими особенно маленькими собачками встрѣчались двѣ разновидности: одна гладкошерстая, а другая брудастая. Это были любимыя собаки королевы Елизаветы.

Современные фоксъ-гоунды.

Въ концѣ описанія англійскихъ гончихъ перейду къ описанію современныхъ лисогонныхъ собакъ, такъ, какъ онѣ описываются самими же англичанами и какъ онѣ извѣстны у насъ въ Россіи, но къ сожалѣнію въ лицѣ худшихъ своихъ представителей.

Вотъ что говорятъ сами англичане. «Настоящая лисогонная собака, самое замѣчательное созданіе, и ея усовершенствованіе всецѣло произошло отъ того здраваго и практичнаго веденія этой породы, которое практиковалось за послѣднія двѣсти, триста лѣтъ. Во многихъ случахъ на это дѣло тратилось отъ двухсотъ до двухсотъ пятидесяти тысячъ франковъ ежегодно въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ для улучшенія одной какой-нибудь стаи. Къ этому надо прибавить, что дѣлалось это крайне осмотрительно и осторожно для всѣхъ извѣстныхъ стай послѣднихъ лѣтъ; послѣ этого тѣ результаты, которые достигнуты за послѣднее время, покажутся совершенно естественными. Изъ всѣхъ отраслей спорта объ охотѣ на лисицу болѣе всего написано не только въ самое послѣднее время, но въ теченіе послѣднихъ трехъ столѣтій. Между самыми замѣча-

тельными авторами, писавшими по этому предмету, можно назвать: Маркгама, Соммервиля и Бекфорда. Этотъ послѣднiй, жившiй въ концѣ прошлаго вѣка, можетъ прямо назваться отцомъ современной школы; его первое письмо помѣчено 1779 годомъ, и та собака, которую онъ описалъ, до сихъ поръ считается лучшей у самыхъ извѣстныхъ современныхъ спортсменовъ. Съ тѣхъ поръ объ этомъ много писали, но никто изъ писателей не отступалъ отъ этого типа, не сдѣлавъ ошибки».

Для большей ясности я привожу здѣсь описанiе этого типа словами самого Бекфорда, какъ онъ это сдѣлалъ въ своемъ третьемъ письмѣ:

«Вы желаете знать, пишетъ онъ, какого рода собакъ я рекомендую? Такъ какъ вы не упоминаете ни о странѣ, ни о родѣ охоты, то я могу предполагать, что вы говорите вообще, и на это я вамъ отвѣчу, что я предпочитаю собакъ средняго роста: я думаю, что онѣ здоровѣе и не такъ скоро устаютъ.

«Насчетъ роста и окраса масти у большинства спортсменовъ у каждаго свой вкусъ, что же касается наружнаго вида, то, я полагаю, что они должны въ этомъ сходиться. Я знаю спортсменовъ, которые утверждаютъ, что маленькая собака часто побѣждаетъ большую, что легче взбѣжитъ на гору и скорѣе пролѣзетъ въ кустахъ; тогда какъ другiе, съ той же увѣренностью, поддерживаютъ, что большая собака проложитъ себѣ дорогу во всякой мѣстности, скорѣе маленькой переберется черезъ болото, и что никакая изгородь, какъ бы она высока ни была, не помѣшаетъ ей миновать ее.

«Теперь вы знакомы съ противоположными мнѣніями и я вамъ совѣтую придержаться того изъ нихъ, которое ближе всего будетъ подходить къ той мѣстности, гдѣ вы живете. Но мнѣ кажется, что ростъ, лучше всего подходящій къ охотѣ, это ростъ средній между двумя крайностями, и я утверждаю, что съ этимъ ростомъ собаки во всякой мѣстности побѣждены не будутъ. Для того, чтобы стая была красивѣе, нужно, чтобъ собаки были одного роста и даже, мнѣ кажется, одной и той же породы.

«Въ строеніи лисогонной собаки есть нѣсколько особенностей, которыхъ спортсменъ никакъ не долженъ упускать, ибо если собака не обладаетъ полнѣйшей симметріей во всѣхъ своихъ частяхъ, она не будетъ въ состояніи ни гнать порато, ни быть нестомчивой. Ей приходится переносить большую усталость, и нужно, чтобъ ея силы позволили ей не поддаваться этой усталости. Ея ноги должны быть прямы, какъ стрѣлы, ея лапы круглы и не слишкомъ велики, ея плечи пологи; грудная клѣтка скорѣе широкая, чѣмъ узкая, боченкомъ; грудь глубокая; спина широкая; голова малая; шея тонкая; гонъ съ подвѣсомъ и по возможности хорошо поставленный. Собаки съ вывернутыми лопатками и тѣ, у которыхъ ноги слабы отъ колѣна до лапы, не должны быть допускаемы въ составъ стаи.

«Я упомянулъ о маленькой головѣ, какъ о признакѣ хорошей собаки, но это имѣетъ лишь отношеніе къ красотѣ, что же касается доброты, то собаки съ большими головами нисколько не хуже.

«Относительно окраса масти, я не придаю этому никакого значенія и придерживаюсь того мнѣнія,

что хорошая собака всегда будетъ хорошаго окраса масти.

«Спортсмены вообще слишкомъ много придаютъ значенія тѣмъ собакамъ, къ которымъ они привыкли. Тѣ, которые привыкли къ острорылымъ собакамъ, не признаютъ, что собака съ широкой головой можетъ быть лисогонной, а однако обѣ одной и той же породы; поратость и красота признаки первой, а чутье и сила отличительные признаки другой. Я могу васъ увѣрить, что мнѣ случалось прекрасно охотиться съ очень некрасивыми стаями, составленными изъ собакъ разнаго роста, разнаго типа, и разнаго цвѣта, такъ что между ними не было возможности найти какое бы то ни было сходство по кровямъ. Разбирая каждую собаку въ отдѣльности онѣ были хороши, но какъ стая, нужно было желать многаго. Собаки ваши должны гнать стайно и вы убѣдитесь, что это очень важно; достичь же этого можно лишь подборомъ собакъ одной породы, одного роста и одного сложенія.

«Нужно остерегаться слишкомъ уменьшать голову лисогонной собаки, какъ это произошло съ большинствомъ гончихъ; этимъ достигается увеличеніе скорости въ ущербъ чутью, что мы видимъ на борзой собакѣ. Нѣкоторые спортсмены, особенные любители современной лисогонной собаки, того мнѣнія, что чутье прежнихъ собакъ было гораздо развитѣе, чѣмъ у настоящихъ стай. Опытъ показалъ, что всѣ измѣненія въ головѣ гончей сильно вліяютъ на чутье, вслѣдствіе этого надо тщательно избѣгать уменьшать объемъ головы лисогонной собаки. Но голова у нея не должна

быть ни коротка, ни груба; нужно чтобы чутье было достаточно толсто; лобъ открытый, но не слишкомъ выпуклый; ноздри открытыя; уши округленныя и средней длины; шея должна быть длинная и тонкая; плечи должны быть, какъ у лошади, наклонены къ спинѣ и быть мускулистыми, но не тяжелыми. Для ногъ необходима особая сила съ короткимъ пазанкомъ, какъ это принято для скаковой лошади; нельзя требовать большой поратости отъ собаки съ кривыми передними ногами, а также и отъ той, у которой будетъ слишкомъ большое разстояніе отъ колѣна до земли спереди и отъ черныхъ мясовъ до земли сзади. Бедра должны быть крѣпкія и жилистыя на ощупь; ляшки должны быть какъ можно шире и спущены какъ можно ниже. Избѣгайте собакъ съ слабыми ребрами, такъ же какъ и скаковыхъ лошадей: обѣ очень скоро подвергаются усталости. Грудь у лисогонной собаки должна быть какъ можно глубже и все тѣло въ комкѣ, но при совершенно прямой спинѣ и широкихъ почкахъ; безъ этихъ условій у нея не будетъ ни поратости ни силы. Не нужно, чтобъ ея крестецъ былъ бы такимъ квадратнымъ, какъ у пойнтера, — это уменьшаетъ поратость, но не нужно, чтобъ онъ былъ и очень округленъ, какъ у лошадей тяжеловозовъ. Гонъ долженъ нѣсколько загибаться кверху и украшаться подвѣсомъ; тонкость гона на манеръ правила борзой не рекомендуетъ лисогонную собаку, и мы постоянно любуемся серповидностію гона, поднятаго кверху, кромѣ какъ во время гоньбы, когда гонъ долженъ непремѣнно быть опущенъ, а голова поднята кверху.

«Правильныя лапы, которыя должны быть круглыя, сжатыя и съ крѣпкими когтями много, зависятъ отъ той свободы, какой пользовались собаки во время щенячьяго возраста; если имъ не будетъ предоставлена полная свобода бѣгать, то онѣ никогда не будутъ имѣть полнаго развитія, и лапы никогда не будутъ круглы, какъ у кошки.

«Собаки съ желтыми отмѣтинами никогда не пользовались предпочтеніемъ, но мы видѣли нѣкоторыхъ изъ нихъ, обладающихъ хорошимъ чутьемъ и достаточной силой. Цвѣта черный, коричневый и муругій рѣдко попадаются въ отдѣльности, большей же частью масти эти смѣшаны, на которыхъ выступаютъ кое-гдѣ бѣлыя отмѣтины, отчего эти темныя мѣста выступаютъ еще рѣзче. Такъ какъ оттѣнки мастей безконечны, то каждая собака легко узнается на далекихъ разстояніяхъ, что часто очень важно для доѣзжачаго. Черный окрасъ масти съ болѣе свѣтлыми подпалинами очень красивъ, но чаще попадается въ гладкошерстыхъ породахъ и въ выдровыхъ собакахъ, чѣмъ въ собакахъ съ болѣе длинной шерстью. Говорятъ, что первоначальный окрасъ масти старинный былъ свѣтло-половый или муругій; кажется это и была масть древнихъ «canes venatici». У старинныхъ англійскихъ писателей часто говорится о муругихъ собакахъ, изъ чего можно заключить, что этотъ цвѣтъ былъ, хотя и не первоначальный, но самый распространенный въ то время. На многихъ старинныхъ картинахъ, изображающихъ охоты на оленей и кабановъ, муругія собаки преобладаютъ, но на другихъ, гдѣ представлены охоты

на медвѣдя, въ собакахъ преобладаютъ черные цвѣта. Если мы не ошиблись, то то же самое можно видѣть на картинахъ Сюндерса въ Луврѣ.

«Ростъ и складъ лисогонной собаки должны сообразоваться съ мѣстностью, гдѣ намѣрены охотиться; большихъ собакъ нельзя всегда считать лучшими; въ гористой мѣстности нужно предпочитать всегда собакъ сильныхъ и средняго роста; онѣ лучше разбираютъ слѣдъ и легче переносятъ усталость при постоянныхъ подъемахъ и спускахъ; въ мѣстностяхъ же съ частыми и высокими изгородями лучше имѣть большихъ и сильныхъ собакъ.

«Отличительный признакъ лисогонной собаки не зависитъ отъ роста; можно ихъ довести до маленькаго роста зайчатницъ, но это все-таки будетъ лисогонная собака; это дѣло вкуса и, если бъ не существовало разныхъ особенностей въ мѣстностяхъ охоты, то мы совѣтовали бы держаться въ этомъ случаѣ только личнаго вкуса и фантазіи.

«Качества собакъ играютъ очень важную роль для любителей лисьей охоты. Говорятъ совершенно вѣрно, что хорошая лисогонная собака никогда не вретъ и никогда не подаетъ голоса зря. Она должна быть пората, но не проносчива, и громко взлаивать, како только ошибется; это тотъ моментъ, когда хорошая собака выказываетъ всѣ свои способности, ибо чувствуетъ, что предоставлена самой себѣ, и опытная собака въ этомъ случаѣ всегда найдется. Стараясь чутьемъ уловить всякій малѣйшій запахъ, хорошая собака въ то же время прислушивается ко всякому звуку. Порсканіе охотника и звукъ рога

ею понимаются вполнѣ, и когда собака довѣряетъ найденному наконецъ слѣду, то тутъ-то и выкажется ея рѣшительность, сообразно съ чистотой ея породы. Всѣ охотники за лисицами, знаютъ, какое существуетъ количество породъ собакъ. Какимъ образомъ ихъ ни воспитывай, все-таки изъ нихъ найдется много никуда не годныхъ; даже въ хорошей стаѣ найдется много собакъ различнаго характера и со способностями, присущими только нѣкоторымъ изъ нихъ; одни обладаютъ хорошимъ поискомъ и всегда находятъ лисицу, даже тамъ, гдѣ двадцать или тридцать смычковъ ничего не подняли; другія имѣютъ особенную способность гнать въ пересѣченной мѣстности и, наконецъ, нѣкоторыя незамѣнимы въ преслѣдованіи звѣря на плоской мѣстности».

Изъ только что приведенной статьи можно замѣтить двѣ выдающіяся особенности: обращеніе гончей собаки въ почти чисто-скаковое животное и совершенно различное понятіе о лисогонной собакѣ въ Англіи и у насъ въ Россіи. При дальнѣйшемъ разборѣ и описаніи гончихъ собакъ, я уже объ англійской лисогонной собакѣ упоминать не буду, такъ какъ признавать современную лисогонную собаку за гончую, по-моему, нельзя, а другихъ гончихъ въ Англіи въ настоящее время нѣтъ. Что же относится къ стариннымъ собакамъ этой страны, то изъ предыдущаго видно, что это были тѣ же французскія гончія, которыя и попали-то туда изъ Франціи.

Англичане несомнѣнно великіе знатоки по части вывода породъ; никто на свѣтѣ не имѣетъ той по-

слѣдовательности, выдержки и, если можно такъ выразиться, логичности въ этомъ дѣлѣ, которую они выказываютъ на каждомъ шагу. Дѣло лишь въ томъ, по отношенію къ гончимъ собакамъ, что порода эта выведена англичанами и доведена до совершенства только въ виду ихъ охоты и въ ихъ мѣстностяхъ. Настоящая работа гончей собаки врядъ ли гдѣ сохранилась въ Европѣ, кромѣ Россіи, а для нашей-то именно работы англійская лисогонная собака и не годится. Въ выше приведенномъ описаніи ясно видно, что собака эта утратила чутье и голосъ, въ чемъ сознаются сами англичане; поэтому-то эти собаки не только не пригодны для насъ въ своемъ чистомъ видѣ, но даже какъ примѣсь къ нашимъ гончимъ. Онѣ ни въ какомъ случаѣ не могутъ придать стаѣ качества, но только ухудшить, испортивъ чутье и голосъ. Итакъ, англійскую гончую собаку надо вполнѣ оставить англичанамъ и не увлекаться ни ея поратостью ни нестомчивостью, потому что всего этого можно достигнуть въ должной мѣрѣ подборомъ производителей въ нашихъ русскихъ гончихъ.

ГЛАВА VI.

Окончивъ обзоръ гончихъ собакъ западной Европы, я постараюсь соединить въ одно и показать, какія ихъ отличительные признаки и чего въ собакахъ добивались западные охотники.

Всѣ французскіе охотничьи авторитеты, какъ Карлъ IX, Дю-Фулью, Сальновъ и другіе, признавали, что коренныхъ породъ гончихъ собакъ четыре: собаки св. Губерта, большія бѣлыя королевскія, муругія бретонскія и сѣрыя св. Людовика; остальныя всѣ признавались породами или не чистокровными, или происходящими отъ четырехъ коренныхъ породъ.

Разсматривая этотъ предметъ съ другой стороны, приходишь къ совершенно иному результату. Французскіе охотники разбирали породы по ихъ качеству и работѣ; смотря же на породы съ чисто исторической точки зрѣнія или давности породъ, я пришелъ къ слѣдующему: коренныхъ породъ западныхъ гончихъ слѣдуетъ считать не четыре, а только три, а именно: собакъ св. Губерта, черныхъ и бѣлыхъ, муругихъ бретонскихъ и брессанскихъ; собакъ сѣрыхъ св. Людовика нельзя считать западными собаками, а восточными, и имъ я посвящу отдѣльное мѣсто. Группируя всѣхъ западныхъ гончихъ, можно замѣтить, что я не ошибся, предполагая три коренныхъ породы, мною названныя, а не четыре, признаваемыя французами. Дѣйствительно, всѣ западныя гончія дѣлятся на два вида: гладкошерстыхъ и брудастыхъ; представителями гладкошерстыхъ являются собаки св. Губерта и муругія бретонскія, а представителями брудастыхъ — брессанскія; тотъ и другой видъ далъ много разновидностей, обратившихся въ самостоятельныя породы; такъ, отъ собакъ св. Губерта произошли: большія бѣлыя королевскія, гаскон скія, нормандскія, сентъ-онжъ, тулузскія, а также

современныя вирѐладъ. Отъ муругихъ бретонскихъ произошли артуа, а отъ брессанскихъ вандейскіе грифоны; я не привожу другихъ, существующихъ на Западѣ собакъ, какъ стоящихъ уже на послѣднемъ планѣ. Кромѣ того, обращая вниманіе на признаки, характеризующіе всѣхъ этихъ собакъ, я прихожу къ слѣдующему: отличительные признаки, присущіе всѣмъ западнымъ собакамъ, это отсутствіе подшерстка или обязательно черный подшерстокъ, по большей части длинное, низко поставленное, свернутое въ трубку, ухо и развитый соколокъ, кромѣ собакъ бретонскихъ и брессанскихъ и происходящихъ отъ нихъ. Можно даже признать, что длинное ухо не является исключительно характернымъ признакомъ западной собаки, такъ какъ изъ коренныхъ породъ одни собаки св. Губерта обладали имъ. Но, съ другой стороны, принимая во вниманіе, что губерты являются самыми распространенными въ разныхъ другихъ породахъ, и что сами французы всегда старались объ этомъ, признавая, это красивымъ можно пожалуй принять длинноухость, какъ признакъ, въ нѣкоторой только степени характерный для западной гончей. Все-таки длинноухость нельзя считать признакомъ, необходимымъ для всякой западной гончей. Такими признаками являются, какъ я могъ заключить изъ обзора описаній всѣхъ собакъ, только два; отсутствіе сѣраго подшерстка, котораго нѣтъ ни у одной изъ породъ западныхъ гончихъ, и развитіе соколка.

Теперь я займусь описаніемъ сѣрыхъ собакъ св. Людовика; я совершенно выгородилъ эту собаку на томъ основаніи, что я признаю въ ней не

собаку съ острова Крита, какъ это находитъ Кутё-де-Кантелё, а просто нашу русскую гончію, которая вѣроятно имѣла широкое распространеніе на всемъ востокѣ. Тѣмъ болѣе, что современники Людовика Святого сами заявляютъ, что порода эта была пріобрѣтена отъ татаръ, и что Людовику это стоило большихъ хлопотъ; оно и понятно при дальномъ разстояніи отъ мѣста плѣна короля до Татаріи.

Всѣ описанія этой породы у старинныхъ французскихъ охотниковъ прямо указываютъ на разительное сходство сѣрыхъ собакъ съ русскими гончими; я здѣсь приведу самыя выдающіяся изъ этихъ описаній.

Дю-Фулью, писатель XVI столѣтія, такъ говоритъ объ этой породѣ: «Собаки эти очень распространены, такъ какъ годятся для всякой охоты, вслѣдствіе чего онѣ очень любимы дворянствомъ; охотиться съ ними можно на всякаго звѣря; всякаго звѣря онѣ гонятъ хорошо. Лучшія изъ породы тѣ, у которыхъ сѣрый хребетъ; очки и ноги рыжеватыя какъ у русаковъ; изъ нихъ нѣкоторыя попадаются съ чернымъ хребтомъ и съ темными подпалинами: эти еще лучше, хотя между сѣрыми собаками плохихъ не попадается. Выраживаются между ними и соловыя, но онѣ не такъ пораты и не такъ нестомчивы какъ другія. Царственныя особы отъ этихъ собакъ большого удовольствія получить не могутъ, такъ какъ онѣ очень не любятъ большой толпы и шума; ихъ характеръ такъ азартенъ, что при большомъ шумѣ и большомъ количествѣ людей онѣ слишкомъ горячатся. Кромѣ

того онѣ боятся жаровъ и не любятъ звѣрей, которые слишкомъ много хитрятъ и путаютъ свой слѣдъ, но, если звѣрь идетъ прямо, то лучше и поратѣе собакъ найти трудно. Дурныя ихъ стороны, это — упрямство, недовѣрчивость и проносчивость, зависящая отъ ихъ азартности и слишкомъ большихъ круговъ, которые онѣ привыкли дѣлать при упаломъ звѣрѣ. Онѣ очень привязчивы къ доѣзжачему, узнаютъ его голосъ и звукъ его рога и съ нимъ лучше и охотнѣе гонятъ, чѣмъ съ чужимъ человѣкомъ. Особенность этой породы та, что онѣ очень хорошо знаютъ, которая собака изъ стаи имѣетъ слабость врать и которая гонитъ вѣрно, и къ врунье ни одна собака не подвалится. Это настоящая рабочая порода, не боящаяся ни холода, ни воды, и если только стая замѣтитъ, что звѣрь сталъ уставать и позволитъ догнать себя, то стая его уже ни за что не броситъ и словитъ непремѣнно. Кто хочетъ съ ними охотиться какъ слѣдуетъ, тотъ долженъ поступать такъ: при напускѣ какъ можно меньше возбуждать стаю порсканіемъ, то же самое дѣлать, когда звѣрь упадетъ и никогда не проѣзжать впереди собакъ, а держаться сзади: иначе стая будетъ проноситься; но когда звѣрь идетъ прямо и чистымъ мѣстомъ, то порскать напротивъ надо громко и часто». При этомъ описаніи приложенъ рисунокъ, по которому судить о собакѣ довольно трудно и можно замѣтить только три особенности: короткую шерсть, гонъ съ подвѣсомъ и плоское, небольшое, высокопоставленное ухо съ нѣсколько заостренным конномъ.

5*

Французскій король Карлъ IX въ своемъ сочиненіи: «La chasse royale» очень высоко ставитъ сѣрыхъ собакъ, называя ихъ настоящими царскими собаками, вопреки мнѣнію дю-Фулью. Сѣрыя собаки, говоритъ онъ, большого роста, съ высокопоставленнымъ ухомъ; окрасъ масти чистопородныхъ схожъ съ цвѣтомъ русака; у нихъ широкая и сильная колодка; заднія ноги прямыя и хорошо сложенныя; лапа сухая; но чутье у нихъ хуже, чѣмъ у черныхъ собакъ (св. Губерта), отъ чего у нихъ является и другая манера гнать. Черныя собаки гонятъ не торопясь, а эти, какъ очень поратыя, гонятъ стайно, вдалекѣ отъ слѣда и на виду другъ у друга; часто при напускѣ онѣ бросаются съ голосомъ вслѣдствіе своей азартности; это происходитъ потому, что онѣ чувствуютъ слабость своего чутья и что если онѣ дадутъ звѣрю удалѣть отъ нихъ, то имъ будетъ уже трудно его отыскать; отъ этого же онѣ такъ же гонятъ въ пяту, если нападутъ на двойку; онѣ поступаютъ въ этомъ случаѣ какъ волки и не нуждаются въ томъ, чтобъ доѣзжачій ихъ навелъ на конецъ слѣда. Если же передъ стаей, которая гонитъ, вскочитъ свѣжій звѣрь, какой бы то ни было, то ихъ удержать не возможно, и онѣ бросятся за нимъ непремѣнно, удержатся отъ этого развѣ нѣсколько старыхъ и опытныхъ собакъ. Вообще про нихъ можно сказать, что это бѣшеныя собаки и съ ними постоянно можно рисковать сломать себѣ шею и ноги, если не отставать отъ стаи. Если олень поадержится, то онѣ сгоняютъ его очень скоро, но если онъ начнетъ хитрить, то собакъ лучше сомкнуть

и ѣхать домой». Изъ этого описанія можно заключить, что это были собаки не созданныя для парфорсной охоты, ибо онѣ не обладали нужнымъ для этого хладнокровіемъ.

Кутё-де-Кантелё приводитъ въ своемъ описаніи все уже сказанное, къ чему можно прибавить эпитафію сѣраго выжлеца: «Рёле», которая начинается такъ:

«Сѣрыя собаки уже давно пріобрѣли свою извѣстность быть лучшими между всѣми гончими, оставляя послѣ себя достойныхъ потомковъ и наслѣдниковъ своихъ качествъ». Далѣе самъ Рёле говоритъ отъ себя: «Мой сѣрый цвѣтъ переходилъ въ коричневый, цвѣтъ самый распространенный въ нашей породѣ; спина моя была съ напружиной; заднія ноги прямыя и гибкія, а въ стаѣ я всегда ходилъ безъ смычка.

Іоаннъ дю-Бекъ даетъ самое подробное описаніе сѣрыхъ собакъ; онъ хвалитъ собакъ багрянаго окраса масти, съ толстымъ гономъ, грубой шерстью, глазомъ на слезѣ и страшной энергіей, не боящихся ни холода ни мокроты. Кромѣ того, по словамъ того же автора, онѣ очень полазисты, нестомчивы, азартны и голосисты.

У писателей XVIII столѣтія, мы находимъ все тѣ же повторенія, заимствованныя отъ старинныхъ писателей, но эти охотники нѣсколько измѣнили свой взглядъ на гончихъ относительно очковъ; такъ, они принимали, что всѣ гончія съ очками не могутъ обладать нужными качествами для парфорсной охоты, такъ какъ всѣ онѣ слишкомъ азартны и способны къ увлеченію, чего при пра-

вильной охотѣ допустить нельзя. По этимъ причинамъ азартная порода сѣрыхъ собакъ и должна была исчезнуть. Въ то время, когда Францiя изобиловала звѣрями всякаго рода и дворянство охотилось чуть не каждый день, имъ и нужна была азартная, неутомимая гончая; со временемъ, когда количество звѣря поуменьшилось, охоты стали рѣже, всякимъ разъ обложеннымъ звѣремъ стали дорожить потребовалась и другая собака, болѣе хладнокровная, не способная къ увлеченiямъ и строго, методически сганивающая указаннаго ей звѣря, не увлекаясь ничѣмъ.

Я считаю сѣрую собаку прямой представительницею типа восточной гончей, а слѣдовательно и русской, вотъ почему я и занялся ею такъ подробно. Свѣдѣнiя, которыя мною почерпнуты изъ французскихъ источниковъ, могутъ, по моему мнѣнiю, послужить намъ для опредѣленiя точнаго типа русской гончей, существовавшей у насъ въ старинное время.

Соединивъ въ одно все, что написано о сѣрой собакѣ, я прихожу къ слѣдующему описанiю: собака роста большого; окрасъ масти багряный, чепрачный, соловый, всѣ три съ сѣроватиной; очки; подпалины рыжiя или соловыя; колодка мощная, широкая съ напружиной; шерсть грубая; гонъ толстый, коротковатый, съ подвѣсомъ, въ серпѣ; ухо плоское, высокопоставленное; глазъ полный огня, на слезѣ; голова довольно большая и скорѣе широкая во лбу, чѣмъ удлиненная; лапа въ комкѣ; ноги прямыя, какъ заднiя, такъ и переднiя. Переходя къ нравственнымъ качествамъ гончихъ, нельзя

не замѣтить еще большаго сходства съ нашими гончими: та же азартность, полазистость, нестомчивость, способность увлечься всякимъ вскочившимъ передъ ними звѣремъ, огромное довѣріе къ доѣзжачему, выборъ вожака въ стаѣ, способность гнать всякаго звѣря и то же отвращеніе отъ шума, толпы и усиленнаго порсканія. Сколько разъ мнѣ самому приходилось видѣть, какъ гончихъ била лихорадка и онѣ стучали зубами передъ напускомъ отъ нетерпѣнія, а залежавшаяся молодая стая съ голосомъ бросалась въ опушку, еще ничего не чуя; всѣми этими качествами обладала и сѣрая собака св. Людовика. Особенное же сходство даетъ намъ сѣрый подшерстокъ, короткое ухо, окрасъ масти и способность гнать всякаго звѣря; я лично видѣлъ русскихъ гончихъ, гнавшихъ отлично: зайца, лису, волка, барсука, оленя, дикую козу, лося и медвѣдя; даже хорьковъ и тѣхъ гоняли.

Послѣ сдѣланныхъ мною сопоставленій, я полагаю, что тожественность сѣрой собаки св. Людовика и русской гончей, вполнѣ можетъ считаться доказанной. При этомъ надо сдѣлать оговорку относительно изображеній сѣрыхъ собакъ у французскихъ писателей; мнѣ извѣстны два рисунка и оба они совершенно различны; одинъ изъ нихъ находится въ сочиненіи дю-Фулью, половины XVI столѣтія, другой въ сочиненіи Кутё-де-Кантелё, взятый со стариннаго ковра герцоговъ Гизъ. Дѣло въ томъ, что изображеніе должно, казалось бы, соотвѣтствовать описанію, но въ этихъ двухъ рисункахъ огромное несогласіе: насколько рисунокъ у дю-Фулью схожъ съ описаніемъ, настолько рису-

нокъ, взятый съ ковра, не сходенъ съ описаніемъ, и я полагаю, что въ этомъ случаѣ слѣдуетъ, конечно, держаться дю-Фулью. Очень можетъ быть, что на коврѣ, даже это весьма вѣроятно, судя по виду, изображена совсѣмъ не сѣрая гончая, а скорѣе вандейскій грифонъ или брудастая брессанская собака.

Какъ заключеніе этой главы, я разберу и укажу на тѣ требованія, которыя французы предъявляли къ своимъ стаямъ. Парфорсная охота, въ томъ видѣ, какъ она всегда существовала на Западѣ, не имѣетъ ничего общаго съ нашей охотой, и то, что требовалось отъ западной гончей, совершенно не подходитъ къ тому, что требуется отъ нашихъ гончихъ Вслѣдствіе этихъ-то требованій западныя породы гончихъ собакъ, съ годами совершенно измѣнились. Подборъ производителей велся многія сотни лѣтъ въ извѣстномъ направленіи, такъ что то, что охотники сначала искали и съ трудомъ поддерживали въ своихъ собакахъ, въ концѣ концовъ превращалось въ природное качество собакъ, присущее породѣ вслѣдствіе наслѣдственности. Такъ, напримѣръ, азартность, присущая всякой хорошей гончей въ нашемъ смыслѣ, при парфорсной ѣздѣ считается порокомъ; оно и понятно: горячая, азартная собака не въ состояніи хладнокровно добиваться найти слѣдъ упалого звѣря, когда у нея изъ-подъ носа выскочитъ свѣжій звѣрь; понятно, что она погонитъ то, что ей бросится первое въ глаза. Если только можно такъ выразиться, для парфорсной охоты нужна собака культурная, благовоспитанная, съ хорошими манерами и съ высшимъ вос-

питаніемъ, собака, у которой кровь не заядлаго охотника, а западнаго спортсмена.

Я приведу здѣсь подлинныя слова Кутѐ-де-Кантелё о скрещиваніи, въ которыхъ ясно высказано, чего надо искать и желать въ гончихъ собакахъ, по взглядамъ на это дѣло западныхъ охотниковъ:

«Вопросъ о подборѣ производителей и скрещиваніи, говоритъ онъ, одинъ изъ главнѣйшихъ въ охотѣ, потому что въ гончей собакѣ все зависитъ отъ ея природы и очень мало отъ воспитанія; поэтому надо употреблять постоянное стараніе, чтобъ она сохранила и упрочила нужныя качества, которыя постоянно склонны утратиться. При желаніи поддержать породу, улучшить ее или создать новую, является вопросъ о скрещиваніи и подборѣ, требующій серіознаго знанія. Улучшить или сохранить въ чистотѣ породу, требуетъ большихъ стараній». Чтобъ хорошо обсудить этотъ вопросъ нужно прослѣдить за животнымъ отъ утробы его матери; съ того момента, когда зародышъ, оплодотворенный сѣменемъ отца, начнетъ жить и, послѣ развитія въ теченіе 63 дней, явитъ въ себѣ, вмѣстѣ съ созданными единовременно братьями, организованное существо, отмѣченное сходствомъ со своими родителями. Если не было какой-нибудь внутренней помѣхи и беременность прошла благополучно, то потомство двухъ собакъ одной породы будетъ походить на родителей и имѣть всѣ признаки, присущіе этой породѣ. Когда мать и отецъ различныхъ породъ, то дѣти будутъ походить и на мать и на отца почти въ равной степени; но очень часто это смѣшеніе бываетъ и не въ равной степени; разъ

дѣти болѣе походятъ на отца, другой разъ на мать, и это, какъ въ характерѣ и наружномъ видѣ, такъ и въ ростѣ и достоинствахъ, смотря по старшинству породы отца или матери. Часто одна часть помета бываетъ въ отца, а другая въ мать, особенно если породы родителей одинаково стары и сильны; но если одинъ изъ нихъ, напримѣръ отецъ, болѣе чистой и старой породы, чѣмъ мать, то потомство будетъ болѣе походить на отца. Сходство въ восходящей линіи одно изъ менѣе замѣчательныхъ явленій въ потомствѣ, ибо часто можно замѣтить, что въ пометѣ есть большее сходство съ бабушкой или дѣдомъ, чѣмъ съ отцомъ. Эта особенность замѣчается чаще, если извѣстные признаки поддерживались въ породѣ въ продолженіи многихъ поколѣній, т.-е. когда порода сохранялась во всей своей чистотѣ, что и составляетъ установившуюся породу, постоянно сохраняемую посредствомъ подбора, питанія, дрессировки и т. д.

У насъ нѣтъ породъ чистыхъ въ полномъ смыслѣ этого слова; наши породы самыя лучшія и славящіяся своей чистотой не что болѣе, какъ помѣси одного вида, происходящія отъ подбора производителей, пищи, климата и т. д. Человѣкъ, вслѣдствіе своей дѣятельности, развилъ то, что ему было полезно, замѣтилъ всѣ постепенныя измѣненія, улучшилъ ихъ и распространилъ, пользуясь тѣми причинами, которыя ихъ производили; впослѣдствіи онъ же эти измѣненія закрѣпилъ и сдѣлалъ неизмѣнными. Когда нѣкоторыя, случайныя особенности являли выдающіяся формы, организацію или качества, изъ которыхъ можно было извлечь что-

нибудь полезное, ихъ возводили въ основу и впослѣдствіи выводили породу. Когда же эти особенности замѣчались на нѣсколькихъ особяхъ одного помета, можно было весьма легко ихъ упрочить черезъ совокупленіе этихъ особей между собою.

Я уже сказалъ, что всякая разновидность имѣетъ склонность выродиться и вернуться къ своему первоначальному виду; эта склонность сильнѣе въ разновидностяхъ случайныхъ или даже въ тѣхъ породахъ, гдѣ достаточно было лишь нѣсколькихъ поколѣній, чтобъ сгладить признаки первоначальной породы. Но въ породахъ давно установившихся, требуется болѣе длинный промежутокъ времени, чтобъ замѣтить вырожденіе. Въ искусствѣ поддерживать извѣстную породу собакъ все зависитъ отъ умѣнія сохранить эти извѣстныя особенности породы, такъ какъ замѣчено, что собаки легче всѣхъ другихъ животныхъ склонны къ вырожденію. Всѣ существующія породы составляютъ результатъ только стараній человѣка упрочить извѣстныя качества, для него полезныя. Порода происходитъ или изъ какихъ-нибудь случайныхъ вырожденій, появившихся вдругъ, или вслѣдствіе стараній человѣка, задавшагося извѣстной цѣлью; въ этомъ случаѣ надо выбирать единицы, можетъ и непохожія другъ на друга, но являющія въ себѣ тѣ особенности, которыми задались заранѣе, и тогда цѣль достигается совокупленіемъ этихъ первоначальныхъ единицъ и ихъ потомковъ; этимъ способомъ можно достигнуть самыхъ удивительныхъ измѣненій въ животныхъ и создать положительно идеальныя формы. Разъ какая-нибудь порода или

разновидность принята и создана, то ея существованіе будетъ зависить не только отъ выбора производителей, но и отъ сохраненія той обстановки, при которой порода можетъ вполнѣ сохранить свои особенности; такъ, напримѣръ, если желаютъ сохранить особенно большой ростъ, или еще увеличить его, то нужно изъ помета оставлять лишь двухъ или трехъ щенковъ; пища должна даваться матери самая питательная и щенятъ съ самаго ранняго возраста надо пріучать къ животной пищѣ, давая имъ при этомъ полную свободу на чистомъ воздухѣ. Но самое прочное постоянство породы зависитъ отъ тщательнаго выбора отцовъ, которые бы, имѣя въ высшей степени требуемыя формы и особенности, были бы способны передавать ихъ своимъ дѣтямъ. Порода лишь тогда можетъ называться чистой, когда въ теченіе очень долгаго времени производителями были представители одной породы и этой чистотѣ породы слѣдуетъ въ ея производителяхъ приписывать громадное значеніе. Но несмотря на это самый тщательный подборъ производителей еще не достаточенъ, чтобъ сохранить въ породѣ надлежащую силу, живучесть и здоровье. Самый опытный собаководъ, признающій необходимость чистопородности въ генеалогіи своихъ собакъ, по опыту можетъ узнать, что нѣкоторыя особенности можно сохранить и получить только посредствомъ временнаго примѣшиванія посторонней крови для обновленія старой. Въ этомъ случаѣ при выборѣ матерей и отцовъ нужно обращать вниманіе на очень многое, смотря по тому, желаютъ ли продолжать уже существую-

щую породу, исправить нѣкоторые недостатки ея, или создать новую породу; въ этихъ случаяхъ, особенно въ двухъ послѣднихъ, еще ни о чемъ нельзя судить по одному или двумъ потомствамъ, такъ какъ могутъ получиться разныя аномаліи, или собаки восходящей породы, и несмотря на всѣ старанія и уходъ нелься еще получить ничего совершеннаго. Такъ какъ разочарованій надо ожидать, то никогда не слѣдуетъ выбирать двухъ производителей съ одинаковыми пороками; они могутъ быть прекрасны во всѣхъ другихъ частяхъ, но какъ производители не могутъ быть допущены. Передать потомству можно не только формы, но и внутреннія качества, передающіяся такъ же легко. Темпераментъ, умъ, понятливость, послушаніе наслѣдственны и должны всегда приниматься въ расчетъ собаководами. Неопытные любители часто впадаютъ въ ошибку, поддерживая одно какое-нибудь качество или форму и упуская изъ виду совокупность всего, или будущее улучшеніе всѣхъ качествъ. Такъ, желая придать поратость, можно довести ее до быстроты борзой, но это произойдетъ въ ущербъ чутью и понятливости, а особенно голоса. Собаководамъ надо постоянно имѣть въ виду, что, по закону животной экономіи, всякое исключительное развитіе какого-нибудь органа, будь то естественное или искусственное, всегда происходитъ въ ущербъ другихъ органовъ или качествъ. Такъ если слишкомъ развивать чутье и голосистость въ породѣ, она непремѣнно перeродится въ крайнію пѣшость, при которой даже то развитіе чутья, которымъ будетъ обладать со-

бака ни къ чему не поведетъ. Только что приведенный примѣръ особенно замѣтенъ на тѣхъ породахъ, гдѣ чистота крови доведена до высшей степени.

Что касается совокупленія близкихъ родныхъ, то я теперь не придаю этому такого важнаго значенія, какъ прежде, лишь съ тѣмъ условіемъ, чтобъ это совокупленіе происходило между особями сильными, съ чистой кровью и хорошимъ здоровьемъ. Сама природа намъ даетъ въ этомъ примѣръ на дикихъ животныхъ, сильныхъ и здоровыхъ, живущихъ стадами и размножающихся такимъ образомъ; олень присоединяетъ своихъ дочерей къ своему стаду и обладаетъ ими все время, пока у него еще есть достаточо силы, чтобъ побѣждать своихъ молодыхъ соперниковъ; то же самое дѣлаетъ быкъ и жеребецъ до тѣхъ поръ, пока упадокъ силъ или болѣзнь заставятъ ихъ отказаться отъ своего главенства и передать его особямъ болѣе сильнымъ и молодымъ вмѣстѣ съ стадомъ самокъ, которое за нимъ слѣдовало. Повидимому, сама природа прибѣгла къ этому способу, чтобъ уничтожить вырождаемость, которая такъ замѣтна въ людяхъ, когда два существа слабаго здоровья задаются воспроизведеніемъ потомковъ.

Для надежнаго вывода породы необходимо, чтобъ выжловка была не моложе двухъ осеней, когда уже она вполнѣ развилась; это очень важно, потому что при выводѣ карликовыхъ породъ извѣстно, что нужно ускорять способности воспроизведенія. Первый пометъ выжловокъ, повязанныхъ слишкомъ рано, бываетъ мелокъ, оттого

что утроба матери еще слишкомъ мала и щенкамъ въ ней слишкомъ тѣсно. Подобное потомство въ свою очередь еще раньше приходитъ къ совершеннолѣтію, чѣмъ крупныя собаки, и продолжая совокуплять собакъ все раньше и раньше, приходятъ къ полному вырожденію породы и къ крайней недолговѣчности ея представителей. Поступая наоборотъ, породу улучшаютъ, заставляя ее производить себѣ подобныхъ въ моментъ полнаго развитія силъ и возраста. Но исходя изъ того воззрѣнія, что производители должны быть въ полномъ возрастѣ, не нужно, опять-таки прибѣгать къ производителямъ слишкомъ старымъ или слишкомъ истощеннымъ; отъ такихъ производителей щенки родятся уже съ признаками вырожденія, какъ альбинизмъ; вообще такіе щенки малокровны, сонны, лѣнивы, трусливы и почти всегда съ слабымъ зрѣніемъ.

Въ гончей собакѣ надо различать двѣ стороны физическую и нравственную. Внѣшній видъ, нестомчивость и происходящіе отъ того ростъ и наружныя формы, признаки породы составляютъ ея физическія качества.

Чутье, инстинктъ, понятливость и голосистость суть нравственныя качества.

Соединяя двѣ особи различной породы и пола, обладающія какъ физическими, такъ и нравственными качествами извѣстнаго направленія, и упрочивая эти качества нѣсколькими поколѣніями и тщательнымъ уходомъ, конечно, можно достигнуть породы отличающійся отъ первоначальной; и порода эта будетъ, несомнѣнно, соединять въ себѣ тѣ

качества, которыя находились отдѣльно въ ихъ прародителяхъ, если только будутъ слѣдовать правиламъ вышеизложеннымъ. Чтобъ достигнуть постоянства въ какой-нибудь породѣ, необходимо, чтобы всѣ самки и самцы-производители обладали отличительными признаками этой породы. Когда будетъ достигнуто, что всѣ выжловки и выжлецы одинаковыхъ формъ и внутреннихъ качествъ начнутъ производить между собой такихъ же потомковъ, породу можно считать установившейся. Но для поддержанія ея все-таки нужно будетъ прибѣгать къ скрещиванію съ особями первоначальной породы, особено въ томъ случаѣ, когда будетъ замѣтна склонность къ вырожденію или переходу къ типу исключительно одного изъ прародителей, будь это по женской или мужской линіи.

Въ одной и той же породѣ вліяніе на потомство отца, является въ одинаковой степени, какъ и вліяніе матери, при условіи одинаковыхъ обстоятельствъ; но разность лѣтъ, сложенія и другихъ естественныхъ причинъ могутъ разрушить равновѣсіе, и тогда тотъ полъ, который окажется сильнѣе, будетъ болѣе влiять на потомство, чѣмъ другой. Въ соединеніи же двухъ различныхъ породъ является вопросъ, какое будетъ вліяніе отца; очевидно, что въ томъ случаѣ, какъ мы уже это замѣтили, сильнѣйшее вліяніе окажется со стороны старѣйшей и болѣе чистой породы. При соединеніи же двухъ различныхъ породъ одинаково чистыхъ и старыхъ, нельзя ничего сказать относительно вліянія отца; опытъ показалъ только то, что въ большинствѣ случаевъ отецъ вліяетъ на внѣшній видъ, а мать на нравственную сторону».

Изъ только что приведенныхъ правилъ, можно замѣтить, съ какимъ вниманіемъ французскіе охотники относились къ веденію породъ своихъ гончихъ. А такъ какъ парфорсная охота существовала во Франціи и вообще на всемъ Западѣ съ незапамятныхъ временъ, то улучшеніе собакъ въ этомъ только направленіи должно было совершенно измѣнить первобытный характеръ гончихъ собакъ. Изъ собаки кровожадной, дикой, злобной на всякаго звѣря, образовали собаку вполнѣ культурную, послушную и спеціализировали породы для разныхъ охотъ. Иначе оно и не можетъ происходить для правильной парфорсной охоты. Собаки сумасшедшія отъ горячности, злобныя и непослушныя не могутъ гнать одного и того же звѣря, не соблазняясь на попадающихся имъ на пути другихъ, свѣжихъ звѣрей. Отъ этого всѣ азартныя собаки въ производители не допускались и брались только тѣ, которыя были наиспособнѣйшими при распутываніи тѣхъ хитростей на слѣду, которыя начинаетъ дѣлать утомившійся гонный звѣрь; способны на это конечно были собаки, обладающія необходимымъ для этого хладнокровіемъ и не способныя увлекаться. Кромѣ того при парфорсной охотѣ необходима крайняя послушливость стаи, такъ какъ часто стаю приходится останавливать моментально, нерѣдко въ то время, когда она погнала навзрячь, чего съ злобными и азартными собаками сдѣлать нельзя. Во время парфорсной охоты управителемъ стаи не всегда является доѣзжачій: часто эту роль приходится исполнять каждому изъ участниковъ охоты; въ этомъ-то случаѣ

гончія и должны выказать свою послушливость даже въ отношеніи чужого имъ человѣка.

Что ни разсказывай западные охотники объ азартности своихъ собакъ, все это будетъ лишь относительная азартность; настоящей же, вслѣдствіе самаго способа охоты, въ нихъ быть не можетъ и не должно; а такъ какъ ее убивали въ собакахъ въ теченіе многихъ столѣтій, то современная западная гончая не можетъ годиться ни для какой другой охоты, кромѣ ружейной или парфорсной. Лучшій примѣръ этому мы видимъ на сѣрыхъ собакахъ св. Людовика: судя по описаніямъ, это была сумасшедшая собака, и потому-то именно она и была впослѣдствіи признана не годной для охоты, такъ что эту породу совсѣмъ оставили. Одно то обстоятельство, что существовали и существуютъ спеціальныя породы для сганиванія различныхъ звѣрей, показываетъ насколько западная гончая утратила свою азартность, ибо собака, обладающая настоящимъ охотничьимъ нравомъ, ни за что не удержится, чтобъ не погнать то, что у нея выскочило изъ-подъ морды, будь то какой бы то ни было звѣрь, даже домашній.

Теперь я перейду къ исторіи русскихъ гончихъ.

ГЛАВА VII.

Какова была гончая собака въ древней Россіи, сказать можно только приблизительно, почему я могу высказать здѣсь свое мнѣніе, основывая его лишь на моихъ личныхъ взглядахъ и предположе-

ніяхъ, при чемъ главнымъ основаніемъ къ этимъ предположеніямъ могутъ послужить слѣдующія данныя:

1) родъ мѣстности,
2) климатъ и
3) способъ охоты.

Всѣ эти данныя для каждаго охотника въ нѣкоторомъ родѣ обрисовываютъ и собаку.

Въ прежнее время Россія была повсемѣстно покрыта большими лѣсами, не принимая конечно въ расчетъ чисто степной части нашего отечества, такъ какъ въ то отдаленное время, по всѣмъ вѣроятіямъ, тамъ не могло производиться охоты съ гончими собаками. Вслѣдствіе же подобной мѣстности можно сообразить, какими качествами должна была обладать гончая того времени; это по всѣмъ вѣроятіямъ были: чутьистость, вязкость, полазистость, нестомчивость и голосистость.

Климатъ, конечно, вліялъ въ этомъ случаѣ только на бо́льшую или меньшую густоту шерсти собаки. Центральная и сѣверная Россія какъ въ то время, такъ и въ настоящее не обладаетъ теплымъ климатомъ, а потому и гончая должна была быть и есть и теперь собака тепло одѣтая, обладающая густой, грубой шерстью съ мягкимъ теплымъ подшерскомъ.

Вѣроятно, у насъ прежде производился тотъ же способъ охоты, что и сейчасъ, т.-е. съ гончими и борзыми, почему и нужно предположить, что гончая была азартна, злобна, привязчива къ своему доѣзжачему и не особенно послушна, но кромѣ

того была проносчива и металась на всякаго звѣря, даже на домашній скотъ.

Кромѣ вышесказаннаго, надо еще принять во вниманіе тѣ особенныя свойства нашей собаки которыя отличали ее отъ западныхъ; свойства эти: обязательный сѣрый подшерстокъ; высоко поставленное, плоское ухо и грубость шерсти. Я привелъ эти три признака какъ необходимые для нашей собаки, хотя у западной гончей два послѣдніе признака также попадаются довольно часто въ разныхъ породахъ, какъ бретонскихъ, артуа и т. д.

Соображаясь съ вышесказаннымъ, я предполагаю, что можно вывести слѣдующій типъ старинной гончей восточной собаки: ростъ большой, около шестнадцати вершковъ; голова большая, съ хорошо развитымъ чутьемъ; глазъ на слезѣ; ухо коротковатое, плоское и высоко поставленное; колодка богатырская, съ напружиной, хорошо развитыми ребрами бочонкомъ и съ глубокой грудью; ноги прямыя, крѣпкія, мускулистыя, съ не совсѣмъ прямымъ заднимъ пазанкомъ, но безъ коровины; гонъ средней длины, толстый, съ подвѣсомъ; шерсть грубая съ мягкимъ сѣрымъ подшерсткомъ; окрасъ шерсти багряный или багряно-пѣгій, или багряный съ бѣлыми отмѣтинами на загривкѣ, на груди и на концѣ гона; могли также быть собаки соловыя или черныя съ соловыми подпалинами. Я упомянулъ о бѣломъ цвѣтѣ въ окрасѣ потому, что твердо убѣжденъ, что въ восточной гончей собакѣ есть примѣсь лайки, между которыми много бѣлыхъ собакъ; но все это только мое личное мнѣніе, которое я никому не намѣренъ навязывать.

Обращаясь же далѣе по вопросу о русской гончей къ письменнымъ источникамъ, замѣчаемъ у всѣхъ старинныхъ писателей отсутствіе данныхъ о томъ какая это была собака въ ихъ время. Повидимому вопросъ этотъ или мало интересовалъ тогдашнихъ охотниковъ, или порода собакъ была настолько извѣстна, настолько установившаяся и повсемѣстно распространенная, что не могла возбудить какихъ-либо споровъ; но мнѣ кажется, что послѣднее врядъ ли будетъ справедливо, потому что настоящія гончія представляютъ слишкомъ много различій между собою; скорѣе можно сказать, что прежде не интересовались этимъ и смотрѣли лишь на то, чтобъ гончая исполняла роль загонщика, будь она бѣлая, багряная или черная. Все вниманіе тогдашнихъ охотниковъ было обращено на борзыхъ и на соколиную охоту; но изъ этого не слѣдуетъ заключать, чтобъ гончія были не хороши, а можно только сказать, что подборъ производителей у нихъ велся такъ же, какъ у дикихъ животныхъ, и что если человѣкъ и направлялъ его, то направлялъ безсознательно. Отъ гончей требовались чутье, голосистость, вязкость и нестомчивость; все, что не подходило подъ эти условія выкидывалось изъ стаи вонъ. Слѣдуя такому порядку, конечно порода сама собой должна была дать собакъ чутьистыхъ, голосистыхъ, нестомчивыхъ и вязкихъ; а такъ какъ эти качества тѣсно связаны съ наружнымъ видомъ, то должна была образоваться и цѣлая порода собакъ, обладающихъ въ силу сознательнаго подбора означенныхъ нравственныхъ качествъ, извѣстнымъ сложеніемъ и

наружнымъ видомъ. Хорошее чутье влечетъ за собой извѣстное строеніе головы, голосистость строеніе гортани, вязкость совмѣстна съ хорошимъ чутьемъ и нестомчивостью, а нестомчивость не можетъ существовать безъ правильнаго, крѣпкаго и сильнаго тѣлосложенія, а все это вмѣстѣ образововывало одинакость ноги у стаи и одинаковое сложеніе органовъ передвиженія. Впослѣдствіи уже явилось желаніе имѣть собакъ такой, или другой масти, такого или другого роста и т. д., но положительно можно сказать, что въ началѣ не могло существовать подбора по статямъ.

Всѣ письменные источники, относящіеся до русскихъ гончихъ у насъ въ Россіи, могутъ быть раздѣлены на двѣ части: самые старинные, въ которыхъ мы тщетно стали бы искать описанія роста, окраса масти и вообще наружнаго вида собаки, и на болѣе поздніе источники, въ которыхъ, наоборотъ, является такое крайнее разнообразіе описаній, что разобраться въ нихъ очень трудно. Старинные охотники не были заняты вопросомъ роста, масти и т. д ; а позднѣйшіе, напротивъ, описывали всякій ту породу, которую видѣлъ, и изъ этихъ описаній видно, что породы эти были довольно разнообразны, даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ прямо фантастичны. Тутъ являются собаки костромскія, старинныя русскія, крутогонныя, арлекины англо-русскіе, франко-русскія, брудастыя и наконецъ что-то въ родѣ меделяновъ, судя по описанію; однимъ словомъ, чего хочешь, того просишь. Еще особенная черта всѣхъ этихъ описаній, это — что каждая описываемая порода была абсолютно единственной, обладающей та-

кими качествами, которыя дѣлали ее идеальной для охоты. Но что замѣчательно, это — какъ одна и та же порода, описанная у двухъ писателей, совершенно между собой разнится: напримѣръ, собаки костромскія и старинныя русскія. По-моему, подобное смѣшеніе понятій о породахъ собакъ въ Россіи совершенно понятно: каждый изъ писавшихъ зналъ собакъ только той мѣстности, гдѣ онъ охотился, а при трудности сообщеній и разбросанности охотниковъ далеко другъ отъ друга, понятно, что большинство изъ нихъ, не знали о иныхъ породахъ, которыя существовали въ отдаленіи отъ нихъ. Поэтому у нѣкоторыхъ охотниковъ о этихъ отдаленныхъ мѣстахъ даже составились какія-то легендарныя понятія, какъ о собакахъ костромскихъ: тутъ являются нѣкоторые вопросы, на которые положительно трудно отвѣчать. Почему этихъ собакъ разводили только въ этой губерніи? Для чего онѣ были необходимы какимъ-то татарамъ-промышленникамъ? Не говоря уже о крайне оригинальномъ воспитываніи ихъ въ какихъ-то ямахъ. Для лѣсного промышленника гончая стая совсѣмъ не нужна, и всякій изъ нихъ предпочтетъ хорошую лайку цѣлой стаѣ самыхъ лучшихъ гончихъ; промышленники, живущіе только охотой, населяютъ и теперь громадныя пространства въ Россіи, и ни одинъ изъ нихъ не промышляетъ съ гончими собаками. На конецъ, чѣмъ бы такой промышленникъ, питающійся самъ дичью, сталъ бы кормить стаи собакъ, и особенно татаринъ, который самъ ѣстъ конину, которую другіе и могли бы давать своимъ собакамъ, но въ лѣсной мѣстности и лошадей-то почти не

держатъ. Вопреки всему этому, у насъ сложилась цѣлая легенда о какихъ-то костромскихъ собакахъ, разводимыхъ татарами, да еще въ ямахъ, что собаки эти были чудо что такое, и что ихъ можно было пріобрѣтать только въ Костромской губерніи цѣлыми готовыми съѣзженными громадными стаями. Я не отрицаю того, что костромская гончая порода собакъ существовала, но только не у татаръ-промышленниковъ, а скорѣе у всѣхъ нашихъ сѣверныхъ помѣщиковъ, у которыхъ вѣроятно и можно было купить даже цѣлую съѣзженную стаю.

Теперь я вернусь снова назадъ, къ первымъ временамъ существованія Россіи, и постараюсь изобразить, какъ охотились наши предки, на какихъ звѣрей, и что говорятъ объ этомъ лѣтописи, рисунки и сказанія прежней Руси.

О породахъ собакъ или даже объ одной только породѣ можно было бы судить по способу охоты нашихъ предковъ, но, къ сожалѣнію, описаній старинныхъ охотъ нѣтъ въ томъ видѣ, въ какомъ они были бы желательны для изслѣдованія. Извѣстно, что наши предки охотились, и охотились часто и много, но съ какими собаками, сказать можно только приблизительно.

Въ самыхъ древнихъ лѣтописяхъ уже упоминается о такъ называемыхъ бобровыхъ гонахъ, изъ чего можно заключить, что это была одна изъ извѣстныхъ охотъ, урегулированная даже нѣкоторыми законами. Но, повидимому, на бобровъ было обращено вниманіе болѣе съ доходной точки зрѣнія чѣмъ съ охотничьей, ибо шкуры цѣнились довольно высоко и служили предметомъ обмѣна на другіе то-

вары, а также выражали собою богатство и достатокъ обладателя этими шкурами. Дремучіе лѣса, покрывавшіе тогда Россію изобиловали разной крупной дичью, какъ зубръ, лось, олень, кабанъ, медвѣдь, волкъ, рысь и т. д., за которыми и охотились; но странно то, что на старинномъ русскомъ языкѣ нѣтъ слова «охота» въ томъ смыслѣ, какъ это мы понимаемъ теперь, а только слово «ловы», что придаетъ этому понятію какъ будто значеніе промысла съ практическими цѣлями, а не для удовольствія. Что собаки въ то время употреблялись сомнѣваться нельзя; но какія это были собаки, сказать трудно, можно только предположить, что для разныхъ охотъ были и разныя собаки. Найденныя и реставрированныя фрески собора св. Софіи въ Кіевѣ подтверждаютъ это мнѣніе; тамъ можно видѣть три различныя породы собакъ: травильную, лайку и гончую. Жаль что сохранились только три фрески, на которыхъ и находятся эти три собаки. Травильная собака довольно рослая, остромордая, со стоячими ушами, хвостъ въ серпѣ, шерсть гладкая масть свѣтло-сѣрая, напоминающая волка, — изображена бросающейся на кабана.

Собака, повидимому лайка, масти сѣрой, маленькаго роста, съ густой шерстью въ видѣ муфты на шеѣ, остальное же тѣло покрыто гладкой шерстью, хвостъ закорюченный; сидитъ у дерева и лаетъ на бѣлку.

Гончая собака преслѣдуетъ оленя; она большого роста, подрывистая, съ маленькимъ, плоскимъ ухомъ, поставленнымъ высоко, гладкошерстая, гонъ коротковатый съ подвѣсомъ и прямой, голова про-

долговатая, почти съ прямымъ лбомъ безъ всякой пережабины, глаза большіе, прибылыхъ пальцевъ нѣтъ, масть багряная, переходящая въ рыжій окрасъ. Что это гончая и багряная — сомнѣваться нельзя, хотя отъ времени краски и могли измѣниться, но не на столько чтобы совсѣмъ перемѣнить свой цвѣтъ: онѣ могли сдѣлаться болѣе свѣтлыми или скорѣе темными, но можно ручаться, что первоначальный цвѣтъ одинъ изъ темно-рыжихъ оттѣнковъ. Эти данныя — все, что мы имѣемъ по части охотничьихъ рисунковъ собакъ временъ Ярослава Мудраго.

Кромѣ этого, когда я задумалъ писать исторію гончихъ, я постарался собрать всѣ матеріалы, сколько-нибудь подходящіе къ этому предмету, и все, что я могъ почерпнуть въ нихъ, я приведу здѣсь въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ, начиная со времени самаго отдаленнаго.

Всѣ эти свѣдѣнія раздѣляются на двѣ части: на рисунки и писанныя свѣдѣнія; о рисункахъ я уже говорилъ, и всѣ они заключаются только въ вышеупомянутыхъ фрескахъ собора св. Софіи.

Первые же письменные документы почерпнуты мною изъ сочиненія Николая Сементовскаго: «Сказаніе о ловахъ великихъ князей кіевскихъ». Изъ всего приведеннаго въ этомъ сказаніи видно, какъ я уже это замѣтилъ, что ловы въ то время составляли не столько потѣху, сколько существенную потребность жизни, какъ по отношенію къ продовольствію, такъ и по части прибыли, торговли и богатства, ибо въ то время очень многое цѣнилось и покупалось звѣриными шкурами; такъ наши ве-

ликіе князья вели обширную мѣновую торговлю шкурами и мѣхами съ Константинополемъ. Есть данныя и за то, что охотились и на мелкихъ пушныхъ звѣрковъ и даже на птицъ, что видно изъ изображеній въ томъ же Софійскомъ соборѣ; но охоты эти производились или съ помощью ловчихъ птицъ, или съ луками и стрѣлами; такъ на одной фрескѣ изображенъ заяцъ и надъ нимъ соколъ, на другой — бѣлка, въ которую охотникъ собирается пустить стрѣлу. Въ одной былинѣ говорится:

„Въ тотъ день выпадала пороша снѣгу бѣлаго,
И наѣхали они (князья) свѣжій слѣдъ;
Сами они дивуются:
Либо зайка скакалъ, либо бѣлъ горностай".

Въ лѣтописяхъ упоминается объ охотахъ великаго князя Всеволода на зайцевъ съ тенетами и кречетами, но нигдѣ нѣтъ извѣстій о томъ, чтобы зайцевъ ловили или гоняли собаками На фрескахъ собора св. Софіи, какъ я уже говорилъ, сохранились три изображенія различныхъ собакъ: на одномъ изображеніи виденъ кабанъ, на котораго бросается большая травильная собака, а охотникъ колетъ его въ это время рогатиной. Еще и теперь во многихъ мѣстахъ охотятся на кабановъ съ крупными дворняжками съ чисто травильнымъ характеромъ; вѣроятно въ старину употреблялся этотъ способъ съ большинствомъ крупной дичи, т.-е. собаки останавливали звѣря, и охотникъ изъ-подъ нихъ принималъ его рогатиной.

Въ другомъ мѣстѣ изображено дерево, на которомъ сидитъ бѣлка, лайка на нее лаетъ, а охотникъ натягиваетъ лукъ; изъ этого видно, что еще въ то

время существовала лайка для охоты за мелкими пушными звѣрками.

Третья фреска, самая для насъ интересная, съ гончей, догоняющей оленя, объясняетъ намъ существованіе этой породы въ то время. Что это гончая, а не какая-нибудь другая собака, совершенно ясно какъ по складу собаки, такъ и по положенію ушей и подвѣсу на гонѣ и положенію всей картины: собака находится на первомъ планѣ, а олень на второмъ, и, какъ видно, художникъ хотѣлъ изобразить оленя много дальше собаки, что ему отчасти и удалось. Интересно также то, что эта собака, единственная изъ трехъ, изображена въ ошейникѣ, что наводитъ конечно на мысль, что ее водили на сворѣ и спускали только тогда, когда это было нужно. Предположить, что дѣло идетъ здѣсь о борзой собакѣ, нельзя, такъ какъ собака представлена съ висячими ушами, а въ то время въ Россіи врядъ ли была извѣстна восточная борзая, которая вѣроятно появилась у насъ не ранѣе татарскаго нашествія.

Изъ завѣщанія Владимира Мономаха своимъ дѣтямъ опять-таки ясно видно, что охота въ то время была почти ратоборствомъ между человѣкомъ и звѣремъ: «А се трудился я, ѣздя на ловъ звѣрей», пишетъ онъ, «понеже княжилъ я въ Черниговѣ, а изъ Чернигова вышедъ и... кромѣ иного лова и кромѣ того, что въ Туровѣ со отцомъ своимъ, ловя всякаго звѣря. А въ Черниговѣ вотъ что я дѣлалъ: дикихъ коней своими руками вязалъ я въ густыхъ лѣсахъ по десяти и по двадцати живыхъ. Кромѣ того ѣздилъ по рвамъ, ловилъ своими руками таковыхъ же коней дикихъ. Самка буйво-

лова дважды метала меня и съ конемъ на рогахъ. Олень меня рогами бодалъ. Два лося, одинъ меня ногами топталъ, а другой рогами бодалъ. Кабанъ откусилъ висящій на бедрѣ мечъ. Медвѣдь подкладь у колѣна укусилъ; лютый звѣрь (волкъ) вскочилъ ко мнѣ сидящему на конѣ на бедры и коня со мноюповергъ на землю и Богъ невредимо меня сохранилъ». Какъ видно изъ сихъ словъ, охота въ то время дѣйствительно представляла серіозныя опасности.

При великихъ князьяхъ находилась такъ называемая ловчая дружина, состоявшая изъ приближенныхъ бояръ, отроковъ и гридней, подъ начальствомъ ловчаго изъ бояръ. Дружины эти были очень многочисленны; такъ ловчая дружина великаго князя Владимира была такъ многочисленна, по словамъ лѣтописца, какъ двѣ рати на боевомъ полѣ; что всѣ ловчіе, всѣ бояре, князья, гридни и отроки были одѣты въ золото и серебро; что когда дружина выѣзжала торжественно изъ Кіева на ловы, то каждому казалось, что это ѣдутъ князья, собравшіеся со всего свѣта на пиръ къ великому князю Владимиру. Оно и не мудрено, что ловчія дружины были такъ многочисленны, потому что это было вмѣстѣ съ тѣмъ и войско, а такъ какъ охота считалась вмѣстѣ съ тѣмъ и государственною статьею дохода, то требовалась сила, чтобъ поддержать свои права на извѣстныя мѣстности, дающія хорошій доходъ государству.

Основаніе великаго княжества кіевскаго было сдѣлано въ виду этой доходной статьи. Несторъ въ своей лѣтописи прямо говоритъ, что три брата

Кій, Щекъ и Хоревъ, потому только избрали это, мѣсто, что «и бяше около града лѣсъ и боръ великъ и бяху ловише звѣрь; бяху бо мудріе и смышлены». Великая княгиня Ольга послѣ побѣды надъ древлянами, первымъ дѣломъ устанавливаетъ свои «становища и ловища», т.-е. заповѣдныя мѣста для охоты. Ярославъ Мудрый первый изъ великихъ князей издаетъ охотничьи законы, касающіеся какъ правъ производства лововъ, такъ и животныхъ, употребляемыхъ при ловахъ; въ «Русской Правдѣ» говорится: «Если кто украдетъ въ чіемъ перевѣсѣ (мѣсто, принадлежащее кому-нибудь для охоты) песъ или ястреба, или сокола, то три гривны (платитъ) въ казну, а владѣльцу гривну», что составитъ въ общемъ сорокъ настоящихъ серебрянныхъ рублей, такъ какъ тогдашняя гривна на наши деньги равняется десяти серебрянымъ рублямъ. Это единственное указаніе на то, что собственность ловчихъ или охотничьихъ собакъ охранялась довольно значительнымъ для того времени штрафомъ.

Но все сказанное, все-таки, не даетъ яснаго понятія о томъ, какая именно была въ то время русская гончая собака и какая была ея роль въ охотѣ, а также какія были ея свойства, качества и пороки; хотя ловчіе псы и попали въ «Русскую Правду», но нельзя сказать, чтобъ вообще собаки пользовались у русскаго народа особеннымъ вниманіемъ, почетомъ и уходомъ, какъ это замѣчается на Западѣ. Русскіе послѣ принятія христіанства считали пса за нечистое животное, поганое, даже враждебное Богу; въ одномъ древнемъ сказаніи говорится, что сначала собака была голая, безъ шерсти, и что эту

шерсть далъ ей діаволъ: «Господь Богъ, говорится тамъ, приставилъ собаку, голую, караулить Ноя праведнаго и велѣлъ ей никого не пускать смотрѣть Ноя праведнаго. Приходитъ діаволъ и говоритъ: Пусти меня, собака, Ноя праведнаго посмотрѣть?— Мнѣ Господь никого не велѣлъ пускать. — Я тебѣ дамъ шубу на руки и на ноги, придетъ зима не надо тебѣ избы. — Далъ діаволъ собакѣ шубу, и пустила она его въ рай. Узнавъ это, Господь проклялъ собаку: Чтобъ тебѣ церковный звонъ не слыхать, въ Божій храмъ не ходить». До сихъ поръ еще замѣтно съ какимъ отвращеніемъ въ глухихъ мѣстахъ простой народъ смотритъ на псарей и вообще на людей, состоящихъ при собакахъ и псарныхъ дворахъ. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ у меня въ деревнѣ, когда нужно было зарѣзать корову и некому было этого поручить, кромѣ какъ одному изъ псарей, мои рабочіе ни за что не хотѣли дозволить ему это сдѣлать. «Онъ не чистъ для этого, говорили они, ему сначала надо принять церковное очищеніе», и все это потому, что онъ кормилъ собакъ, чесалъ и убиралъ ихъ.

При дворахъ нашихъ великихъ и удѣльныхъ князей были двѣ охотничьи должности, на которыя назначались обыкновенно кто-нибудь изъ приближенныхъ бояръ. Должности эти были: сокольничій, которому приказывали соколиную потѣху, и ловчій, которому были приказаны псы. Но о собакахъ у насъ нѣтъ охотничьей литературы, какъ во Франціи. О соколахъ самъ тишайшій царь Алексѣй Михайловичъ написалъ подробное сочиненіе, но, несмотря на то, что онъ былъ большой

любитель всякой охоты, онъ нигдѣ не упоминаетъ о собакахъ въ своей перепискѣ съ боярами объ охотѣ.

Во время Алексѣя Михайловича охота на звѣрей съ тенетами и псами состояла въ вѣдѣніи конюшаго двора, а съ соколами—въ вѣдѣніи приказа тайныхъ дѣлъ. Кошихинъ выражается такъ: «Да въ томъ же приказѣ (о дворахъ царскихъ) вѣдома царская зимняя и лѣтняя потѣха на звѣря: лосиная, оленья, медвѣжья, волчья, лисья, заячья, тенеты и псами, и устроены для той потѣхи, подъ Москвою, лѣсныя рощи и въ нихъ дворы отъ Москвы по 7 и по 10 и по 15 и по 20 верстъ и больше. А для ловли тѣхъ звѣрей и для потѣхи устроены потѣшники и ловцы со 100 человѣкъ, да псовъ со 100 жъ. А ловятъ тѣхъ звѣрей тенеты ночною порою». Изъ этого видно, что псовая охота больше производилась другими для царя и не могла считаться въ цвѣтущемъ и большомъ видѣ, такъ какъ всего-то въ ней было около ста собакъ.

Изъ всего сказаннаго до сихъ поръ вообще можно прійти къ двумъ выводамъ: первое, что собаки, особенно гончія, не пользовались той любовью и заботами о нихъ, какъ это было на Западѣ; и второе, что на Руси съ незапамятныхъ временъ несомнѣнно существовала гончая собака и вѣроятно большого роста и багрянаго окраса масти.

ГЛАВА VIII.

Начиная съ этой главы и въ части послѣдующихъ я постараюсь разобраться во всемъ писанномъ до сихъ поръ о русскихъ гончихъ. Первое, извѣстное намъ, спеціальное сочиненіе опять-таки является: «Регулъ принадлежащіи до псовои охоты», о которомъ такъ уже много и говорилось и писалось. Къ сожалѣнію, о гончихъ въ немъ говорится мало и нѣтъ прямыхъ, ясныхъ свѣдѣній о ростѣ, масти и постановкѣ ушей, что составляетъ главное при описаніи гончихъ. Не лишнимъ считаю замѣтить, что для ясности всѣ выписки, которыя я буду дѣлать изъ этого сочиненія, будутъ мною переведены на русскій современный языкъ, такъ какъ сочиненіе это написано языкомъ начала семнадцатаго столѣтія; кромѣ того, въ немъ нѣтъ надлежащихъ знаковъ препинанія и, по всѣмъ вѣроятіямъ, вкралось много ошибокъ при переписываніи рукописи, которая была напечатана въ журналѣ «Природа и Охота» безъ всякихъ поправокъ.

Первое, что замѣтно въ «Регулѣ» при внимательномъ его чтеніи, это то, что гончая въ то время не должна была обладать особенною поратостью; а видно это изъ того, что, по описанію, охотились въ большихъ лѣсахъ, вѣроятно съ борзыми безъ своръ, прямо рыскавшими за охотникомъ. При такой ѣздѣ съ очень поратыми гончими борзятники не въ состояніи заскакать звѣря и стать

на полянку или дорожку прежде него. При гончихъ же не очень поратыхъ звѣрь дѣлаетъ меньшіе круги и идетъ недалеко передъ гончими, значитъ борзятникамъ легче перенять его; это видно изъ главъ 2-й 3-й и 4-й «Регула».

Кромѣ неособенной поратости, можно заключить, что гончія, были чутьисты и злобны. Видно это изъ того, что охотились съ ними и зимой, а при упоминаніи о звѣряхъ, за которыми ѣздили, названы волкъ и даже медвѣдь; замѣтно это при чтеніи главы 1-й и 5-й «Регула».

Въ главѣ 17-й и 19-й описываются уже прямо тогдашнія гончія. Къ сожалѣнію, глава 18 пропущена, можетъ, она и уяснила бы намъ еще что-нибудь; главы 17-ю и 19-ю я приведу здѣсь цѣликомъ.

«Глава 17. Всячески нынѣ страстно стараются трудъ принять въ разбирательствѣ гончихъ собакъ. Всякій охотникъ по регулу примѣчать долженъ, что гончая собака когда имѣется толстая и росту не малаго, притомъ же еще сухопутная (пѣшая), глаза имѣетъ на выкатѣ, хотя она и ублюдиста (породиста) только мы такую называемъ ленавая (лѣнивая) и нетлусчиватая (неспособная держать тѣло, сохастоватая). А которая, хотя и рослая и имѣетъ рѣдкія ребра, но мокрое чутье, да притомъ же холодное и крѣпкое; проусковатыя ноздри, глаза маленькіе увольнѣе (лучше), чтобъ они были на слезѣ, то ту собаку въ гоньбѣ не порочить, а назвать ее мастеромъ. Только стомчивыя изъ нихъ бываютъ. Собаки есть также, которыя ходятъ по острову, повѣся гонъ или серпало отъ чего бы то ни было, при небольшомъ ростѣ, имѣя глаза

впалыя и не на слезѣ, чутье большое, слабое и сухое, притомъ теплое, ту считать за повѣсу должно, а если прибавить ей широкія ноздри, то та должна обнимать (причуивать) только грачей, или подлаивать только тетеревей или дворныхъ звѣрей — кошекъ. А когда легкая и проворная собака, то имѣетъ стень плотную и сухую, оттого что породиста, стромоушка (съ высокопоставленными ушами) ту не порочить, а считать ее за мастера и лихова гонца»,

Изъ этого описанія можно вывести, но только гадательно, что въ то время гончія были рослы, богатырскаго тѣлосложенія, съ высокопоставленными ушами (стремоухія), нестомчивы, полазисты и чутьисты.

«Глава 19. О верхочутыхъ собакахъ не полѣнюсь и долженъ сказать, если кто хочетъ заводить оныхъ, такъ слѣдовать моему наставленію: Соблюсти лягавую ублюдистую (породистую) суку и чтобъ она была породная (чистокровная) съ выжлецомъ гончимъ, чтобъ онъ былъ тоже породный мастеръ, а какъ щенки перегодуютъ, то сообразуясь съ ихъ статями, блюсти ихъ погодовавшими и какъ распустуютъ съ лучшими мастерами. Отъ того можно, т.-е. отъ третьяго колѣна, прямо верхочутыхъ собакъ имѣть. Онѣ въ гоньбѣ веселѣе всѣхъ собакъ, токмо недолговѣчны, онѣ черезъ три осени стекаютъ или слѣпнутъ».

Къ несчастію, какъ читатель можетъ это замѣтить, «Регулъ» не даетъ намъ того, что слѣдуетъ. Если въ немъ и есть какія указанія, то они крайне не полны и даже сбивчивы. Такъ, почему авторъ

считаетъ собаку съ маленькими глазами на слезѣ, лучше собаки съ большими глазами? почему чутье должно быть узкое, а не большое и широкое? — все это, повидимому, выведено имъ изъ практики, но странно то, что вмѣстѣ съ тѣмъ это противорѣчитъ какъ современнымъ понятіямъ объ этомъ, такъ и указаніямъ иностранныхъ писателей, современныхъ «Регулу».

Поправки, сдѣланныя мною въ скобкахъ основаны какъ на общемъ смыслѣ фразъ, такъ и на объясненіи нѣкоторыхъ словъ, кажущихся непонятными, сравненіемъ ихъ съ простонароднымъ языкомъ. Такъ слово «сухопутная» въ нѣкоторыхъ губерніяхъ до сихъ поръ въ народѣ составляетъ понятіе о существѣ, не способномъ быстро двигаться. Слово «ублюдистая» объясняется мною какъ «породистая», тоже на народномъ выраженіи, которое въ простонародьѣ употребляется именно въ «смыслѣ» породистая только по отношенію къ собакамъ, но не по отношенію къ другимъ животнымъ. Слово «ленавая» мнѣ кажется просто ошибкой переписчика и поставлено вмѣсто «лѣнивая». Слово «нетлусчиватая» я объяснилъ «не способная держать тѣло, сохастоватая» на слѣдующемъ основаніи: въ старинномъ русскомъ языкѣ слово «худой» не употреблялось въ томъ смыслѣ, какъ оно употребляется теперь, а означало понятіе «дурной, нехорошій»; даже теперь часто говорятъ: «худой человѣкъ» вмѣсто «дурной человѣкъ», значитъ тутъ это слово уже никакъ не могло быть примѣнено при означеніи собаки не держащей тѣло, т.-е. не жирной; съ другой стороны, на польскомъ

языкѣ есть слово «тлустый», что означаетъ: жирный, откормленный. Сравнивая эти два слова, «тлустый» и «нетлусчиватый», а также принимая во вниманіе весь смыслъ фразы, мнѣ кажется, что объясненіе мое будетъ вѣрно, выразить его на охотничемъ языкѣ можно словомъ «сохастоватый». Слово «увольнѣе» я объяснилъ словомъ «лучше», просто основываясь на смыслѣ самаго слова и на простонанодномъ выраженіи «вольнѣе», часто употребляемомъ какъ понятіе, выражаемое словомъ «лучше». Слово «обнимать» иначе и нельзя объяснить, какъ «причуивать» или «находить» по, смыслу самаго слова и всей фразы. Слово «стромоушка» или «стремоушка» до сихъ поръ въ народѣ означаетъ животное съ поднятыми ушами, но вмѣстѣ съ тѣмъ не поднятыми постоянно, по природѣ, а вслѣдствіе возбужденнаго вниманія, что вполнѣ примѣнимо къ понятію объ ушахъ собаки вообще и гончей съ высокопоставленными ушами, которыя она еще приподнимаетъ во время поиска, когда все ея вниманіе возбуждено и она старается какъ чутьемъ, такъ и слухомъ уловить все происходящее около нея. Слово «породный» въ старинномъ русскомъ языкѣ часто употреблялось и по отношенію къ людямъ; такъ говорилось «породный человѣкъ», что означало человѣка завѣдомо извѣстнаго высокаго рода, или, что то же, по отношенію къ животнымъ, «чистопородный». Вообще слова «породистый» и «чистокровный» хотя и похожи съ перваго взгляда въ понятіяхъ, ими выражаемыхъ, одно на другое, но различіе между ними есть. Слово «породистый» или «ублюди-

стый» означаетъ: происходящій отъ хорошихъ отца и матери, а слово «чистокровный» или «породный» означаетъ, что вся порода велась долгое время безъ всякихъ примѣсей, что кровь этой породы совершено чиста.

Общее впечатленіе, которое дѣлаетъ описаніе гончей въ «Регулѣ», наводитъ по-моему на мысль, что наши предки того времени не очень-то заботились о томъ, чтобы выводить и поддерживать какую-нибудь особенную породу гончихъ собакъ, а судили ихъ больше по ихъ полевымъ качествамъ; кромѣ того, повидимому, въ то время не было разныхъ породъ гончихъ, а была одна, существовавшая повсемѣстно; охотники ограничивались лишь тѣмъ, что выбрасывали изъ стай все то, что не годилось для практическихъ цѣлей, и брали щенковъ отъ лучшихъ гонцовъ. О масти гончихъ въ «Регулѣ» нѣтъ и помина, почему можно предположить, что если между гончими и выраживались собаки неодинаковой масти, то на это не обращалось въ то время никакого вниманія, и хозяева стай придерживались въ этомъ случаѣ мнѣнія англичанъ, что всякая хорошая собака хорошей же масти.

Въ «Регулѣ» гончимъ посвящено очень маленькое мѣсто, а о борзыхъ говорится по крайней мѣрѣ въ десять разъ больше, изъ чего видно, что все вниманіе тогдашнихъ любителей псовой охоты преимущественно было обращено на борзыхъ и особенно на ихъ рѣзвость; гончія же, служившія какъ средство выгнать звѣря въ поле, стояли на второмъ планѣ и не замѣнялись облавой лишь для

удобства. Кромѣ того, въ то время вѣроятно собакъ держали очень многіе, если не всѣ, и это обстоятельство не заставляло охотниковъ такъ дорожить своими собаками, какъ это дѣлается теперь; собакъ какихъ угодно легко было достать во всякое время и въ какомъ угодно количествѣ. Содержаніе охотъ при тогдашней дешевизнѣ почти ничего не стоило, и навѣрно собакъ поэтому держали много. Мѣста для охоты также было много, и никому въ голову не приходило запрещать ѣзду по озимямъ или чужимъ угодьямъ; охотились же круглый годъ, когда только позволяли обстоятельства. Изъ «Регула» же видно, что ѣздили осенью, зимой, весной и лѣтомъ, ибо указывается на разную манеру «порскать» и «гаркать» въ различныя времена года.

При подобномъ веденіи дѣла, гончія были въ постоянной работѣ, почему могли выказать всѣ свои полевыя достоинства; въ то время стаѣ некогда было залеживаться, и нестомчивость и крѣпость собакъ должны были быть изумительны, тѣмъ болѣе, что охотились чуть не въ дремучихъ лѣсахъ; для гончей же собаки все дѣло въ практикѣ и постоянной гоньбѣ. Соображая способъ и продолжительность тогдашнихъ охотъ, нельзя не прійти къ заключенію, что гончія старинной Россіи обладали бо́льшими достоинствами противъ современныхъ. Я себѣ ее представляю такъ: ростъ около 16 вершковъ; сложка богатырская; голова сухая съ высокопоставленными ушами; чутье нѣсколько островатое, мокрое; глаза казались небольшими, на слезѣ; брылей не было; гонъ подня-

тый кверху, серповидный, что видно изъ самого старинняго названія «серпало»; собака веселая; азартная, злобная на всякаго звѣря, чутьистая, вязкая, крѣпконогая, нестомчивая и отличнаго здоровья. Но другая сторона медали, мнѣ кажется, не была такъ привлекательна, какъ я себѣ воображаю первую сторону. Вѣроятно, собаки были не очень-то послушны и не совсѣмъ храднокровно относились къ домашней скотинѣ, такъ какъ въ то время не очень то хлопотали о какой-нибудь задавленной гончими овцѣ или свиньѣ; я еще помню: у сосѣда-помѣщика, одного старика, борзятника, который никогда не стѣснялся затравить своей сворой какого-нибудь зазевавшагося поросенка или барашка и, спрятавъ его подъ полы кафтана, привезти домой; въ началѣ же семнадцатаго столѣтія, это вѣроятно было дѣломъ обыденнымъ, и на это никто не обращалъ вниманія.

Выбравъ теперь изъ «Регула» все, что возможно было выбрать, я обращаюсь къ содержанію другихъ охотничьихъ сочиненій, въ которыхъ есть что-нибудь могущее дать намъ понятіе о гончихъ.

ГЛАВА IX.

Отъ появленія въ свѣтъ «Регула», вплоть до прошлаго столѣтія никакихъ охотничьихъ сочиненій не появлялось. Съ конца же осьмнадцатаго столѣтія охотничья литература начинаетъ развиваться въ Россіи все больше и больше.

Все, что писано за это время я раздѣлю на двѣ части; первая будетъ заключать въ себѣ все написанное до появленія Императорскаго Общества Охоты, а вторая — все написанное послѣ появленія этого Общества. Къ несчастію, надо сознаться, что первая часть сочиненій крайне плоха; попадается очень мало чего-нибудь самобытнаго русскаго, большей же частью эти сочиненія передѣланныя или переведенныя съ нѣмецкаго. Несмотря на это, я постараюсь указать и разобрать въ нихъ все, что касается гончихъ въ Россіи. Сочиненія эти слѣдующія: «Псовый Охотникъ», изданный любителемъ псовой охоты Г. П. въ 1785 г., и «Совершенный егерь, или знаніе о всѣхъ принадлежностяхъ къ ружейной и прочей полевой охотѣ» Василія Левшина 1779 г. Первая книга передѣлка польскаго сочиненія: «О содержаніи псовой охоты», а вторая переводъ съ добавленіями съ нѣмецкаго.

Господинъ Г. П. въ своей «Псовой охотѣ» такъ говоритъ о гончихъ: «Гончихъ же мастеровъ узнавать по статямъ слѣдующимъ: выпуклыхъ, великихъ, мытныхъ, на слезахъ, съ кровавыми бѣлками глазъ, чутья толстоватаго и мокроватаго, капающей изъ него часто мокроты, ноздрей широкихъ, коими часто поворачиваетъ на всѣ стороны, какъ будто нѣчто чуетъ, и рубчикъ по чутью, который отъ верхней губы пошелъ между ноздрей; такія конечно бываютъ чутки въ натечкѣ звѣря и мастероваты; притомъ же сама въ себѣ крѣпка, не очень долга и сохастовата, голова сухая, уши тонкія, большія и повислыя; не на короткихъ ногахъ, высоковата; гонъ крѣпкій, прямой, короткій и не

повислый, и никуда на сторону не скинулся, или на спину кольцомъ не завернулся; ноги сухія и жиловатыя, мясами черными и мышками довольна; и если всѣ сіи помянутыя стати гончая имѣть будетъ, то такая можетъ быть добрымъ гонцомъ и мастеромъ, не стомчива и полазиста. Есть изъ сихъ и такія, кои не въ одинъ пазанокъ, то-есть по зайцу гоняютъ, но и копытнаго и лапистаго звѣря, то-есть лося, кабана, оленя, дикаго козла, медвѣдя, волка, рысь, барсука, лисицу и прочихъ какъ копытныхъ, такъ и лапистыхъ звѣрей мастеровато гнать могутъ.

«Которая гончая густошерста и въ себѣ жидка и слаба, голова мясная, уши толстыя, небольшія и не вислыя, глаза простые, ноздри сухія, чутье малое, толстыя и короткія ноги, гонъ долгій и повислый: то такая бываетъ облѣнчива и въ натечкѣ плоха и рѣдко изъ такихъ удается быть нарочитому гонцу».

Какъ видно, онъ тутъ описываетъ гончую, хотя и хорошую, но не русскую, а скорѣе подходящую къ западнымъ собакамъ или польскимъ, о которыхъ я буду говорить въ свое время. Объ окрасѣ масти авторъ не упоминаетъ, но далѣе говоритъ, что, при выборѣ щенковъ, слѣдуетъ оставлять той масти, «какихъ шерстей бывали борзыя лихія и гончіе мастера». Это замѣчаніе наводитъ на мысль, что въ стаяхъ одномастность не соблюдалась, и болѣе обращали вниманія на внутреннія достоинства собакъ. Къ описанію гончихъ, сдѣланному Г. П., прибавлять нечего, такъ какъ сдѣлано оно ясно и понятно для каждаго, даже не для охотника.

Въ IV главѣ Г. П. излагаетъ подробно, чего требовали охотники отъ гончихъ въ то время, и главу эту я привожу здѣсь. «Во-первыхъ, который выжлецъ или выжловка гоняетъ верхнимъ чутьемъ, поднявъ чутье вверхъ и будучи еще на смычкѣ подъ островомъ, далеко можетъ по вѣтру подчуить звѣря, и какъ спустятъ съ смычка, то направившись прямо полѣзетъ, гдѣ онъ лежитъ, и толкнувъ съ логову, взрячь помчитъ, у котораго гонца никогда упалаго, отсѣлаго и удалѣлаго звѣря быть не можетъ и отбыть у него ему трудно; ибо такой мастеръ никогда не сорвется и не пролѣзетъ мимо звѣря, развѣ съ травли борзыми удалѣвъ отбудетъ онъ черезъ быстро текущую рѣку или густую траву, или какими мокрыми и каменистыми мѣстами и буераками побѣжитъ и повалится на большой камень и пролежитъ на немъ: то въ такомъ случаѣ отбыть ему у него не удивительно. Однако у поратаго, вѣрно гоняющаго верхнимъ чутьемъ мастера рѣдко сіе случается.

«Которая гончая гоняетъ, припадши къ слѣду, гдѣ бѣжалъ звѣрь, и не верхнимъ чутьемъ, то и сіе есть хорошій знакъ. Притомъ, если звѣрь, удалѣвъ отъ ней, круто отсядетъ или увалится, а она будетъ обымать полазами кругомъ и немедленно отсѣлаго справитъ, удалѣлаго и упалаго дойдетъ; а наипаче ежели звѣрь побѣжитъ бойною дорогою въ сухое время и отъ вѣтру пылью слѣдъ заноситъ, къ тому жъ далеко скинется на пашню сухую, и, не взирая на то, она его справитъ, и расчуя, немедленно взрячь его заловитъ, и назадъ его въ пяту или на кругъ къ охотникамъ поставитъ: то такая должна быть почтена за мастера.

«Если какой звѣрь пролѣзетъ до гончихъ за полчаса или за четверть часа черезъ пашенныя поля, скошенные луга иди по вышеупомянутой дорогѣ, и по пролазу его прогонится скотинное стадо: то, не взирая на сіе, гончая сего давно слѣзлаго звѣря добудетъ и дошедъ взрячь помчитъ: то такая отмѣнно отъ прочихъ почтена должна быть за мастера, и сихъ гонцовъ бываетъ на рѣдкость.

«Также, ежели какой звѣрь побѣжитъ изъ-подъ гончихъ низкими мокрыми мѣстами и кочками, перепрыгивая съ кочки на кочку и переплывая воды, повалится, а по слѣду гоняющая будетъ гонять его до тѣхъ поръ, какъ затравятъ, только не можетъ быть такъ гоньба у нея скора, какъ у той, которая мчитъ верхнимъ чутьемъ: то и такая не менѣе вышеупомянутаго должна причтена быть за рѣдкаго гонца и мастера.

«Ежели которая гончая гоняетъ моровато съ перемолчкою долгою и подборомъ, къ тому жъ рѣдкоскалая и коповата, скоро справить и стечь не можетъ, развѣ охотникъ сбудитъ, или самъ звѣрь нечаянно на нее наткнется, то по горячему слѣду или взрячь можетъ погнать его; а какъ удалѣвъ повалится, то не добудетъ; притомъ же спущенная съ смычка оретъ по пустякамъ съ часъ или болѣе, и на гоньбу другихъ валится съ голосомъ: то такая неправо гоняющая гончая не можетъ быть похвалена, и съ которою, и ежели подобныхъ ей гонцовъ стая ѣздивши въ поле, больше только скуку вмѣсто утѣшенія имѣть будешь и изъ-подъ коихъ вѣчно и не затравишь звѣря.

«Также и ту гончую за мастера почесть не можно,

которая и добро гоняетъ, да перечитъ въ гоньбѣ звѣря, или, оставя стаю, одна гоняетъ, потому что перехватывая собакъ, умычкою уноситъ у нихъ звѣря и, потерявъ, скоро справить не умѣетъ, а другимъ только въ гоньбѣ дѣлаетъ помѣшательство, къ тому жъ не позыписта на рогъ и поймать себя скоро не даетъ, отчего охотникамъ и особливо лошадимъ бываетъ великая трудность, а всего больше продолженіе времени понапрасну».

Книга Левшина положительно ничего не даетъ любителю гончихъ собакъ. Тамъ только говорится о духовыхъ собакахъ, но не объяснена ни порода ни то, какія онѣ должны быть.

Послѣ Левшина, въ началѣ уже нынѣшняго столѣтія, охотничья литература начинаетъ развиваться все болѣе и болѣе; появляются сочиненія довольно длинныя, какъ «Егерь, псовый охотникъ и стрѣлокъ», составлено М. М., «Псовая охота» Реута и «Записки мелкотравчатаго» Дріанскаго. Изъ всѣхъ этихъ сочиненій можно очень многое почерпнуть любителю гончихъ собакъ, въ нихъ уже можно найти описаніе различныхъ породъ, употреблявшихся въ то время въ Россіи.

Такъ М. М. говоритъ: «Хорошая гончая собака должна быть средней величины, имѣть переднія ноги покороче заднихъ, голову толстую и длинный хвостъ, а наипаче тонкое чутье и громкій складный голосъ; обыкновенно ихъ шерсть красно и темнобагряная, также черная съ подпалинами и бѣлымъ пятномъ подъ горломъ; бѣлыя, пѣгія и арлекины». Хотя это описаніе во многомъ совершенно никуда не годится, но даетъ намъ важное и

первое свѣдѣніе о масти собакъ въ то время, т.-е. въ 1838 году.

Реутъ даетъ намъ уже болѣе М. М., и его описаніе гончихъ довольно обстоятельно по отношенію къ масти: «У насъ, въ Костромской губерніи, говоритъ онъ, славящейся отличными породами гончихъ, происшедшими отъ англійскихъ и польскихъ собакъ, предпочтительно разводили прежде также бѣлыхъ собакъ. Вообще оттѣнки шерсти гончихъ, въ разныхъ ея видахъ, имѣютъ характеръ отдѣльный, отличающій ихъ отъ другихъ породъ. Подпалины огненно-коричневыя, переходящія въ палевый цвѣтъ, большей частью съ бѣлыми пятнами на груди, подъ горломъ и на шеѣ, принадлежатъ собакамъ, имѣющимъ черный покровъ верхней полости туловища. Накрапины черныя съ красновато-палевыми ободочками по бѣлому полю тоже принадлежали къ первородному типу гончихъ, хотя теперь отъ смѣшенія различныхъ породъ распространились на борзыхъ и даже легавыхъ, такъ же какъ и прочіе характеристическіе оттѣнки ихъ шерсти. Отъ настоящаго стремленія къ разведенію новыхъ породъ, нынѣ и гончихъ можно видѣть съ чрезвычайно многими перемѣнами шерсти, у насъ нельзя встрѣтить только мухортыхъ и сѣрыхъ.

«Формы гончихъ чрезвычайно разнообразны и хотя при поверхностномъ взглядѣ иногда и кажется, что имѣютъ все общее съ нѣкоторыми сортами легавыхъ, однако въ сущности, первыя отъ послѣднихъ отличаются образованіемъ позвоночнаго столба, основаніемъ хвоста или гона, длиною

реберъ, округленіемъ лапъ, грубостію шерсти и устройствомъ гортани». Далѣе онъ упоминаетъ о собакахъ пѣшихъ, поратыхъ и средне-поратыхъ, которыхъ и совѣтуетъ употреблять въ псовыхъ охотахъ, соблюдая при этомъ большой ростъ и сухость.

Хотя Дріанскій въ своихъ «Запискахъ мелкотравчатаго» и не даетъ подробнаго описанія разныхъ породъ гончихъ, выведенныхъ имъ, но сообщаетъ въ короткой замѣткѣ о полномъ отсутствіи какой бы то ни было опредѣленной породы. «Чистыхъ туземныхъ породъ гончихъ собакъ, говорится у него, между охотниками признается въ Россіи двѣ: первая польская тяжелая, ружейная, и порода поратая, т.-е. быстро, на всѣхъ духахъ, гонящая звѣря. Наилучшею признается порода, такъ называемыхъ костромскихъ звѣрогоновъ, употребляемыхъ исключительно подъ борзыми; но между этими двумя породами есть пропасть варіацій вслѣдствіе умничанія самихъ охотниковъ, посредствомъ подмѣшиванія англійскаго тумана, арлекина и проч., такъ точно, какъ не понимающіе дѣла нѣкоторые борзятники мѣшаютъ крымку и горскую со псовой породой борзыхъ и тѣмъ уничтожаютъ кровныхъ собакъ».

Далѣе, въ теченіе своего разсказа, онъ упоминаетъ о томъ, что гончіи стаи графа Атукаева были темныя и что въ стаѣ Алеева были арлекины, а такъ какъ Атукаевъ во всемъ придерживался Алеева, то можно предположить, что и у него гончія были темнаго окраса масти.

Вообще, изъ всѣхъ приведенныхъ мною въ этой

главѣ справокъ, можно заключить: 1) что въ Россіи водились гончія разныхъ мастей, 2) что собаки по работѣ были первостатейныя и 3) что у каждаго изъ охотниковъ не велось какой-нибудь особенной породы, такъ какъ все вниманіе было устремлено не на наружный видъ и масть, а на полевыя достоинства собакъ.

Вслѣдъ за уничтоженіемъ крѣпостного права, и охоты на нѣкоторое время какъ-то скрылись, но въ концѣ семидесятыхъ годахъ наша русская псовая охота начинаетъ вновь оживать. Первымъ признакомъ этого оживленія является «Журналъ Коннозаводства», за нимъ «Журналъ Охоты», издававшійся профессоромъ Миномъ. «Журналъ Коннозаводства» особеннаго интереса не представляетъ, но «Журналъ Охоты» помѣстилъ на своихъ страницахъ много интереснаго, между прочимъ прекрасные разсказы Г. М. Ладыженскаго. Но настоящій расцвѣтъ наступилъ съ основаніемъ Императорскаго Общества правильной охоты, когда началъ издаваться журналъ Общества и стали устраиваться выставки собакъ въ Москвѣ. Въ это же время появилось и капитальное сочиненіе Петра Михайловича Мачеваріанова: «Записки псоваго охотника симбирской губерніи». Въ этихъ запискахъ можно, такъ сказать, найти послѣднее слово по части псовой охоты тогдашняго времени.

Я самъ лично зналъ Петра Михайловича, бывалъ у него и много слышалъ отъ него разсказовъ о прежнихъ охотахъ его молодости и о собакахъ, какъ гончихъ, такъ и борзыхъ. Петръ Михайловичъ былъ охотникъ настоящій, охотникъ въ душѣ, и

разсказы его дышали неподдѣльной правдивостью и настоящимъ увлеченіемъ. Кромѣ того, это былъ человѣкъ, ненавидѣвшій все то иностранное, что пыталось проникнуть къ намъ, въ наши охоты черезъ нашихъ англомановъ. Какъ онъ стоялъ за нашу псовую борзую, хотя и увлекался горской собакой, такъ же стоялъ онъ и за чистоту нашей гончей, отвергая всякую пользу примѣси англійскихъ или французскихъ гончихъ. Самъ онъ имѣлъ гончихъ чепрачныхъ русскихъ.

Все это говорю я къ тому, чтобъ читатель не могъ усомниться въ тѣхъ словахъ о гончихъ, которыя я приведу здѣсь, заимствуя ихъ изъ записокъ Петра Михайловича.

Въ Россіи, употребительнѣйшія гончія, говоритъ онъ: 1) костромскія, 2) курляндскія, 3) англійскія и 4) польскія, но всѣ эти породы до такой степени перемѣшаны, что чистокровныхъ можно встрѣтить чрезвычайно рѣдко.

1) «**Костромскія** гончія, съ превосходнымъ чутьемъ, отличными голосами съ заливомъ, полазисты, добывчивы, необыкновенно вѣрны въ гоньбѣ, привязчивы; но не достаточно пораты по овражистой, кучугуристой и обрывистой мѣстности, какова, напримѣръ, по волжскому бечевнику и вообще по нагорной сторонѣ Волги. Для выполненія же всѣхъ строгихъ охотничьихъ требованій ихъ мѣшаютъ съ англійскими.

2) «**Курляндскія** брудастыя съ клокастой псовиной. Всѣ съ яркими, тонкими голосами, очень пораты, но проносчивы и не добывчивы.

3) «**Англійскія** — чрезвычайно красивы, въ нихъ

какъ-будто видна смѣсь съ крымскими борзыми, необыкновенно пораты, но рѣдкоскалы и много уступаютъ въ чутьѣ костромскимъ.

4) «**Польскія** — съ вѣрнымъ чутьемъ, но тяжелы, пѣши и годны лишь для ружейниковъ».

Отличительныхъ наружныхъ признаковъ всѣхъ этихъ породъ въ запискахъ не приведено, а сдѣлано только описаніе вообще породистой гончей собаки, гдѣ говорится, что у нея должны быть: глаза выпуклые, большіе, на слезахъ, съ кровавыми бѣлками; чутье толстоватое и мокрое, ноздри широкія, которыми часто поворачиваетъ во всѣ стороны, какъ будто что-нибудь чуетъ; по чутью рубчикъ, который пошелъ отъ верхней губы между ноздрей; тѣло крѣпкое и мускулистое, чтобъ не была долга и сахастовата (поджара), голова сухая; уши тонкія, большія, повислыя, но не лопухообразныя, а свернутыя трубкой; гонъ крѣпкій, короткій, не повислый, никуда на сторону не скинулся и кольцомъ, какъ валторна, не завернулся, а прямой; ноги сухія, жилистыя, и чтобъ на нихъ была высока, даже немного высокопереда. Такихъ статей гончая непремѣнно будетъ чутка въ натечкѣ звѣря, мастеровата, нестомчива и полазиста.

Дурными признаками считаются, когда гончая густошерста, жидка и слаба, съ мясистой головой, толстыми ушами, сухими ноздрями, мясистыми и короткими ногами, гономъ долгимъ и повислымъ.

Цвѣтомъ псовины гончія бываютъ: черныя съ подпалинами, съ очками надъ глазами, бѣлымъ пятномъ на горлѣ, на груди и бѣлымъ концомъ гона; чисто бѣлыя и соловыя встрѣчаются чрезвычайно

рѣдко, — сѣрыя, сѣроподпалыя, багряныя, черноиѣгія съ подпалинами, соловопѣгія и багрянопѣгія.

Изъ этого описанія достаточно видно, на сколько охотники обращали мало вниманія на гончихъ. Если такой страстный, добросовѣстный и дѣльный охотникъ, какъ П. М. Мачеваріановъ отвелъ такъ мало мѣста гончимъ въ своихъ запискахъ, то что же можно ожидать отъ другихъ охотниковъ.

Недавно появилось въ свѣтъ «Полное руководство ко псовой охотѣ», составленное П. М. Губинымъ. Книга эта очень объемистая и растянутая въ своемъ содержаніи, тѣмъ не менѣе представляетъ много интереснаго для охотниковъ, особенно по описанію породъ борзыхъ и гончихъ собакъ; на сколько эти описанія вѣрны, я судить не берусь, но что онѣ сдѣланы очень подробно, съ этимъ согласится всякій. При чтеніи его описаній гончихъ породъ, водившихся въ Россіи, приходишъ къ тому заключенію, что онъ дѣйствительно описывалъ ихъ не со словъ другихъ, а что видѣлъ ихъ самъ и пишетъ только, какъ очевидецъ. Кромѣ того, онъ даетъ намъ подробныя свѣдѣнія, изъ которыхъ можно заключить о наружныхъ признакахъ различныхъ породъ гончихъ собакъ, существовавшихъ во времена его молодости, признаки, которые можно замѣтить въ той мѣси, которая въ настоящее время называется гончей собакой. Я говорю мѣси не принимая въ разсчетъ тѣ рѣдкія попытки, которыя сдѣланы въ недавнее время нашими любителями гончихъ собакъ для приведенія въ порядокъ и выясненія имѣющагося у насъ въ Россіи матеріала по части породъ гончихъ. Я при-

веду здѣсь отличительные признаки породъ, обозначенные П. М. Губинымъ.

Онъ признаетъ въ Россіи семь породъ гончихъ, а именно: 1) русскихъ прямогонныхъ, 2) русскихъ крутогонныхъ, 3) костромскихъ, 4) русскихъ брудастыхъ, 5) арлекиновъ, 6) польскихъ, 7) англійскихъ; наружные признаки этихъ породъ по его словамъ слѣдующіе.

Русскія прямогонныя гончія:

Голова большая, длинночутоватая и сухая; лобъ, хотя и широкій, но ровный къ основанію чутья, подбрудка не бываетъ, исключая очень осенистыхъ. Основаніе чутья длинное, толстое и при этомъ непремѣнно ровное, не утончающееся къ концу (какъ бы четырехугольное), и конецъ его развитой, подвижный.

Глаза большіе, чернаго или очень темнаго цвѣта и всегда на слезѣ.

Уши тонкія, правильныя и плотно прилегающія къ щекѣ собаки. При возбужденномъ состояніи она ихъ никуда не запрокидываетъ, а только вздергиваетъ кверху, какъ крымская или горская борзая. Уши поставлены не низко и не особенно высоко.

Ребра низкія, ниже локотковъ, бочковаты и крутыя.

Спина прямая, съ легкой напружиной; мочи широкія, крѣпкія, тѣло мускулистое, твердое; портки очень развитыя.

Ноги прочныя, сухія и крѣпко-костистыя; лапа круглая, въ комкѣ, т.-е. съ плотно сжатыми, су-

хими, костистыми пальцами; постановъ ногъ правильный; заднихъ прибылыхъ пальцевъ никогда не бываетъ; и вообще прямогонная русская гончая скорѣе должна быть высока на ногахъ, чѣмъ низка, и притомъ какъ бы высокопереда, но не сохастовата и не переляка. Стоять должна на коготкахъ и впереду, какъ борзая.

Гонъ прямой, всегда полого-серповидный, почему она и носитъ названіе русской прямогонной гончей.

Шерсть не длинная и не особенно короткая, на бокахъ около полувершковой длины, на спинѣ около трехъ четвертей вершка длины, но плотная густая и грубая на ощупь; при этомъ плотно, т.-е. гладко лежащая къ тѣлу собаки и всегда блестящая. На шеѣ такая же грубоватая шерсть достигаетъ длины нерѣдко до одного съ четвертью вершка, но лежитъ такъ же гладко, какъ и вся обыкновенная шерсть прямогонной русской гончей, и только на гачахъ и съ нижней стороны гона эта шерсть пушиста, не превышая однако средней длины шерсти на спинѣ и шеѣ. На головѣ же, ушахъ и ногахъ шерсть очень короткая, мягкая и атласисто-гладкая. Въ возбужденномъ состояніи русская прямогонная гончая запрокидываетъ шерсть на спинѣ и шеѣ на передъ, какъ щетину, и черезъ то какъ бы выростаетъ на ногахъ, что и дѣлаетъ во время гоньбы по волку.

Цвѣтъ шерсти у прямогонныхъ русскихъ гончихъ черный, но всегда съ сѣрымъ подшерсткомъ и въ подпалинахъ съ очками; подласый, багряный и сѣрый и также иногда въ подпалинахъ. Пѣгихъ,

свѣтлыхъ мастей и бѣлыхъ, прямогонныхъ чистокровныхъ русскихъ гончихъ никогда не бываетъ.

Ростъ очень крупный какъ выжлеца такъ и выжловки, которая бываетъ менѣе выжлеца только на какой-нибудь одинъ вершокъ.

Русская крутогонная гончая.

Голова узкая съ замѣтно выдающимся острякомъ и, несмотря на кажущуюся сухость, имѣетъ небольшой подбрудокъ.

Чутье ровное, коротковатое, немного вздернутое на концѣ и хорошо развитое.

Глаза большіе, на выкатѣ, веселые и всегда чернаго или темнаго цвѣта.

Уши правильныя, тонкія, но немного длиннѣе ушей прямогонной, ниже поставлены и много круглѣе на концахъ, не лопоухи и не завертывающіяся въ трубку, а правильно суживающіяся книзу на подобіе треугольника, съ болѣе закругленнымъ нижнимъ концомъ. При этомъ уши у крутогонной гончей, при возбужденномъ состояніи, не вздергиваются кверху и почти не измѣняютъ своего положенія, такъ какъ она отодвигая едва замѣтно ихъ къ заду, тѣмъ самымъ какъ бы открываетъ спереди ушное отверстіе, выражая болѣе возбужденное свое состояніе поднятіемъ головы кверху и быстротою своего взгляда.

Ребра бочковатыя, но не ниже локотковъ, крутыя. Спина прямая, безъ всякой напружины; задъ и грудь широки, но мочи слабоваты; портки развиты хорошо, но вообще все тѣло средней упругости.

Ноги прямыя, достаточно сухія, правильныя, съ правильной, круглой, въ комкѣ лапой; постановъ ногъ правильный; заднихъ прибылыхъ пальцевъ никогда не бываетъ; вообще крутогонная гончая должна быть скорѣе какъ бы низковатой на ногахъ, чѣмъ высоконогой, иначе говоря, ноги должны быть средней высоты и притомъ стоять должна на коготкахъ.

Гонъ крутой, всегда круто загнутый на спинѣ въ кольцо, отчего собака и носитъ названіе крутогонной гончей.

Шерсть болѣе короткая чѣмъ у прямогонныхъ, менѣе грубовата и болѣе равномѣрно распредѣлена по всему корпусу собаки; притомъ плотно прилегаетъ къ тѣлу и всегда блестящая. На головѣ, ушахъ и ногахъ атласисто-гладкая и очень короткая, какъ у прямогонныхъ. На гачахъ и на нижней сторонѣ гона шерсть пушиста, при возбужденномъ состояніи у крутогонной гончей шерсть на верхней части шеи и на спинѣ приподымается и щетинится.

Цвѣтъ шерсти у крутогонныхъ гончихъ бываетъ: черный, въ подпалинахъ и съ очками и съ сѣрымъ подшерсткомъ, но не всегда; багряный, подласый, сѣрый и пѣгій означенныхъ мастей; и также если чернопѣгій — въ подпалинахъ и съ очками. Сѣрыя въ этой породѣ выраживаются очень рѣдко и то всегда неправильнаго цвѣта, скорѣе выраживаются или багряно-сѣрыя, или кауро-сѣрыя.

Ростъ средній, около тринадцати вершковъ.

Костромская гончая.

Голова острочутовата и составляетъ исключительно признакъ или особенность породы костром-

скихъ гончихъ собакъ; во лбу между ушей широка, а къ чутью сужена.

Чутье средней длины, прямое и отъ основанія къ концу суженное, но вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно развитое.

Глаза большіе, на выкатѣ, веселые и всегда темнаго цвѣта.

Уши полувисячія и составляютъ исключительный признакъ единственной породы гончихъ костромскихъ собакъ, такъ какъ нѣтъ ни одной породы гончихъ собакъ, кромѣ костромскихъ, которая бы обладала подобными ушами, несомнѣнно доказывающими, что въ породѣ костромскихъ гончихъ есть кровь ищеекъ-остроушекъ.

Ребра низкія, ниже локотковъ и бочковатыя.

Спина прямая, какъ бы покатая, къ заду и безъ всякой напружины. Шея толстая и короткая. Мочи широкія, крѣпкія, тѣло мускулистое, твердое, портки очень развиты. Ноги прочныя, сухія и крѣпко-костистыя; лапа круглая, въ комкѣ; постановъ ногъ правильный; заднихъ прибылыхъ пальцевъ никогда не бываетъ; вообще костромская гончая должна быть на ногахъ низка и высокопереда; стоять должна на коготкахъ.

Гонъ прямой, но болѣе пригнутый и короткій чѣмъ у прямогонныхъ гончихъ и притомъ постановъ гона болѣе крутой, т.-е. отъ основанія приподнятъ кверху въ видѣ серпа, только не прямо надъ спиною, какъ у крутогонныхъ гончихъ, а какъ бы образуя со спиною тупой уголъ, но во всякомъ случаѣ уголъ долженъ быть менѣе тупой, чѣмъ у прямогонныхъ гончихъ.

Шерсть длинная въ сравненіи съ шерстью прямогонныхъ гончихъ, но такъ же плотно прилегаетъ къ тѣлу собаки и такъ же неравномѣрно покрываетъ корпусъ собаки, а именно: на шеѣ и верхней части спины длиннѣе, чѣмъ на бокахъ; на головѣ, ушахъ и ногахъ очень короткая, атласисто-гладкая, а на гачахъ и нижней сторонѣ гона пушистая и, хотя пушистость эта рѣзче означается у костромскихъ гончихъ, чѣмъ у прямогонныхъ, въ особенности съ основанія гона, вслѣдствіе чего гонъ кажется къ концу совершенно растрепаннымъ, но тѣмъ не менѣе эта пушистость шерсти не должа представлять ни привѣси ни уборной псовины. Въ возбужденномъ состояніи костромская гончая такъ же щетинится и запрокидываетъ шерсть на спинѣ и шеѣ на передъ.

Цвѣтъ шерсти у костромскихъ гончихъ: сѣрый, соловый, каурый, подласый, рѣже черный но непремѣнно съ сѣрымъ подшерсткомъ и въ подпалинахъ съ очками, а также рѣдко бываютъ пѣгія означенныхъ мастей. Вообще костромскія гончія бываютъ болѣе свѣтлыхъ мастей, чѣмъ прямогонныя, хотя совсѣмъ бѣлыхъ точно такъ же не бываетъ.

Ростъ средній.

Русская брудастая гончая собака.

Голова большая, длинночутоватая, сухая и съ прилобью; лобъ узкій, съ замѣтно выдающимся острякомъ; надбрудка не бываетъ даже и у осенистыхъ собакъ; основаніе чутья длинное, толстое и непремѣнно ровное, не утончающееся къ концу,

такъ же какъ и у прямогонныхъ гончихъ, и притомъ чутье развитое.

Глаза большiе, чернаго или очень темнаго цвѣта и всегда на слезѣ.

Уши тонкiя, правильныя и плотно прилегающiя къ щекѣ собаки. При возбужденномъ состоянiи она ихъ никуда не запрокидываетъ, а только вздергиваетъ кверху, какъ прямогонная гончая. Уши посажены скорѣе высоко, чѣмъ низко.

Ребра низкiя, ниже локотковъ и бочковатыя. Спина прямая, съ легкой напружиной, мочи широкiя; тѣло мускулистое, твердое; портки очень развитые.

Ноги прочныя, сухiя и крѣпко-костистыя; лапа болѣе продолговатая, чѣмъ у гончихъ всѣхъ другихъ породъ, при этомъ также въ комкѣ, т.-е съ плотно сжатыми, костистыми пальцами. Постановъ ногъ правильный; заднiя ноги лучковаты всегда. Заднихъ прибылыхъ пальцевъ не бываетъ никогда. Вообще брудастая гончая должна быть скорѣе высока на ногахъ, чѣмъ низка, но не сохастовата и не высокопереда; стоять должна на когосткахъ.

Гонъ прямой, круто-серповидный; во время гоньбы брудастыя гончiя несутъ гонъ, какъ борзыя во время скачки; во всякомъ же другомъ положенiи собаки, гонъ держится такъ же, какъ у прямогонныхъ гончихъ, только въ болѣе крутой формѣ серпа.

Шерсть длинная, клокастая, грубая и жесткая, какъ у тюленя, въ особенности на бровяхъ и въ усахъ, достигаетъ нерѣдко полуторавершковой

длины и при этомъ какъ бы запрокинутая на передъ, почти равномѣрно покрываетъ весь корпусъ собаки, съ едва замѣтными измѣненiями длины шерсти на тѣхъ же частяхъ тѣла, какъ у прямогонныхъ и костромскихъ гончихъ; подъ глазами, на ушахъ и на ногахъ шерсть очень короткая и грубая; на гачахъ же и на нижней сторонѣ гона пушистая, равной длины съ обыкновенной шерстью собаки и также не должна представлять ни привѣси ни уборной псовины. Въ возбужденномъ состоянiи у брудастыхъ гончихъ только на загривкѣ шерсть подымается какъ щетина, а на шеѣ и спинѣ это почти не замѣтно на глазъ.

Цвѣтъ шерсти у брудастыхъ гончихъ: сѣрый и преимущественно въ черенкахъ, багряно-сѣрый, кофейно-сѣрый, черно-сѣрый и черный, но непремѣнно съ сѣрымъ подшерсткомъ, и также бываютъ брудастыя гончiя въ подпалинахъ и съ очками. Свѣтлыхъ мастей, пѣгихъ и бѣлыхъ брудастыхъ гончихъ никогда не бываетъ.

Ростъ очень крупный.

Гончiя арлекины.

Голова узкая, короткочутоватая и очень сухая. Чутье ровное, коротковатое, немного вздернутое на концѣ и достаточно развитое.

Глаза средней величины, скорѣе малы, чѣмъ велики, и притомъ непремѣнно пестрые съ голубовато-бѣлыми пятнами или совсѣмъ бѣлые, и кромѣ того нерѣдко разные, т.-е., напримѣръ, одинъ глазъ пестрый, а другой бѣлый, или одинъ глазъ менѣе пестрый, а другой болѣе, и наконецъ и такъ бы-

ваетъ: одинъ глазъ большой, а другой маленькій, или одинъ глазъ съ черными вѣками, а другой подопрѣлый, какъ у нѣкоторыхъ борзыхъ съ подопрѣлыми глазами.

Уши очень тонкія, небольшія, не болѣе уха прямогонныхъ русскихъ гончихъ, такъ же суженныя на концахъ, но такъ какъ они поставлены очень низко, то кажутся ушами болѣе длинными и какъ бы слегка завернутыми въ трубку, но, повторяю, завернутыми очень мало. Въ возбужденномъ состояніи арлекины поворачиваютъ уши на хрящахъ къ переду

Ребра очень низкія, ниже локотковъ, и бочковатыя.

Спина прямая, короткая и безъ всякой напружины, скорѣе какъ бы слегка провислая; задъ и грудь средней ширины; мочи слабоваты; портки полные, хорошо развитые, и все тѣло вообще крѣпкое, упругое.

Ноги сухія, прочныя, съ правильной, круглой лапой въ комкѣ; постановъ ногъ правильный; заднихъ прибылыхъ пальцевъ никогда не бываетъ; вообще арлекины на ногахъ высоки, но не сохастоваты, очень подрывисты и стоять должны на коготкахъ.

Гонъ прямой, круто-серповидный, не длинный, въ родѣ гона костромскихъ гончихъ, съ тою только разницею, что арлекины носятъ гонъ еще круче, чѣмъ костромскія.

Шерсть очень короткая, какъ у пойнтеровъ, но только грубѣе, притомъ очень равномѣрно распредѣлена по всему корпусу собаки, за исключеніемъ

головы, ушей и ногъ, на которыхъ шерсть еще короче и атласисто-гладкая, да за исключенiемъ шерсти на гачахъ и на нижней сторонѣ гона, гдѣ тонкая, пушистая шерсть, удлиняясь въ серединѣ гона до вершковой длины, обозначаетъ какъ бы привѣсъ у борзыхъ или перо у англiйскаго сетера, но, повторяю, какъ бы обозначаетъ, такъ какъ на самомъ дѣлѣ пушистая шерсть на гону и на гачахъ вовсе не представляетъ у арлекановъ ни привѣси, ни уборной псовины борзыхъ собакъ. При возбужденномъ состоянiи у арлекиновъ приподнимается и щетинится шерсть во всю ширину спины и шеи, такъ что когда арлекинъ ощетинится, то можно видѣть сквозь шерсть тѣло собаки.

Цвѣтъ шерсти у арлекиновъ всегда мраморный или мраморно-пѣгiй.

Ростъ среднiй.

Польскiя гончiя собаки.

Голова большая и сырая, съ кожею въ сборахъ и съ подбрудкомъ.

Чутье толстое короткое, на концѣ немного вздернутое и очень развитое.

Глаза большiе, серiозные, чернаго или очень темнаго цвѣта, но впалые и съ отвислыми нижними кровяными вѣками и при этомъ очень умные, выразительные.

Уши средней величины, но такъ какъ поставлены очень низко, то кажутся довольно длинными и лопоухими, при этомъ довольно широки и ровны полотномъ съ закругленными внизу краями. Въ возбужденномъ состоянiи они ихъ едва замѣтно,

какъ бы вздергивая кверху, подаютъ назадъ, какъ у крутогонной русской гончей, или поворачиваютъ полотномъ къ переду, какъ арлекины.

Ребра очень низкія и бочковатыя.

Спина прямая и едва замѣтно покатая къ заду. Грудь очень широкая съ страшно полными плечами, но не особенно выпуклая; задъ замѣтно уже переда, портки развиты достаточно хорошо, но слабѣе переда, ноги слабоваты, вообще, во всей собакѣ проглядываетъ болѣе сырости, чѣмъ костистости и крѣпкой мускулатуры.

Ноги пропорціональны росту собаки, прочны на видъ, но сыры и непремѣнно съ задними прибылыми пальцами; лапа круглая, большая и правильная; постановъ ногъ очень правильный, и собака скорѣе должна казаться на высокихъ ногахъ, чѣмъ на низкихъ.

Гонъ серповидный, прочный въ основаніи и несетъ его собака очень правильно и красиво, въ родѣ прямогонной русской гончей.

Шерсть короткая, плотно прилегающая къ тѣлу собаки и всегда блестящая, притомъ почти равномѣрно распредѣлена по всему ея корпусу за исключеніемъ головы, ушей и ногъ, гдѣ шерсть еще короче и атласисто-гладкая. На гачахъ и на нижней сторонѣ гона шерсть слегка пушистая.

Цвѣтъ шерсти черный, красноподпалый съ очками и подласый съ одноцвѣтнымъ подшерсткомъ. Пѣгихъ и другихъ мастей настоящія, чистокровныя польскія гончія не бываютъ.

Ростъ болѣе средняго, около пятнадцати вершковъ.

Англійская гончая собака.

Голова средней величины, длинночутоватая и ровная и хотя кажется сухою, но имѣетъ слабые признаки подбрудка.

Чутье длинное, ровное, едва замѣтное, какъ бы суженное къ концу. Самое чутье, хотя развито достаточно хорошо, но не имѣетъ въ ноздряхъ той подвижности, какая бываетъ у другихъ породъ гончихъ собакъ, а потому англійскую гончую назвать вполнѣ чутьистою нельзя.

Глаза большіе, но не навыкатѣ и не впалые, цвѣта темнаго, и нельзя ихъ назвать очень выразительными, хотя и не глупые.

Уши очень тонкія, средней величины и правильно скошенныя книзу, на подобіе уха прямогонной русской гончей, только поставлены уши у англійской гончей много ниже и висятъ они не прямо, плотно прилегая къ щекѣ собаки, а какъ бы слегка завертываются въ трубку.

Ребра низкія, но не ниже локотковъ и достаточно бочковатыя.

Спина прямая съ едва замѣтной напружиной; грудь и задъ средней ширины; мочи широкія, пропорціонально ширинѣ переда и зада, но слабоваты; портки развиты хорошо. Вообще, во всей собакѣ проглядываетъ болѣе сырости, чѣмъ костистости и сухости.

Ноги прочныя на видъ, но какъ бы сыроваты; лапа большая круглая и нельзя сказать, чтобы она была въ комкѣ, хотя и не очень распущенная. Постановъ ногъ очень правильный; у нѣкоторыхъ

заднія ноги немного лучковаты; заднихъ прибылыхъ пальцевъ у англійскихъ гончихъ никогда не бываетъ, кромѣ того, англійская гончая должна казаться скорѣе на высокихъ ногахъ, чѣмъ на низкихъ.

Гонъ прямой, серповидный, носитъ его собака довольно правильно и красиво, въ родѣ прямогонныхъ гончихъ, но не всегда, иногда и въ полазѣ идетъ она съ пониженнымъ противъ обыкновеннаго гономъ и въ особенности когда постомѣетъ.

Шерсть короткая, плотно прилегающая къ тѣлу собаки и равномѣрно распредѣленная по всему ея корпусу, за исключеніемъ головы, ушей и ногъ, гдѣ шерсть еще много короче и атласисто-гладкая. На гачахъ и на нижней сторонѣ гона шерсть слегка пушистая.

Цвѣтъ шерсти всегда сѣро-пѣгій и безъ подпалинъ. Сѣрыя отмѣтины должны быть самаго правильнаго цвѣта, т.-е. не багряно- или кауро-сѣраго цвѣта и тому подобныхъ.

Ростъ очень крупный.

Этимъ кончается весь матеріалъ о гончихъ собакахъ, имѣющихся въ Россіи, и о русскихъ гончихъ съ ихъ помѣсями. Я не привожу здѣсь выписокъ изъ разныхъ статей о гончихъ, появившихся за послѣдніе года въ журналахъ, на томъ основаніи, что это были лишь замѣтки, не являющія въ себѣ то, что можно бы было назвать сочиненіями о гончихъ собакахъ. Исключеніемъ было только изслѣдованіе г. Кишенскаго, но и оно не было изслѣдованіемъ исторіи русской гончей, а скорѣе описаніемъ собакъ самого г. Кишенскаго, а такъ какъ собаки эти

достаточно извѣстны господамъ охотникамъ и многіе имѣютъ у себя эту породу, то я счелъ лишнимъ вдаваться въ разборъ сочиненія г. Кишенскаго, какъ не могущаго служить матеріаломъ для исторіи гончихъ собакъ.

ГЛАВА X.

Соображая все сказанное о русскихъ породахъ гончихъ собакъ, мнѣ кажется, можно прійти къ слѣдующимъ заключеніямъ. Съ одной стороны, между всѣми описаніями собакъ, приведенными мною въ двухъ послѣднихъ главахъ, существуетъ нѣкоторая разница. Описанія одной и той же породы гончихъ у разныхъ писателей до того не похожи одно на другое, что кажется будто это все разныя породы. Происходитъ это не отъ незнанія или недобросовѣстности, а просто отъ того, что всякій описывалъ только тѣхъ собакъ, которыхъ видѣлъ и съ которыми охотился. Притомъ одинъ обращалъ болѣе вниманія на собакъ, а другой менѣе, отчего и выходило разногласіе. Въ прежнее время, когда не было путей сообщенія, не было журналовъ и выставокъ, если охотники и съѣзжались между собой, то дѣлалось это на близкомъ разстояніи, и врядъ ли охотники восточныхъ губерній знали собакъ губерній западныхъ, а южные знали сѣверныхъ. Породы же собакъ, хотя и носили названія: русскихъ, костромскихъ, арлекиновъ и такъ далѣе, но, напримѣръ, костромскія собаки Саратовской губерніи вѣроятно имѣли нѣкоторое

отличіе отъ костромскихъ же собакъ Смоленской губерніи и т. д.

Съ другой стороны, несмотря на всѣ разнорѣчія и иногда даже полное отсутствіе понятнаго въ описаніи породъ, все-таки проглядываетъ что-то общее, нѣкоторые признаки присущіе гончимъ вообще, и признаки эти совершенно особенные, не имѣющіе ничего общаго съ признаками западныхъ гончихъ собакъ. Такъ, видно это въ сѣромъ подшерсткѣ, плоскомъ, небольшомъ, высокопоставленномъ ухѣ, ростѣ и окрасѣ псовины, такъ какъ въ русскихъ гончихъ преобладаютъ масти темныхъ цвѣтовъ, чего, наоборотъ, незамѣтно въ западныхъ породахъ гончихъ собакъ.

Все это даетъ намекъ на то, что должна же была существовать въ Россіи первобытная порода гончихъ собакъ, и порода очень устойчивая. Устойчивость эта доказывается тѣмъ, что, несмотря на всѣ безобразныя помѣси, сдѣланныя охотниками, извѣстные признаки все-таки выходятъ наружу, и такъ сказать порода старинныхъ русскихъ гончихъ прямо просится на свое возстановленіе. Хотя старинные охотники и различествуютъ въ описаніи наружныхъ признаковъ породъ гончихъ, но всѣ сходятся на описаніи внутреннихъ, нравственныхъ сторонъ; оно и понятно, такъ какъ цѣль у всѣхъ была одинакова, и всѣ заботились только о томъ, чтобъ ихъ гончія гоняли какъ можно лучше. Вслѣдствіе чего дѣлались различныя помѣси въ собакахъ, и примѣси не только крови легавыхъ, но и иностранныхъ гончихъ — сказать трудно, но не думаю, чтобъ у дѣльныхъ охотниковъ это дѣла-

лось вслѣдствіе одной только моды или увлеченія всѣмъ иностраннымъ. Вѣроятно, на это были и какія-нибудь болѣе существенныя причины, вызванныя или измѣненіемъ способа охоты, или измѣненіемъ мѣстности по случню расчистки лѣсовъ и уменьшенія пространства каждаго острова; вѣроятно, вліяло и то и другое: прежде, когда мѣстность была почти вездѣ лѣсистая, можно предположить, что и породы гончихъ менѣе различались одна отъ другой; впослѣдствіи же, когда потребовались болѣе поратыя гончія, то стали подмѣшивать кровь другихъ собакъ. Что помѣси эти дѣлались съ незапамятнаго времени, ясно видно изъ «Регула», гдѣ говорится, что для вывода верхочутыхъ собакъ слѣдуетъ примѣшать кровь легавыхъ. Какія это были легавыя — сказать трудно, но онѣ существовали и существовали вѣроятно очень давно, такъ какъ соколиная охота безъ легавыхъ ищеекъ производиться не могла, а о соколиной охотѣ существуютъ свѣдѣнія съ самаго отдаленнаго времени. Точно такъ же примѣсь какой-то собаки, давшей намъ пѣгихъ гончихъ, вѣроятно сдѣлана была тоже очень давно; была ли то свѣтлая лайка, легавая или англійская гончая — сказать нельзя, вѣрно только то, что это была собака свѣтлой масти, даже скорѣе бѣлой.

Въ одну изъ моихъ поѣздокъ съ цѣлью пріобрѣтенія собакъ въ Ярославскую губернію, мнѣ пришлось увидать старинную картину, изображавшую цѣлую псовую охоту; нарисована она была вѣроятно какимъ-нибудь доморощеннымъ живописцемъ. На ней изображены на первомъ планѣ

баринъ верхомъ, со сворой, сейчасъ за нимъ доѣзжачій со стаей, а вдали борзятники; всѣ люди одѣты въ цвѣтные кафтаны на манеръ польскихъ и въ высокихъ желтыхъ уланскихъ шапкахъ, что несомнѣнно указываетъ на старинную богатую охоту. Самая интересная часть охоты для меня — стая собакъ, вся багряно-пѣгая, съ маленькими ушами и высокоподнятыми гонами. По разспросамъ оказалось, что картина эта существуетъ очень давно, и никто не могъ мнѣ дать указанія, когда именно она была нарисована; я могъ только добиться отъ вдадѣльца имѣнія, что всѣ его предки жили въ этомъ имѣніи и всѣ были псовые охотники, такъ что картина эта могла относиться къ концу прошлаго столѣтія или къ самому началу нынѣшняго. Вообще это даетъ нѣкоторое свѣдѣніе о томъ, что тогда были цѣлыя стаи одномастныхъ пѣгихъ собакъ, по наружному виду костромскихъ.

Можно почти навѣрно сказать, что прежде въ Россіи была только одна порода гончихъ собакъ темной масти, но впослѣдствіи эта порода черезъ помѣсь съ различными другими породами собакъ, какъ легавыя, лайки, иностранныя гончія и т. д., выродилась и образовала множество различныхъ породъ гончихъ собакъ; эти же послѣднія, перемѣшавшись между собой, уже произвели тѣхъ гончихъ, которыхъ мы видимъ сейчасъ въ Россіи.

Если доискиваться этой старинной породы русскихъ гончихъ, то никакъ не слѣдуетъ ограничивать эти поиски тѣми матеріалами, которые имѣются въ однихъ только русскихъ источникахъ, а слѣдуетъ разсмотрѣть все, что только имѣется

по части гончихъ собакъ вообще, и уже изъ всего этого вывести одно общее заключеніе, что я и постараюсь сдѣлать теперь же, но для этого придется возвратиться назадъ.

Если мы заглянемъ въ самыя отдаленныя времена, то найдемъ, что слово «песъ» происходитъ отъ санскритскаго и означало на этомъ языкѣ домашнее животное вообще, что даетъ ясное указаніе на то, что первое прирученное человѣкомъ животное была собака и что вначалѣ человѣкъ былъ только охотникъ. Далѣе, изъ миѳологическихъ сказаній, также санскритскихъ, видно, что изъ псовъ вообще особенное значеніе придавалось «псу четырехглазкѣ», т.-е. имѣющему очки, то-есть отличительный признакъ собаки гончей. Изъ того, что у арійцевъ первымъ домашнимъ животнымъ была собака, можно заключить, что это былъ народъ только охотничій и что у нихъ не была исключительно собака одной только породы, а разныхъ, такъ какъ уже тогда отличали изъ всѣхъ собакъ, собаку четырехглазку, т.-е. гончую. Изъ миѳологическихъ же сказаній видно, что эта четырехглазость была присуща собакамъ, умѣющимъ искать, и особенно цѣнилась тогдашними людьми, а такъ какъ люди эти были исключительно охотники, то и цѣнили только охотничьи способности этихъ четырехглазыхъ собакъ, т.-е. гончихъ. А если уже тогда существовали собаки съ очками, то такъ какъ это всегда сходится съ темнымъ окрасомъ масти и подпалинами, то можно навѣрно сказать, что самая древняя, первобытная гончая собака была темнаго окраса масти съ подпалинами и очками.

Разсматривая породы гончихъ собакъ, можно замѣтить, что самыя старинныя изъ нихъ, какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ обладаютъ темной мастью съ подпалинами и очками. На Западѣ, какъ извѣстно, самая старинная порода гончихъ собакъ, это гончія св. Губерта — черныя, съ подпалинами и очками. На Востокѣ можно, почти навѣрно сказать, существовала самая старинная порода гончихъ, тоже темной масти съ подпалинами и очками (собака, изображенная въ соборѣ св. Софіи въ Кіевѣ). Но эти двѣ породы, хотя и имѣющія много общаго, различны между собой. Произошло ли это различіе вслѣдствіе климатическихъ условій, или очень удаленной примѣси какой-нибудь другой крови собаки или какого-нибудь иного животнаго — сказать нельзя. Я предполагаю, но это только очень смутное предположеніе, что русская гончая, отличающаяся отъ западной вообще большей легкостью и сухостью, получила эти два качества отъ примѣси борзовидной собаки арійцевъ, о которой я говорилъ уже въ своемъ «Очеркѣ исторіи борзой собаки», тогда какъ на Западѣ гончая этой примѣси не имѣла. Поэтому можно установить, основываясь на предыдущихъ данныхъ, двѣ первобытныя породы гончихъ собакъ: одну для Запада — гончихъ св. Губерта, и одну для Востока: русскую старинную гончую; обѣ темной масти съ подпалинами и очками.

Кромѣ вышесказаннаго, при изслѣдованіи старинныхъ гончихъ можно замѣтить еще одну особенность — это дѣленіе ихъ на гладкошерстыхъ и брудастыхъ, какъ на Западѣ такъ и на Востокѣ.

Типъ настоящей брудастой, старинной собаки сохранился по сіе время во Франціи въ брессанскихъ собакахъ, описанныхъ мною много выше. Въ Россіи этой породы сейчасъ уже нѣтъ, но она существовала недавно подъ названіемъ брудастыхъ курляндскихъ гончихъ собакъ. По стариннымъ польскимъ источникамъ извѣстно, что въ Литвѣ когда-то давно была мѣстная порода брудастыхъ гончихъ небольшого роста съ страшно яркими, плаксивыми голосами. То же самое сказано и о брессанскихъ гончихъ еще въ римскихъ источникахъ; значитъ, можно установить, что порода эта была распространена на всемъ сѣверо-западѣ Европы захватывая собою и часть Россіи. Но такъ какъ порода брудастыхъ собакъ въ Россіи пропала, а на Западѣ вошла въ сдѣланное мною описаніе брессанскихъ собакъ, то я разбирать ее здѣсь уже не буду, а займусь исключительно русской гладкошерстой собакой.

Теперь, мнѣ кажется, я доказалъ существованіе древней русской гончей собаки, но кромѣ этого я постараюсь показать, какова она была какъ по наружному виду, такъ и по внутреннимъ качествамъ. Для этого я опять-таки вернусь къ собакѣ св. Людовика и приведу здѣсь послѣдніе доводы, чтобъ доказать, что это была русская гончая и выведена не изъ Татаріи, а изъ Россіи.

Насколько мои предположенія вѣрны, читатель можетъ убѣдиться самъ. Доказавъ же тождественность этихъ двухъ породъ, будетъ легче установить типъ нашей старинной русской гончей собаки. П. М. Губинъ называетъ ее прямогонной, но

для насъ это безразлично, и, по-моему, названіе просто русской гончей будетъ болѣе подходящимъ въ этомъ случаѣ, чѣмъ прямогонной русской, такъ какъ несомнѣнно, что это и есть первобытная русская гончая.

Для большей ясности я представлю тутъ сравнительную таблицу описаній этой породы, какъ оно сдѣлано у иностранныхъ писателей, подъ именемъ сѣрой собаки св. Людовика, и въ русскихъ источникахъ, гдѣ она описана безъ особаго для этой породы названія, какъ въ «Регулѣ» и т. д.

Описаніе сѣрой собаки св. Людовика по источникамъ французскимъ.	Описаніе русской старинной гончей по фрескѣ собаки св. Софіи въ Кіевѣ, «Регулу псовой охоты» и т. д.
Ростъ.	**Ростъ.**
Большой.	Большой.
Масть.	**Масть.**
Багряная съ кариной съ подпалинами и очками, сѣрый подшерстокъ, черныя, чепрачныя, соловыя.	Черная, багряная, соловая, сѣрый подшерстокъ, подпалины съ очками.
Голова.	**Голова.**
Большая и скорѣе широкая во лбу, чѣмъ узкая.	Большая, сухая, острочутоватая.
Глаза.	**Глаза.**
Полные огня, на слезѣ, съ кровавыми бѣлками.	Средней величины, темнаго цвѣта, на слезѣ.
Уши.	**Уши.**
Небольшія, плоскія съ заостреннымъ нижнимъ угломъ, поставлены высоко.	Небольшія плоскія, трехугольникомъ, поставлены высоко, стремоухія.
Гонъ.	**Гонъ.**
Коротковатый въ серпѣ, толстоватый съ подвѣсомъ.	Серповидный (по-старинному серпало) съ подвѣсомъ, средней длины.

Описаніе сѣрой собаки св. Людовика по источникамъ французскимъ.	Описаніе русской старинной гончей по фрескѣ собаки св. Софіи въ Кіевѣ, «Регулу псовой охоты» и т. д.
Характеръ. Злобный, азартный, собаки вообще сумасшедшія.	**Характеръ.** Злобный, скоросый, очень азартный.
Манера гнать. Гоняютъ всякаго звѣря порато, нестомчиво и вязко, но склонны срываться, вѣрятъ вожаку стаи, привязчивы къ своему доѣзжачему, не любятъ шума и крика, голоса очень хороши.	**Манера гнать.** Азартная, злобная, гоняютъ всякаго звѣря, пораты, нестомчивы, вязки, вѣрятъ вожаку, привязчивы къ своему доѣзжачему: не слѣдуетъ горячить порсканьемъ и крикомъ, особенно при напускѣ.

Изъ только что приведеннаго краткаго сравненія нельзя не прійти къ заключенію, что сѣрая собака св. Людовика и старинная русская гончая принадлежатъ къ одной и той же породѣ.

Мнѣ могутъ возразить, что сѣрыя собаки вывезены изъ Татаріи, но мнѣ кажется, что это возраженіе не будетъ имѣть основанія, такъ какъ въ то время въ понятіяхъ французовъ все, что находилось на востокъ отъ Германіи, слыло подъ названіемъ Татаріи. Кромѣ того, изъ источниковъ не видно, изъ какой именно мѣстности этой Татаріи вывезены собаки, сказано только вообще изъ Татаріи, почему и можно скорѣе предположить, что собакъ достали просто на Руси черезъ Константинополь. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, кажется, что тутъ сомнѣнія быть не можетъ, такъ какъ было бы даже страннымъ предполагать, что двѣ породы собакъ, такъ разительно похожія одна на другую, не были бы одной и той же породой. Въ виду же описанія признаковъ породы нашей старинной гон-

чей, фактъ этотъ пріобрѣтаетъ большую важность. Все, чего не хватаетъ въ нашихъ русскихъ источникахъ, можетъ быть пополнено данными почерпнутыми изъ иностранныхъ, французскихъ источниковъ. Я убѣжденъ, что если читатель внимательно прочтетъ все, что я сказалъ о сѣрыхъ гончихъ собакахъ св. Людовика и старинной русской гончей собакѣ, то онъ придетъ къ тому же заключенію, что и я.

Съ своей стороны, я буду эти двѣ породы считать за одну и, на основаніи данныхъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, постараюсь составить типъ породы старинныхъ русскихъ гончихъ собакъ. Типъ этотъ будетъ слѣдующій:

Ростъ большой, около 16 вершковъ для выжлецовъ и 13—14 вершковъ для выжловокъ.

Голова большая, сухая; лобъ широкій, но не настолько, чтобъ превратить голову въ короткую, такъ, что она скорѣе удлиненная; брылей нѣтъ; складокъ на головѣ тоже; подбрудка нѣтъ; вообще голова ровная, безъ прилоби; чутье развитое, мокрое; отъ верхней губы рубчикъ; собака часто поводитъ чутьемъ, внюхиваясь въ воздухъ; ноздри открытыя, развитыя.

Глаза средней величины, темнаго цвѣта, на слезахъ и съ кровавыми бѣлками; взглядъ умный и серіозный.

Уши небольшія, плоскія, плотно прилегающія къ щекамъ, тонкія, съ нѣсколько островатымъ концомъ внизу, поставлены высоко.

Шея средней длины и толщины, но кажетъ толще отъ шерсти болѣе длинной, чѣмъ на тѣлѣ.

Ребра ниже локотковъ, плотныя, съ глубокой, хорошо развитой грудью, бочковатыя.

Спина широкая, съ легкой напружиной, крѣпкая, мускулистая, жесткая.

Ноги сухія, крѣпкія, костистыя, съ хорошо развитой небольшой лапой въ комкѣ, съ короткими, крѣпкими пальцами; задніе пазанки не совсемъ прямые, а чуть-чуть согнутые; прибылыхъ пальцевъ нѣтъ; портки полные и низко спущены.

Мочи крѣпкія, упругія.

Гонъ средней длины, толстый, серповидный съ небольшимъ подвѣсомъ, держать его собака должна на ходу поднявъ кверху, но не закручивая его на спину.

Масть багряная разныхъ оттѣнковъ, чепрачная, черная, соловая, но непремѣнно съ подпалинами рыжими или соловыми разныхъ тѣней; иногда сѣрый подшерстокъ пробивается наружу, такъ что окрасъ является почти волчій, но много темнѣе; надъ глазами очки непремѣнно той же масти какъ и подпалины.

Шерсть грубая, на загривкѣ и бокахъ шеи длиннѣе, чѣмъ на прочихъ частяхъ тѣла; по всей собакѣ густой, мягкій, сѣрый подшерстокъ.

Общій видъ: собака кажетъ легкой, сухой, энергичной, богатырской сложки.

Характеръ злобный на всякаго звѣря, даже небезопасный для скотины при плохомъ надзорѣ, страшно азартный, но довѣрчивый къ своему доѣзжачему и при хорошей наѣздкѣ послушный, но вообще звѣроватый, склонный къ набаловкѣ, требуетъ бдительной и серіозной пріѣздки.

Манера гонять азартная, во всѣ ноги, съ отличными голосами, чрезвычайно музыкальными, съ заливомъ у выжловокъ; подваливаютъ другъ къ другу дружно, но только не къ той изъ собакъ, которая имѣетъ привычку врать: стая уже знаетъ ея голосъ, и ни одна собака къ ней не подвалится; вообще манера гнать сумасшедшая. При напускѣ стаи и при упаломъ или удалѣломъ звѣрѣ никогда не слѣдуетъ ихъ горячить порсканьемъ, такъ какъ отъ крика и шума стая положительно сходитъ съ ума и легко проносится. Собаки чутьисты, полазисты, нестомчивы, но въ вязкости уступаютъ ружейнымъ гончимъ, что не мѣшаетъ имъ быть достаточно вязкими для псовой охоты, такъ какъ при ихъ страшной поратости нельзя требовать той самой вязкости, которая присуща пѣшимъ породамъ. Вообще собаки требуютъ хорошихъ лошадей подъ доѣзжачаго и выжлятниковъ, а также, чтобъ люди эти были смѣтливые, ловкіе и смѣлые ѣздоки. Гоняютъ рѣшительно всякаго звѣря, начиная съ зайца и кончая медвѣдемъ и всѣми копытными звѣрями. Здоровье у нихъ крѣпкое, не боятся ни холода, ни мокроты и даже хорошо переносятъ жаръ.

Вотъ все, что можно сказать о старинныхъ русскихъ гончихъ, и теперь я уже займусь современными породами гончихъ собакъ въ Россіи. Но не могу не сказать, что, на мой взглядъ, намъ бы слѣдовало всѣми силами стараться возстановить породу старинныхъ русскихъ гончихъ.

ГЛАВА XI.

Если сдѣлать осмотръ тѣхъ гончихъ собакъ, которыя намъ попадаются теперь, въ большинствѣ случаевъ, то невольно поразишься полнымъ отсутствіемъ всякаго въ нихъ типа или породы. Въ большинствѣ случаевъ это смѣсь всего возможнаго и носитъ названіе гончихъ только потому, что гонитъ звѣря.

Въ прежнихъ барскихъ охотахъ, гдѣ обращали вниманіе или на стайность, или на одномастность собакъ, а главное на ихъ полевыя достоинства, при содержаніи большихъ стай каждый годъ много собакъ выкидывалось. Въ настоящее же время, когда стаи сократились, выкормка и содержаніе собакъ вздорожало, охотники сбываютъ собакъ мало и, лишь бы собака хорошо гнала, ее все будутъ держать, какого бы она вида ни была. Кромѣ того, у насъ существуетъ полное отсутствіе ясныхъ понятій о томъ, какой наружный видъ присущъ различнымъ породамъ гончихъ собакъ; однимъ словомъ, нѣтъ яснаго понятія о типахъ.

Разбирая существующія породы, можно замѣтить нѣкоторыя черты, намекающія на то, что типы эти должны существовать, но, все-таки, прямо указать на то, что такая-то стая такого-то типа, а эта вотъ этого типа, нельзя. Приблизительно можно намѣтить эти типы, которыхъ я насчитываю шесть:

слѣжины, широкая, съ развитыми почками. Напружина при низкопередости (у англійскихъ) порокъ развитой, но у нѣкоторыхъ гончихъ при высокопередости иногда представляется нѣсколько бѣдные переда (волчій складъ).

Колодка вообще не должна быть растянута, комковата, сбита, казаться въ окороть.

Ноги сухія, костистыя, мускулистыя, порпорціонально длинныя, чтобы гончая не казалась вздернутою на ногахъ.

Локотки не вывернуты.

Переднія ноги совершенно прямыя.

Заднія ноги съ слегка выраженной колѣнкой, не лучковатыя, безъ коровины.

Лапа слѣдистая, кругловатая (не русачья), пальцы короткіе, ноги безъ шпоръ, безъ прибылыхъ пальцевъ.

Гонъ не низкопосаженный, короткій, доходящій до колѣна, толстый, покрытый густою щетинистой псовиной, безъ подвѣса, серповидный, при возбужденномъ состояніи, гончая его приподымаетъ и носитъ круто; гонъ не долженъ быть загнутъ кольцомъ на спину (не въ кольцѣ), ибо гонъ короткій и не свaленъ на сторону.

Псовина на головѣ и на ногахъ короткая, а остальная длинная, грубая и обязательно съ мягкимъ подшерсткомъ (собака тепло одѣтая), на спинѣ, гону и шеѣ щетинистая, но прилегающая гладко, чтобъ не было такъ сказать брудастости.

Окрасъ чаще багряный, или багряный съ чепракомъ (чепрачный) съ большими желтыми не рѣзко ограниченными подпалинами; иногда встрѣчается

окрасъ черный, сѣрый безъ лоснящагося отлива, съ большимъ сѣрымъ подшерсткомъ, съ неяркими красноватыми и желтыми, даже бѣлесоватыми подпалинами. Бѣлыя отмѣтины допускаются лишь на груди; бѣлыхъ загривинъ, бѣлизны пальцевъ и ногъ, достигающей иногда до колѣнъ, бѣлаго конца гона и вообще большихъ бѣлыхъ отмѣтинъ не должно быть. Встрѣчается также окрасъ черный съ сѣрымъ или сѣро-бурымъ подшерсткомъ. При нечистопородности современной гончей подъ пѣгимъ окрасомъ могутъ проскальзывать гончія съ примѣсью другихъ и даже иногда вовсе не гончихъ собакъ, поэтому слѣдовало бы исключить пѣгій окрасъ вовсе, или же по крайней мѣрѣ считать его менѣе типичнымъ, чѣмъ чепрачный».

Многоуважаемый Петръ Николаевичъ несомнѣнно хорошо знаетъ современную русскую гончую собаку и составленное имъ описаніе типичныхъ признаковъ подробно но, несмотря на это, я не во всемъ съ нимъ согласенъ. Хотя его описаніе всѣхъ признаковъ сдѣлано подробно, но есть нѣкоторая неясность не въ самомъ описаніи этихъ признаковъ, но въ спутанности ихъ; произошло это оттого, что порода современныхъ русскихъ гончихъ, еще далеко не установилась: однѣ собаки болѣе чисто русскія, другія ближе подходятъ къ костромскимъ, и такъ далѣе. Такъ, клинообразная голова свайкой, толстая шея, короткій и толстый гонъ, высокопередость и волчій складъ, а также маленькое ухо суть признаки костромской породы гончихъ собакъ, а напружина, прямой лобъ, стремоухость суть признаки русской гончей.

Я съ своей стороны остаюсь при своемъ мнѣніи и буду утверждать, что желательно было бы возстановить русскую гончую породу собакъ, какъ я ее описалъ выше сего. Сдѣлать это, по-моему, не трудно, такъ какъ въ большей части нашихъ багряныхъ собакъ прямо бросаются въ глаза признаки старинной породы русскихъ гончихъ собакъ; но для этого надо отрѣшиться отъ всякой мысли примѣшивать въ стаи другихъ собакъ, кромѣ обладающихъ въ высшей степени этими признаками, я уже не говорю объ иностранныхъ собакахъ.

Улучшая породу въ этомъ смыслѣ, самоё въ себѣ, извѣстнымъ подборомъ, даже между близкой родней, но при тщательномъ уходѣ и питательной мясной пищи, можно достигнуть блестящихъ результатовъ.

Современные любители русскихъ гончихъ увлекаются волчьимъ складомъ, но они тутъ впадаютъ въ ошибку. Волчій складъ у волка совсѣмъ не происходитъ отъ слишкомъ большого развитія мускуловъ шеи и щекъ и дѣлаетъ животное высокопередымъ, а оттого, что шерсть у волка на затылкѣ, на шеѣ и около щекъ длиннѣе, чѣмъ на другихъ частяхъ тѣла, что и придаетъ ему какъ будто толстую шею и дѣлаетъ его высокопередымъ; ободранный волкъ имѣетъ какъ шею, такъ и передъ ни чѣмъ не отличающіэся отъ шеи и переда простой очень крупной дворняжки.

Мнѣ кажется, для гончей необходимо, что нибудь лучшее, такъ какъ она, между прочимъ, предназначается и для того, чтобъ побѣждать волка, значитъ она должна быть сложена лучше волка и

быть легче его; поэтому, если стараться придать гончей болѣе легкости, сохраняя ея богатырство, то цѣль ея назначенія будетъ лучше выполнена, чѣмъ въ настоящее время.

Лучшія стаи русскихъ гончихъ собакъ существующія сейчасъ въ Россіи, еще не могутъ считаться типомъ этой породы, ибо между ними часто выкидываются совершенно невозможныя особи; наша современная русская гончая есть еще матеріалъ, изъ котораго предстоитъ нашимъ любителямъ создать типъ современной породы русскихъ гончихъ собакъ; но, по-моему, нельзя при составленіи идеала этого типа смѣшивать признаки разныхъ породъ гончихъ собакъ, существовавшихъ въ Россіи.

Первое, на что въ этомъ дѣлѣ слѣдуетъ обратить вниманіе, это на примѣси къ русскимъ собакамъ вообще кровей иностранныхъ собакъ, для чего слѣдуетъ установить признаки, выражающіе эту примѣсь, потомъ уже выяснить бывшее скрещиваніе между собой русскихъ только породъ. Признаки эти будутъ наружные: въ формахъ, масти, и внутренніе: въ голосѣ и характерѣ собакъ. Насколько должна вліять иностранная кровь на нравственныя качества породы, я уже сказалъ выше, и повторю здѣсь, что примѣсь всякой породы гончихъ собакъ, долгое время воспитанной исключительно для парфорсной охоты, лишь можетъ испортить породу гончихъ собакъ, предназначенную для псовой охоты, и далѣе объ этомъ говорить не буду, а постараюсь собрать всѣ наружные признаки какъ примѣси иностранныхъ собакъ, такъ и признаки скрещиванія однѣхъ русскихъ породъ между собою.

Я ихъ не раздѣляю на томъ основаніи, что въ современныхъ породахъ гончихъ собакъ въ Россіи признаки эти до того перепутались и сплелись между собой, что разобрать и отдѣлить ихъ весьма трудно, но я постараюсь сдѣлать, что можно. Признаки примѣсей оказываютъ свое вліяніе въ статяхъ собаки не во всѣмъ тѣлѣ, а только въ нѣкоторыхъ его частяхъ, а именно:

Въ головѣ: большіе на выкатѣ глаза; слишкомъ отвисшія красныя нижнія вѣки; курносое чутье; складки кожи на головѣ; брыли; подбрудокъ; низкопоставленныя уши; уши, свернутыя въ трубку; уши, закругленныя на концахъ; толстыя и маленькія уши; слишкомъ большая ширина головы между ушами, такъ что голова кажетъ острой и короткой; выдающійся, острый соколокъ и прилобистость.

Въ ногахъ: прибылые пальцы.

Въ гонѣ: длинный и тонкій гонъ, а также завернутый кольцомъ на спину или свислый на какой-нибудь бокъ, или штопоромъ, или съ туго завитымъ концомъ.

Въ шерсти: отсутствіе сѣраго подшерстка; мягкость и атласистость шерсти, кромѣ какъ на головѣ, мордѣ и ногахъ.

Въ масти: красно-кирпичныя подпалины, отсутствіе подпалинъ, отсутствіе очковъ, чернопѣгость и сѣропѣгость.

Общій видъ: собака не должна казаться дворняжковатой, но напротивъ должна имѣть видъ породный, — на словахъ это трудно объяснить, но всякій охотникъ умѣетъ подмѣтить въ собакѣ дворноковатость.

Какъ я уже упомянулъ объ этомъ, я не говорю объ остальныхъ частяхъ тѣла, такъ какъ въ нихъ примѣсь крови иностранныхъ гончихъ и другихъ собакъ никогда ничѣмъ не выказывается. Выше я уже показалъ признаки примѣсей иностранныхъ собакъ, а теперь скажу нѣсколько словъ о примѣсяхъ къ нашимъ гончимъ нашихъ же туземныхъ породъ. Признаки примѣси этихъ породъ сейчасъ же могутъ быть замѣчены по наружному виду и по манерѣ собакъ вести себя, такъ какъ примѣшивались обыкновенно легавыя для чутья, меделянки для злобности и дворныя за неимѣніемъ другихъ собакъ. Я здѣсь не касаюсь костромскихъ собакъ съ явно видимой примѣсью лайки, какъ собакъ, порода которыхъ была до извѣстной степени породою уже установившеюся, вылившейся въ извѣстный типъ. Примѣсь легавой видна въ головѣ собаки, но опредѣлить этого прямо нельзя, а всякій охотникъ между тѣмъ легко отличитъ голову легавой собаки отъ головы настоящей гончей. Далѣе, легавая кровь видна въ прибылыхъ пальцахъ, въ гонѣ, который становится длиннымъ безъ подвѣса или пушистымъ, какъ у сетера, а главное, помѣсь эта видна въ склонности собакъ гнать голосомъ всякую пернатую дичь. Нѣкоторыя любятъ искать утокъ въ болотѣ и даже дѣлаютъ короткую стойку надъ зайцами и тетеревами; вообще замѣтна также крайняя неохота гнать краснаго звѣря, особенно волка, и собаки исключительно гоняютъ только зайцевъ. При веденіи такихъ гончихъ между собой шерсть принимаетъ кофейный оттѣнокъ. Примѣсь крови меделянокъ и другихъ травильныхъ

собакъ выражается въ общей мясистости собакъ, отвислыхъ красныхъ вѣкахъ, короткомъ кругломъ ухѣ, большой круглой головѣ и т. д., а особенно въ злобности къ людямъ; такія собаки часто бросаются на людей и всегда молча. Голосъ въ гоньбѣ мѣняется и становится похожимъ на брёхъ, при чемъ всякая пѣвучесть и музыкальность пропадаютъ. О примѣси дворныхъ говорить не стоитъ, такъ какъ въ близкой помѣси она бросается въ глаза всякому, а въ отдаленной уничтожаетъ въ стаѣ всякую музыкальность гона, и гоньба такой стаи напоминаетъ скорѣе лай дворныхъ собакъ, который часто приходится слышать, проѣзжая ночью черезъ деревню.

Итакъ всякій любитель гончихъ, желая имѣть хорошую стаю, прежде всего долженъ строго и постоянно наблюдать за тѣмъ, чтобъ на его псарный дворъ попадали бы по возможности кровные производители. Всякая собака, имѣющая въ себѣ какой-нибудь изъ вышеприведенныхъ признаковъ примѣси, должна быть немедленно удаляема. Допуская же въ производители особей безъ вышеозначенныхъ пороковъ, можно стаю сначала очистить, а потомъ уже улучшать въ извѣстномъ типѣ, руководствуясь при этомъ всѣмъ помянутымъ въ этомъ сочиненіи.

Нѣсколько выше я замѣтилъ, что лучшія наши стаи могутъ служить лишь матеріаломъ для созданія типичныхъ гончихъ собакъ. Сказалъ я это потому, что въ гончихъ, считающихся въ настоящее время самыми чистокровными, всегда есть посторонняя примѣсь; ни одинъ изъ всѣхъ владѣльцевъ

стай не можетъ поручиться за кровность своихъ собакъ. Я самъ держалъ гончихъ, и хорошихъ гончихъ, но, положа руку на сердце, долженъ признаться, что у меня каждый годъ выраживались сюрпризы въ щенкахъ. Какъ я ни подбиралъ производителей, казалось бы отъ самыхъ лучшихъ и кровныхъ собакъ, все-таки получались нѣкоторые щенки никуда не годные. Я убѣжденъ, что и прочіе охотники, если будутъ откровенны, то вполнѣ со мною согласятся.

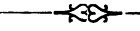
Собака по своей природѣ болѣе всякаго другого животнаго склонна воспринимать признаки разныхъ примѣсей и вообще вырождаться, поэтому при веденіи породы надо быть крайне осторожнымъ. Только одинъ разъ неудачно или необдуманно пущенный въ стаю производитель можетъ испортить дѣло на нѣсколько лѣтъ. Поэтому при выборѣ производителей нужно твердо и основательно узнать собаку, или по крайней мѣрѣ знать породу той стаи, изъ которой его приходится брать. При покупкѣ же необходимо изучить его манеру гнать и отнюдь не ограничиваться наружнымъ видомъ и розсказнями хозяина стаи или доѣзжачаго. При смѣшанности и некровности нашихъ гончихъ легко можетъ случиться, что и хорошій, повидимому, производитель случайно, помимо воли владѣльца стаи, можетъ столкнуться съ почти незамѣтнымъ порокомъ у одной изъ выжловокъ и усилить этотъ порокъ въ своемъ потомствѣ. Для ясности возьму слѣдующій примѣръ. Вы нуждаетесь въ хорошемъ производителѣ и наконецъ находите его; онъ вполнѣ соотвѣт-

ствуетъ вашимъ требованіямъ, но въ его предкахъ была легавая собака, и въ молодости онъ выказывалъ поползновеніе искать тетеревей. При хорошей наѣздкѣ и вслѣдствіе примѣра прочихъ собакъ стаи все это у него прошло совершенно, но прошло только вслѣдствіе наѣздки и гоньбы. Вы берете его въ производители, но между вашими выжловками можетъ есть также такая, которая имѣла когда-то легаваго предка, и вотъ въ пометѣ является нѣсколько сюрпризовъ, отыскивающихъ тетеревей и гоняющихъ исключительно по зайцамъ. Чтобъ показать, насколько отдаленные предки выраживаются въ гончихъ, я разскажу случай, бывшій на моей псарнѣ. Былъ у меня англо-арлекинъ сѣро-пѣгій, этого выжлеца я повязалъ съ кровной выписной сукой-сетеромъ, бѣлой безъ отмѣтинъ и красавицей. Пометъ отъ нихъ, какъ не предназначенный ни для чего, я велѣлъ закинуть, но мой доѣзжачій выпросилъ себѣ одного щенка, и, къ моему удивленію, у него выросъ типичный старинный стагъ-гоундъ, какъ онъ изображенъ на старинныхъ англійскихъ картинахъ; въ этомъ случаѣ можно только предположить, что когда-то, очень давно, какъ въ крови выжлеца, такъ и въ крови суки была частица крови старинныхъ стагъ-гоундовъ. Этого родившагося у меня англичанина я взялъ въ стаю, и онъ являлъ всѣ признаки и способности англійской гончей собаки, не имѣя въ себѣ ничего легаваго, ни въ манерѣ искать, ни въ манерѣ гонять, даже изъ всѣхъ звѣрей предпочиталъ волка, какъ бы настоящій волкогонъ.

Французы, замѣчательные знатоки, и англичане, замѣчательные выводители породъ, знаютъ насколько трудно одному человѣку вывести или очистить породу. Скажу болѣе, одному человѣку, для того, чтобъ привести дѣло къ концу, слишкомъ мало его жизни и средствъ денежныхъ; особенно въ настоящее время рѣдко найдется человѣкъ, настолько богатый и свободный, я не говорю уже о знаніи, который могъ бы, подобно графу Орлову, посвятить себя улучшенію или выводу какой бы то ни было породы. Помоему это дѣло можетъ осуществить только общество съ извѣстнымъ направленіемъ, строго установленнымъ взглядомъ и правилами, которымъ бы оно слѣдовало неукоснительно. Этому обществу прежде всего слѣдуетъ составить описаніе тѣхъ типовъ собакъ, которые были бы желательны. Каждый типъ долженъ быть описанъ до мельчайшихъ подробностей какъ по отношенію къ наружному виду и статямъ собакъ, такъ и по отношенію къ характеру, манерѣ гоньбы и вообще всѣмъ нравственнымъ сторонамъ породы. Разъ эти правила установлены и приняты, то распорядителю уже останется только повиноваться имъ, не выдумывая ничего своего, почему дѣло и будетъ улучшаться помимо того, кто будетъ завѣдывать стаей, тотъ ли или другой изъ членовъ. Тогда только, въ теченіе многихъ лѣтъ преслѣдуя одно и то же направленіе, можно было бы создать дѣйствительно что-нибудь замѣчательное. Пока же дѣло у насъ будетъ вестись такъ, какъ оно ведется теперь, то особенно хорошаго ожидать нельзя.

Прежде, когда помѣщики жили въ своихъ деревняхъ безвыѣздно, — охота была дѣломъ наслѣдственнымъ, переходящимъ отъ дѣда къ внуку, тогда поддержаніе породы и усовершенствованіе ея было возможно, но и то ничего не вышло. Теперь же большинство охотниковъ не наслѣдственные, а случайные, и всякій хочетъ за какіе-нибудь тридцать-двадцать лѣтъ оставшейся ему жизни сдѣлать то же самое, что дѣлалось цѣлыми поколѣніями свободныхъ и богатыхъ людей, жившихъ на деревенскомъ привольѣ. Итакъ я повторяю, что спасти нашу русскую гончую вообще можетъ только правильно поставленное общество любителей русскихъ породистыхъ гончихъ собакъ.

Въ слѣдующей главѣ я опишу существующія въ Россіи въ настоящее время породы гончихъ собакъ.

ГЛАВА XII.

Современная русская гончая.

Опредѣлить типъ современной русской гончей собаки весьма трудно. Какъ я уже сказалъ объ этомъ выше, то, что теперь называется у насъ русской гончей, представляетъ въ себѣ смѣшеніе разныхъ типовъ, и я по крайней мѣрѣ не видалъ ни одной стаи, которая бы во всѣхъ своихъ особяхъ была однотипична. Но при сравненіи единичныхъ собакъ изъ разныхъ стай, можно со-

ставить себѣ понятіе о преобладающемъ типѣ между другими, и этотъ-то преобладающій типъ я постараюсь описать, оставивъ за собой право высказать свое мнѣніе о желательномъ типѣ гончей собаки для русскихъ охотниковъ.

Голова средней величины, сухая, безъ складокъ, брылей или подбрудка, безъ прилоби, средней ширины между ушами; соколокъ не выдающійся и замѣтный только на ощупь; глазъ не навыкатѣ, но большой, темнаго цвѣта, на слезѣ. Ухо небольшое, тонкое, плоское, не свернутое въ трубку, плотно прилегающее къ щекѣ и поставленное скорѣе высоко, чѣмъ низко, такъ что когда собака прислушивается, то вздергиваетъ его кверху. Чутье ровное, квадратное, черное, мокрое, съ развитыми, широкими, подвижными ноздрями; по чутью рубчикъ.

Шея средней длины и толщины, но кажетъ толстой отъ болѣе густой и длинной шерсти, чѣмъ на прочихъ частяхъ тѣла.

Грудь широкая, мускулистая, мощная.

Ребра плотныя, толстыя, спущены до локотковъ и бочковатыя.

Паха короткіе, у выжлецовъ много короче, чѣмъ у выжловокъ.

Спина широкая, прямая или съ легкой напружиной какъ у выжлецовъ, такъ и у выжловокъ, мускулистая, жесткая на ощупь.

Ноги крѣпкія, костистыя, сухія; переднія совершенно прямыя, заднія слегка согнуты, но не коровьи, а широко поставленныя, съ хорошо развитыми портками, и всегда безъ прибылыхъ пальцевъ.

Лапа небольшая, сухая, круглая, съ плотно сжатыми пальцами и толстыми, короткими, прочными когтями.

Гонъ, или серпало, средней длины, свободный, въ серпѣ, съ подвѣсомъ; при возбужденномъ состояніи собака держитъ его высоко, но никогда не свертываетъ его кольцомъ на спину.

Псовина густая, плотная, грубая и жесткая на ощупь, на головѣ, ушахъ и ногахъ гладкая, короткая, блестящая; на шеѣ шерсть много длиннѣе, особенно у выжлецовъ, и способна запрокидываться при озлобленіи собаки.

Масть черная съ подпалинами, багряная всѣхъ оттѣнковъ, чепрачная, черно-сѣрая, соловая; иногда бываютъ бѣлыя, очень небольшія отмѣтины на горлѣ, на груди, на затылкѣ, на концѣ ногъ и на гону, но болѣе нигдѣ. Подпалины непремѣнно желтыя разныхъ оттѣнковъ или соловыя, но отнюдь не красно-кирпичныя. Очки должны быть непремѣнно и всегда того же цвѣта, какъ и подпалины. По всѣму тѣлу сѣрый, мягкій, теплый подшерстокъ.

Ростъ выжлеца около 14 вершковъ, а выжловки около 13 вершковъ.

Общій видъ. Собака кажетъ сбитой, въ комкѣ, но нѣсколько низковатой на ногахъ.

Манера гонять и характеръ. Гонятъ азартно, съ заливомъ, особенно выжловки, чутьисты, полазисты, нестомчивы, гонятъ всякаго звѣря, но средней поратости, къ звѣрю злобны, но не всѣ, такъ что попадаются собаки, хорошо гоняющія волка, но плохо его берущія. Отличительная черта — это

особенное довѣріе къ вожакамъ стаи, привязанность къ доѣзжачему и удивительная привычка къ звуку его рога. Вообще къ людямъ собаки очень ласковы, послушны, но склонны къ набаловкѣ при плохой пріѣздкѣ и плохомъ надзорѣ. Здоровье у нихъ хорошее, и онѣ легко переносятъ жаръ, холодъ и всякую непогоду.

Гончія костромскія.

Эти собаки у большинства русскихъ охотниковъ выдѣлены въ особую породу, но то, что прежде называлось костромской гончей, въ настоящее время попадается довольно рѣдко.

Происхожденіе этихъ собакъ, по крайней мѣрѣ по словамъ старинныхъ охотниковъ, совершенно легендарное, о чемъ я уже говорилъ въ своемъ мѣстѣ. По-моему же эти собаки происходятъ отъ помѣси крупной дворноковатой лайки и англійской гончей съ русскими старинными гончими въ разное время. Но во всякомъ случаѣ образованіе породы никакъ нельзя отнести къ давно прошедшимъ временамъ образоваться она могла не ранѣе начала нынѣшняго столѣтія, особенно по отношенію къ примѣси крови англійскихъ собакъ.

Очень можетъ быть, что въ прежнія времена охотники нашихъ сѣверныхъ лѣсистыхъ губерній, за неимѣніемъ свѣжихъ неродственныхъ производителей для своихъ гончихъ стай, стали съ этой цѣлью употреблять мѣстную породу лаекъ, и такимъ образомъ совершенно случайно получилась новая порода гончихъ. Впослѣдствіи очень можетъ быть, что къ этой породѣ была, въ разное

время и въ разныхъ мѣстностяхъ, подмѣшана еще кровь англійскихъ гончихъ. Вообще примѣсь лайки выступаетъ характернѣе примѣси крови англійской собаки, но положительно можно сказать, что въ большинствѣ случаевъ подмѣшаны были собаки свѣтлыхъ мастей, такъ какъ между костромскими попадается много пѣгихъ собакъ, и въ нѣкоторыхъ экземплярахъ бѣлый цвѣтъ является преобладающимъ. Описаніе этихъ собакъ слѣдующее:

Голова коротковатая, широкая между ушами, острымъ клиномъ къ чутью; глаза небольшіе, часто желтаго цвѣта; чутье островатое; брылей и подбрудка нѣтъ; уши очень маленькія, плоскія, нѣсколько толстыя и всегда немного приподнятыя на хрящахъ.

Шея короткая, толстая.

Грудь очень широкая, особенно въ сравненіи съ задомъ.

Ребро коротковатое, но очень бочковатое, до локотковъ немного не доходитъ.

Паха очень короткіе.

Спина широкая, мускулистая, твердая, нѣсколько покатая отъ плечъ къ заду, такъ что собака кажется высокопередой.

Ноги переднія прямыя; заднія тоже часто прямыя, безъ коровины, мускулистыя, костистыя и нѣсколько коротковатыя.

Лапа круглая, съ плотно сжатыми пальцами и короткими, толстыми когтями.

Гонъ короткій, толстый, подвѣса почти нѣтъ, въ возбужденномъ состояніи поднятый круто и даже иногда загнутый на спину, особенно въ полазѣ.

Псовина густая, жесткая, грубая, съ густымъ сѣрымъ подшерсткомъ на темныхъ мѣстахъ тѣла и бѣлымъ на бѣлыхъ мѣстахъ, на шеѣ псовина много длиннѣе и способна запрокидываться при озлобленіи собаки, напримѣръ, при гоньбѣ по волку.

Масть такая же, какъ и у русской гончей, но попадаются багряно-пѣгія, муруго-пѣгія, сѣро-пѣгія и черно-пѣгія, но всегда съ подпалинами и очками.

Ростъ тотъ же, что и у русской гончей.

Общій видъ. Собака кажется короткой, сбитой, высокопередой, съ передомъ развитымъ болѣе, чѣмъ задъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ низковатой на ногахъ. Вообще въ костромскихъ гончихъ сильно замѣтна нѣкоторая дворноковатость, но не по отношенію къ голосамъ.

Манера гонять и характеръ тѣ же, что и у русской гончей, кромѣ какъ на полазѣ русская гончая большей частью ищетъ на галопѣ, а костромская всегда почти на рыси и даже на шагу. Костромская гонитъ менѣе порато, чѣмъ русская, по вязкости же стоитъ выше русскихъ, но зато не такъ злобна къ звѣрю. Вообще, костромскими собаками сгонять какого бы то ни было звѣря трудно.

Польскія гончія.

То, что называется польской гончей собакой, не что иное, какъ гончая св. Губерта, но нѣсколько измѣнившаяся въ отношеніи роста и чистокровности. Вѣроятно, попали онѣ въ Польшу изъ Гер-

маніи, гдѣ только и существовала эта порода гончихъ. Описаніе ея слѣдующее:

Голова большая, съ складками кожи; очень выдающійся соколокъ; брыли и подбрудокъ; глаза большіе темнаго цвѣта, но посаженные глубоко, съ отвислыми, красными вѣками; уши длинныя, плоскія и низко поставленныя; чутье квадратное, большое, мокрое, съ хорошо развитыми ноздрями; по чутью рубчикъ.

Шея средней длины, мускулистая, въ складкахъ.

Грудь широкая, богатырская.

Ребро длинное, бочковатое, плотное, доходитъ до локотковъ.

Паха довольно длинные.

Спина длинная, широкая, мускулистая, твердая, нѣсколько вислозадая.

Ноги толстыя, костистыя, довольно высокія; переднія совершенно прямыя; заднія съ нѣсколько согнутымъ пазанкомъ и сильно развитыми мускулами, безъ коровины. Часто попадаются прибылые пальцы отъ примѣси крови крупныхъ нѣмецкихъ легавыхъ.

Лапа большая, но съ хорошими пальцами.

Гонъ скорѣе длинный, почти безъ подвѣса, въ правильномъ серпѣ, на спину никогда не свертывается, а только поднимается въ полазѣ.

Псовина короткая, блестящая, ровная по всему тѣлу, сѣраго подшерстка нѣтъ.

Масть черная, багряная, чепрачная; подпалины и очки часто красно-кирпичнаго цвѣта.

Ростъ очень большой: 16 вершковъ и болѣе для выжлецовъ, а выжловки — 15 вершковъ.

Общій видъ: собака квадратная, какъ въ длину,

такъ и въ вышину; дѣлаетъ впечатлѣніе богатырской мощи; вмѣстѣ съ тѣмъ кажется мясистой и сырой, но имѣетъ очень породный видъ.

Манера гнать и характеръ: собаки очень пѣши, азартности мало, гонятъ хорошо всякаго звѣря, голоса великолѣпные, съ заливомъ у выжловокъ, попадаются выжлецы съ страшными басами; собаки сильныя, нестомчивыя, полазистыя и очень вязкія, но сгонять ими звѣря, даже легко раненаго, почти невозможно; чутье отличное, но верхочутыхъ собакъ очень мало. Вообще это собаки очень умныя, благовоспитанныя и послушныя; особенно годны для ружейной охоты.

Гончія-арлекины.

Эта порода появилась у насъ въ Россіи неизвѣстно откуда, но я полагаю, что эта порода попала къ намъ изъ Франціи. Судя по описаніямъ старинныхъ французскихъ охотниковъ, это та же порода, что собаки подъ названіемъ старинныхъ «артуа». Собаки, слывущія подъ этимъ именемъ во Франціи сейчасъ, не имѣютъ ничего общаго съ тѣми, которыхъ описываютъ старинные охотники и отъ коихъ, по-моему, произошли наши арлекины.

Старинныя артуа были мраморной масти, современныя же артуа совершенно утратили не только мраморную масть, но даже и наружныя формы старинныхъ собакъ отъ большой къ нимъ примѣси англійскихъ собакъ.

Арлекины, существующіе теперь у насъ, сохранили въ себѣ всѣ формы и окрасъ псовины старин-

ныхъ артуа, но получили новую отличительную черту: это — разноглазость. По-моему, эта черта есть прямой признакъ вырожденія породы, такъ какъ старинныя артуа не обладали имъ и, напротивъ, отличались очень красивыми глазами. Разноглазость родственна подопрѣлости глазъ и альбинизму, а эти два послѣднія явленія суть прямые признаки вырожденія породы, въ которой они замѣчаются. Но при описаніи современныхъ арлекиновъ я все-таки буду держаться этого признака, такъ какъ онъ, если можно такъ выразиться, получилъ уже права гражданства. Описаніе арлекиновъ слѣдующее:

Голова средней величины, съ развитымъ соколкомъ, безъ морщинъ, брылей или подбрудка, вообще сухая; лобъ нѣсколько выпуклый; чутье курносое; уши низко поставлены, тонкія, но плоскія и небольшія; глаза, какъ уже сказано, разноцвѣтные, или съ бѣлыми пятнами, или подопрѣлые.

Шея средней длины, довольно тонкая.

Грудь хорошо развитая, но не отличается шириной.

Ребро хорошее, нѣсколько плосковатое, но спущено низко.

Паха средней величины.

Спина широкая, мускулистая, съ легкой напружиной, особенно у выжлецовъ.

Ноги превосходныя во всѣхъ отношеніяхъ; заднія съ нѣсколько согнутымъ пазанкомъ, но безъ коровины.

Лапа круглая, сухая, но вообще собаки не лаписты.

Гонъ довольно длинный, съ подвѣсомъ, на

поискѣ собака часто завертываетъ его кольцомъ на спину.

Псовина гладкая по всему тѣлу, безъ загривка, безъ подшерстка и глянцовитая.

Масть ровная сѣро-мраморная съ муругими отмѣтинами, подпалины желтаго цвѣта и очки, иногда бываютъ и красно-кирпичныя подпалины.

Ростъ довольно крупный, около 15 вершковъ.

Общій видъ легкій, собака, такъ сказать, элегантная и красивая.

Манера гонять и характеръ. Собаки очень вѣжливы, послушны, довольно азартны; голоса яркіе и вообще тонкіе, но съ хорошимъ заливомъ; хорошо гонятъ зайца и волка, но лисицу не любятъ; пораты, довольно нестомчивы, полазисты, но не очень вязки.

Гончія брудастыя.

Этихъ собакъ въ настоящее время въ чистомъ ихъ видѣ, вѣроятно, нѣтъ, ибо я ни отъ кого о нихъ не слыхалъ и самъ ихъ нигдѣ не встрѣчалъ. Въ нѣкоторыхъ собакахъ другихъ нашихъ гончихъ породъ попадаются экземпляры съ очень развитыми бровями и клочками щетинистой торчащей шерсти на мордѣ, но это лишь признакъ того, что когда-то у такихъ собакъ были предки изъ собакъ брудастыхъ, и болѣе ничего. Вслѣдствіе вышесказаннаго я породы этой описывать и не стану.

Англо-русскія гончія.

Подъ этимъ именемъ у насъ въ Россіи слывутъ разныя помѣси, есть англо-русскія, англо-костромскія, англо-польскія, англо-арлекины и такъ далѣе. Всѣ эти помѣси въ Россіи утвердились и развели много пѣгихъ собакъ. Описывать каждую изъ помѣсей невозможно, потому что ихъ безконечное число; однѣ изъ нихъ были сдѣланы очень давно и большею частью съ стагъ-гоундами, другія въ послѣднее время и большею частью съ современными фоксъ-гоундами. Всѣ эти помѣси придали своимъ потомкамъ болѣе скаковую мускулатуру, измѣнили форму головы, постановъ ушей, спускъ реберъ, положеніе плеча и окрасъ масти; придали большую поратость и болѣе элегантный видъ, но, къ сожалѣнію, во многомъ существенномъ напортили такъ: испортили голосъ, полазистость и чутье — главныя качества хорошей гончей собаки.

Кромѣ того большею частью эти помѣси велись и дѣлались безъ всякой системы, а главное въ производители большею частью поступалъ бракъ изъ англійскихъ стай. Наши охотники или по незнанію, или жалѣя большихъ денегъ, такъ какъ за хорошую собаку въ Англіи надо заплатить очень дорого, покупали этотъ бракъ и портили имъ свои стаи. У тѣхъ охотниковъ, гдѣ дѣло это велось раціонально, хотя и получалась помѣсь, нѣсколько утратившая свои гончія качества, но все-таки получалось нѣчто хорошее въ своемъ родѣ.

Зато у тѣхъ, которые пускали въ свои стаи первую попавшуюся пѣгую гончую, привезенную изъ-за границы подъ названіемъ настоящаго фоксъ-гоунда, получалось потомство никуда не годное.

Примѣсь англійской крови даетъ большую поратость не въ гоньбѣ, а въ поимкѣ звѣря (чѣмъ и увлеклись многіе наши охотники), но въ ущербъ многимъ качествамъ гончей собаки вообще.

Въ настоящемъ мѣстѣ я не стану болѣе распространяться объ этомъ предметѣ, такъ какъ высказалъ объ немъ все, что могъ сказать, въ одной изъ предыдущихъ главъ.

Этимъ я и закончу описаніе гончихъ собакъ, существующихъ въ Россіи въ настоящее время.

Что же касается моего личнаго взгляда на все это, то читатель его сейчасъ узнаетъ, если дастъ себѣ трудъ прочитать конецъ настоящей главы.

Лично я предпочитаю нашу русскую гончую породу всякой другой, но не современную русскую собаку, а ту собаку, которую я старался показать при описаніи старинной нашей породы гончихъ.

Наши любители русскихъ породистыхъ гончихъ могутъ воспроизвести ее легко, я вполнѣ въ этомъ убѣжденъ. Придайте нашей современной русской породѣ гончихъ собакъ больше легкости и большій ростъ съ болѣе породнымъ видомъ, и идеалъ будетъ почти достигнутъ. Такая собака будетъ превосходна во всѣхъ отношеніяхъ и, конечно, превзойдетъ всѣхъ прочихъ. Достигнуть же этого можно, только улучшая породу самоё въ себѣ, тщательнымъ подборомъ производителей и питательной выкормкой ихъ потомства. Сначала, по-моему,

слѣдуетъ заняться увеличеніемъ роста, а достигнуть этого можно, пуская въ породу лишь самыхъ крупныхъ выжловокъ, выкармливая отъ нихъ въ теченіе двухъ, трехъ поколѣній только выжловокъ и оставляя изъ нихъ опять-таки самыхъ крупныхъ. Увеличивши такимъ образомъ ростъ, можно будетъ уже дѣлать строгій выборъ по статямъ и ихъ нравственнымъ качествамъ. Дѣло это можно также начать и со статей и нравственныхъ качествъ и потомъ уже заняться увеличеніемъ роста; но это должно указать состояніе стаи, т.-е. къ какому типу стая больше подходитъ, и съ чего будетъ легче начать.

Въ настоящемъ сочиненіи я, кажется, достаточно ясно обрисовалъ типъ старинной русской гончей, и всякому охотнику легко будетъ составить въ своемъ воображеніи, чего я хочу добиться.

Въ современной русской гончей собакѣ еще много, какъ я уже сказалъ, примѣсей другихъ породъ гончихъ, а преимущественно крови лаекъ отъ костромскихъ собакъ, крови польскихъ гончихъ и англійскихъ. Поэтому выводителю чистой породы русскихъ гончихъ нужно усвоить себѣ особенно ясно, въ чемъ заключаются признаки этихъ постороннихъ породъ, чтобы по возможности удачнѣе и скорѣе удалить ихъ изъ своей стаи.

Въ концѣ этой главы я выскажу только свое искреннее пожеланіе, чтобъ дѣло усовершенствованія русскихъ гончихъ, какихъ бы то ни было, велось осмотрительно не торопясь, безъ примѣси крови иностранныхъ собакъ, и стало бы на твердую почву по части ясныхъ понятій о типѣ каждой изъ породъ.

Въ послѣднихъ двухъ главахъ я приложилъ описаніе выкормки, пріѣздки и наѣздки гончихъ; сдѣлалъ я это въ виду чувствующагося недостатка въ хорошихъ ловчихъ и доѣзжачихъ. Въ настоящее время не достаточно приказать доѣзжачему приготовить стаю, а нужно самому знать, какъ это дѣлается, чтобъ провѣрить доѣзжачаго и указать ему, что и какъ дѣлать. Изъ своей практики страстнаго бывшаго псоваго охотника я убѣдился, что это необходимо и увѣренъ, что молодые, начинающіе охотники будутъ мнѣ благодарны за это.

Когда доѣзжачій замѣтитъ, что баринъ самъ смыслитъ въ дѣлѣ, то понятно, что онъ будетъ вести себя совершенно иначе, чѣмъ если бъ баринъ ничего не понималъ, а вполнѣ бы довѣрялъ ему. Для доѣзжачаго же начинающаго и хотящаго усовершенствоваться въ своемъ дѣлѣ эти послѣднія главы могутъ служить какъ руководство.

ГЛАВА XIII.

Я здѣсь не стану писать о вещахъ давно извѣстныхъ, какъ подборъ производителей, — объ немъ уже достаточно сказано въ этомъ изслѣдованіи, — а начну прямо съ ухода за щенной выжловкой.

Уходъ за щенными выжловками.

Щенную собаку на третьей недѣлѣ беременности слѣдуетъ выпустить съ псарнаго двора и держать на полной свободѣ, отнюдь не употребляя для

гоньбы. Такъ какъ это обыкновенно случается въ концѣ зимы, то собака никуда далеко уйти не можетъ и не можетъ также набаловаться; она будетъ держаться около псарни. Кормить всѣхъ щенныхъ собакъ слѣдуетъ отдѣльно отъ стаи и давать имъ кормъ особенно питательный, чтобъ щенки вышли крѣпкими и здоровыми, но при этомъ надо наблюдать, чтобъ собаки не очень зажирѣли, — это можетъ повредить при родахъ; впрочемъ, щенная сука жирѣетъ рѣдко.

Посуда, въ которой дается кормъ, должна быть содержима очень чисто: всякая кислота причиняетъ разстройство желудка, что вредитъ щенкамъ. Лучшій въ это время кормъ хорошее сырое мясо фунтовъ по шести на суку въ день, при хорошей чистой водѣ, которая должна постоянно находиться въ полномъ распоряженіи собакъ. При невозможности достать хорошаго мяса можно давать сытную овсянку съ наваромъ; во всякомъ случаѣ, мясной кормъ долженъ преобладать. Кромѣ того слѣдуетъ наблюдать, чтобъ суки не обжирались вдругъ, а кормить раза три въ день, давая понемногу.

Когда наступитъ время щениться, собакамъ, каждой отдѣльно, устраивается особое помѣщеніе вдали отъ другихъ собакъ и по возможности такъ, чтобъ мимо нея поменьше ходило людей. Къ сукѣ, которая щенится входить не слѣдуетъ, пока она не кончитъ, но наблюдать за ней необходимо, такъ чтобъ она этого не замѣчала. Дѣлается это для того, что нѣкоторыя собаки щенятся трудно и имъ слѣдуетъ помочь въ этомъ, нѣкоторыя же съѣдаютъ своихъ щенятъ, чего также не надо допускать. Но дѣлать

все это должень непремѣнно человѣкъ, котораго собака хорошо знаетъ, любитъ и не боится; иначе она лишь будетъ волноваться, что весьма вредно въ это время. Помѣщеніе, гдѣ сука щенится, не должно быть очень теплымъ, но не должно это происходить и на морозѣ; гончія не привыкали къ теплому, комнатному помѣщенію. Не должна также сука щениться на кучѣ соломы, а лучше, если ей будетъ подостланъ толстый войлокъ съ возвышенными краями, такъ чтобъ на нее не дуло; но постель эта должна быть достаточно просторна и непремѣнно на полу. Вода около суки ставится свѣжая въ какой-нибудь чашкѣ и какъ можно ближе; во время щененія многія суки часто пьютъ, но такъ какъ имъ вставать въ это время трудно, то вода и должна стоять по близости. Какъ только сука ощенится, ей надо дать полный покой часа на три, пока она вполнѣ придетъ въ себя и отдохнетъ. По прошествіи этого времени къ ней можетъ войти человѣкъ, которому она вполнѣ довѣряетъ, перемѣнить ей воду и, если нужно, почистить около нея, иногда перемѣнить постель и осторожно переложить вмѣстѣ со щенками на сухую подстилку. Часовъ черезъ пять или шесть собакѣ можно дать поѣсть чистаго бульону или кипяченаго и остуженаго молока, отнюдь не кислаго. На другой же день слѣдуетъ давать обильный мясной кормъ, но опять-таки наблюдать полнѣйшую чистоту посуды, чтобъ не было и признака какой бы то ни было кислоты; наблюдать это слѣдуетъ все время кормленія щенятъ. Я совѣтую имѣть для этого для каждой суки отдѣльную глиняную обливную чашку или лоханку,

которую выпаривать кипяткомъ послѣ каждой кормежки; кормъ никогда не долженъ оставляться въ помѣщеніи, а какъ только сука наѣлась, то уносить, и всегда давать свѣжій. Кормить щенную суку или уже кормящую щенковъ слѣдуетъ раза три въ день, давая ей всякій разъ наѣдаться вдоволь, но не обжираться.

По прошествіи двухъ или трехъ дней, суку вмѣстѣ съ щенками нужно устроить такъ, чтобъ она могла свободно выходить на дворъ; къ этому же времени надо перемѣнить и логовище; если погода стоитъ еще холодная, то логовище обставляютъ досками вершка три или четыре вышиной и стелютъ мягко перемятой чистой соломой, которую смѣняютъ каждый день; если же погода теплая, то лучше стлать на логово чистый войлокъ, который каждый день вытряхаютъ и чистятъ, чтобъ не завелись блохи. Вообще большинство сукъ очень заботливы насчетъ чистоты своихъ щенятъ и логова. Хорошая заботливая мать аккуратно вычищаетъ своихъ щенятъ и съѣдаетъ всѣ ихъ испражненія, такъ что щенки у нея круглы, какъ огурчики, и лоснятся отъ чистоты шерсти. У плохой же матери щенки дѣлаются матовыми и у нихъ попадаются блохи; въ такомъ случаѣ слѣдуетъ этому помочь: каждый день, утромъ и вечеромъ, брать осторожно каждаго щенка лѣвой рукой подъ животъ, а правой полегоньку вычесывать мягкой щеткой, выбирая блохъ, и, вычесавъ, снова класть подъ суку, но щенки отъ такой незаботливой матери никогда не булутъ хороши и крѣпки. Есть нѣкоторыя суки, особенно при первыхъ щенкахъ, не умѣющія ло-

житься съ ними и постоянно ложащіяся на щенятъ; въ этихъ случаяхъ надо имѣть частый надзоръ, чтобъ она какъ нибудь не задавила ихъ; при первомъ пискѣ, надо сейчасъ же войти и освободить щенка изъ-подъ матери, положивъ ее и щенятъ какъ слѣдуетъ. Современемъ сука привыкнетъ и будетъ ложиться осторожнѣе.

Выборъ щенятъ и уходъ за ними.

Когда щенкамъ минетъ дня три, то можно заняться выборомъ тѣхъ, которыхъ желаютъ оставить. Ранѣе этого можно уничтожить всѣхъ уродцевъ, что можно сдѣлать тотчасъ же, какъ сука ощенится. Изъ щенковъ же здоровыхъ подъ сукой не слѣдуетъ оставлять болѣе четырехъ; если же желательно оставить всѣхъ, то нужно найти кормилицу, подъ которую опять-таки не нужно класть болѣе четырехъ щенятъ. При выборѣ кормилицы необходимо соблюсти слѣдующія предосторожности: чтобъ молоко у нея не было бы слишкомъ старо и по возможности одинаково, по времени, съ новоощенившейся сукой, и чтобъ кормилица была бы добрая и привѣтливая собака, заботливая къ щенкамъ. Когда къ ней будутъ подкладывать щенятъ, то надо ихъ первоначально немного помазать обыкновеннымъ коровьимъ масломъ, чтобъ кормилица ихъ облизала, и пробыть съ ней нѣкоторое время, пока не будетъ замѣтно, что она ихъ приняла и спокойно дозволяетъ имъ сосать; иначе сука чужихъ ей щенковъ можетъ покусать или бросить ихъ на произволъ судьбы. Есть нѣкоторыя

суки, принимающія чужихъ щенковъ охотно, но есть и такія, съ которыми приходится сначала много возиться, пока она не привыкнетъ къ своему положенію.

При выборѣ же щенковъ не надо слушать всѣ тѣ басни, — разсказываемыя обыкновенно — будто тутъ вліяютъ разные волоски подъ горломъ, рубчики на нёбѣ и такъ далѣе, а тѣмъ болѣе не надо щенятъ подвергать разнымъ опытамъ, какъ-то: подниманіе за хвостъ, за переднія или заднія ноги, и тому подобное. Если порода совершенно установившаяся, то можно вполнѣ увѣренно выбрать хорошихъ щенковъ по масти, зная, какихъ оттѣнковъ были хорошія собаки. Кромѣ того желательно, чтобъ остались лишь самые сильные и здоровые изъ щенятъ; для этого лучшимъ способомъ будетъ наблюденіе за щенками подъ матерью въ теченіе нѣсколькихъ дней. Сильные и здоровые всегда будутъ на верху, они сосутъ съ остервенѣніемъ и отбиваютъ и отталкиваютъ болѣе слабыхъ. Это послѣднее наблюденіе надо дѣлать, пока щенки еще всѣ подъ матерью, и тогда, отобравъ изъ нихъ лучшихъ, оставить подъ матерью, а остальныхъ подложить подъ кормилицу.

Можетъ случиться, что нѣкоторые, а иногда и всѣ щенки начинаютъ пищать; это вѣрный признакъ, что у нихъ болятъ животы; въ такомъ случаѣ лучшее средство дать сукѣ порцію кастороваго масла, но щенкамъ отнюдь ничего не давать, ибо болѣзнь ихъ происходитъ не сама по себѣ, а вслѣдствіе испорченности молока у суки, оттого что она могла съѣсть что-нибудь вред-

ное для щенковъ, а слабительное очищаетъ молоко и щенки снова будутъ здоровы. Во все время кормленія кормъ суки, долженъ быть какъ можно питательнѣе и вкуснѣе, а пойло обильно.

До трехнедѣльнаго возраста щенкамъ кромѣ молока матери ничего не нужно; послѣ же трехъ недѣль ихъ уже нужно подкармливать раза два въ день хорошимъ чистымъ бульономъ. Для этого бульонъ приносятъ въ мелкой тарелкѣ или блюдцѣ и осторожно пріучаютъ къ нему щенятъ, обмакивая имъ мордочки въ бульонъ; они со второго разу уже начнутъ лакать его съ жадностью. Когда щенкамъ минетъ мѣсяцъ, то слѣдуетъ подкармливать ихъ тѣмъ же бульономъ, въ который кладутъ мелко-мелко изрубленную сырую говядину; я говорю говядину, а не конину; говядины этой надо давать не болѣе какъ съ грецкій орѣхъ на каждаго щенка, каждый разъ.

Отнимать щенятъ отъ суки надо какъ можно позже, развѣ они уже очень ее подсосутъ, но чѣмъ позже, тѣмъ лучше. Вообще, начиная съ пятинедѣльнаго возраста щенятъ уже можно кормить такъ, чтобъ они могли обойтись безъ молока матери, которая и оставляется при нихъ по возможности только для надзора и руководства. Иныя суки въ это время страшно наѣдаются и отрыгиваютъ щенкамъ полупереваренную пищу, сзывая ихъ для этого особеннымъ пискомъ; этому никогда не слѣдуетъ препятствовать, такъ какъ оно въ природѣ вещей и щенкамъ весьма полезно.

Послѣ пяти недѣль кормъ для щенятъ по возможности долженъ состоять изъ сырого мяса, при-

близительно фунтъ въ день на щенка, но при этомъ долженъ сказать, что не надо щенкамъ давать кормъ этотъ болѣе двухъ разъ въ день: $^1/_2$ фунта рано утромъ и $^1/_2$ фунта вечеромъ. Дача должна увеличиваться по мѣрѣ возраста щенятъ до трехъ мѣсяцевъ. Послѣ этого до шести мѣсяцевъ щенкамъ дается обыкновенный кормъ, овсянка съ наваромъ, куда кладется изрубленное мясо безъкостей въ наибольшемъ количествѣ и, если есть, то сырая свѣжая кровь. При вареномъ кормѣ щенятъ кормятъ три, четыре раза въ день; кормъ никогда не оставляется у щенятъ въ надеждѣ, что они его доѣдятъ; это ихъ пріучаетъ ѣсть безъ жадности, а только лизать кормъ; какъ только они отошли отъ корыта, его нужно сейчасъ же убрать. Посуду лучше употреблять обливную глиняную, а не деревянную, въ которой заводится кислота, а отъ нея глисты и боль желудка и кишекъ съ поносомъ. Я уже не говорю, что чистота посуды и помѣщенія должна быть примѣрная.

Когда сука начнетъ уже оставлять своихъ щенятъ и не такъ заботиться о нихъ, то подъ мышками и на животѣ у нихъ появляются вши; этихъ паразитовъ легко уничтожить, намазавъ эти мѣста масломъ лучше коноплянымъ. Вообще въ это время щенятъ полезно мыть осторожно мыломъ въ теплой водѣ. Въ холодную погоду надо дѣлать это въ избѣ, гдѣ и оставлять ихъ на ночь, чтобъ хорошенько обохли и не простудились. Лѣтомъ же это можно дѣлать на дворѣ, но въ самую теплую пору дня и на солнцѣ. Ванны эти можно дѣлать разъ въ двѣ недѣли; кромѣ того каждый день утромъ и вече-

ромъ надо щенятъ вычесывать щеткой, а на логово постилать полынь, отъ которой пропадаютъ блохи.

До семи-, восьмимѣсячнаго возраста щенкамъ должна быть предоставлена полная свобода, но съ бдительнымъ надзоромъ; чтобъ не метались на птицу, скотину и людей. Жестоко бить ихъ за это не слѣдуетъ, а только наказывать въ мѣру прутомъ или розгой, но послѣ тотчасъ же приласкать; щенокъ очень скоро пойметъ, что̀ можно и что̀ нельзя, и станетъ вести себя осторожнѣе.

Я всегда предпочиталъ выкармливать щенятъ сырымъ мясомъ и кровью, потому что убѣдился, что выкормленныя такимъ образомъ собаки переносятъ чуму почти незамѣтно, такъ какъ онѣ сильнѣе и накопляютъ въ себѣ большій запасъ жизненной силы, способной противостать болѣзни. При выкармливаніи же исключительно растительной пищей и молокомъ собаки гораздо апатичнѣе и чуму переносятъ весьма трудно, часто со смертельнымъ исходомъ. У щенковъ, выросшихъ на мясѣ, чума проявляется обыкновенно въ легкомъ общемъ недомоганіи, а при другомъ кормѣ, напротивъ, большею частью является кашель, нагноеніе глазъ, теченіе изъ носа и разстройство желудка, а всякій собаководъ хорошо знаетъ какія страшныя опустошенія чума производитъ обыкновенно между щенками и часто между собаками уже взрослыми. Пользу мясного корма я неоднократно испыталъ на своихъ собакахъ. Кормленные и содержанные указаннымъ мною способомъ щенки будутъ всегда веселы, здоровы, правильно развиты и крѣпки.

Днемъ щенки должны быть на свободѣ, но на

ночь ихъ надо запирать въ особое для этого помѣщеніе съ небольшимъ дворомъ, куда бы они могли ночью выходить испражняться, чтобъ пріучить ихъ дѣлать это на дворѣ, а не на своей постели.

Помѣщеніе какъ для сукъ со щенками, такъ и для малолѣтнихъ щенятъ надо всегда устраивать на одномъ уровнѣ съ землей, чтобы они могли свободно выходить и входить и чтобъ имъ не пришлось лазить черезъ порогъ. Въ случаѣ если этого нельзя устроить, то отъ двери дѣлается широкій мостокъ во всю ея ширину, такъ чтобъ щенки понемъ могли выходить и не падать.

Я закончу эту статью общимъ совѣтомъ, касающимся выкормки собакъ: первое, что слѣдуетъ наблюсти, это — дача обильнаго и всегда свѣжеприготовленнаго корма, и второе — не давать слишкомъ много обжираться вдругъ, такъ чтобъ щенки большею частью лежали или спали. Для развлеченія даже полезно давать имъ небольшія мягкія косточки или какія-нибудь игрушки въ видѣ тряпокъ или кусковъ кожи, старыхъ ремней и тому подобнаго. Играя, шенки будутъ всегда въ движеніи, будутъ бѣгать и гоняться другъ за другомъ; иногда и подерутся изъ-за чего-нибудь, но драки эти конечно ничѣмъ серіознымъ кончиться не могутъ и лишь веселятъ сердце охотника. Нѣтъ ничего смѣшнѣе, когда два бутуза изъ за-чего-нибудь поссорятся и у нихъ начинается потасовка, тотчасъ же переходящая въ игру. Когда собаки подростутъ, эти драки слѣдуетъ прекращать, особенно если онѣ возникаютъ при кормѣ, но для малышей

это только полезный моціонъ, не представляющій опасности.

Пріѣздка.

Первые уроки пріѣздки начинаются со щенками недѣль шести или восьми и состоятъ въ пріученіи ихъ къ послушанію. Когда кормъ для нихъ приготовленъ, охотникъ садится у корыта и прутикомъ тихонько отгоняетъ щенковъ, приговаривая: «стоять, гончія, стоять!» Повторять это слѣдуетъ при всякой кормежкѣ; непослушныхъ щенковъ, сующихся къ корму, слегка ударяютъ прутикомъ или пальцемъ по мордочкѣ, приговаривая слово «стоять» нѣсколько громче и внушительнѣе, но больно бить при этомъ никогда не надо. Щенки очень скоро привыкнутъ къ этому и терпѣливо будутъ сидѣть въ кучѣ, дожидаясь завѣтнаго слова «дбруцъ!» и посвистыванія человѣка. Когда будетъ достигнуто это первое послушаніе, надо добиться того, чтобъ щенки по слову «стой!» отходили отъ корыта и не начинали бы ѣсть безъ позволенія; это достигается тѣмъ же путемъ, но опять-таки безъ битья; вообще чѣмъ съ ними обращаться мягче, тѣмъ лучше. Иногда и приходится наказать щенка, но дѣлать это надо всегда безъ сердца, а главное нужны настойчивость и хладнокровіе; съ этими средствами можно добиться всего гораздо скорѣе, чѣмъ наказаніями и битьемъ. По тому, какъ щенки относятся къ человѣку, присматривающему за ними, можно всегда замѣтить: бьетъ онъ ихъ, или нѣтъ; забитый щенокъ, при входѣ своего врага, сломя голову бросается прочь отъ него, часто съ визгомъ.

Когда все вышесказанное уже усвоено щенками, можно понемногу пріучать ихъ къ рогу, трубя при каждой кормежкѣ позывъ; хорошо сзывать еще щенковъ, когда, они на волѣ, рогомъ и давать прибѣжавшимъ прикормку, — это ихъ сдѣлаетъ позывистыми. Къ шести мѣсяцамъ щенокъ уже твердо долженъ знать и стойку и позывъ.

Сначала щенки будутъ бояться рога, поэтому трубить нужно не долго, но чѣмъ чаще въ теченіе дня, тѣмъ лучше; вскорѣ они такъ привыкнутъ къ этому, что гдѣ бы ни находились, будутъ являться по первому звуку позыва.

Около шести мѣсяцевъ ихъ должно пріучать къ смычкамъ; для этого на нихъ надѣваютъ сначала на каждаго ошейники изъ простыхъ веревокъ; сначала они будутъ стараться снять ихъ, но черезъ нѣсколько часовъ уже привыкнутъ къ нимъ и не будутъ на нихъ обращать вниманія. Когда это будетъ достигнуто, то надѣваютъ уже настоящіе смычки, но еще не водятъ на нихъ, а только смыкаютъ попарно на дворѣ и оставляютъ ихъ въ нихъ на дворѣ же на свободѣ. Человѣку ихъ въ это время оставлять не слѣдуетъ, а быть при нихъ, все время разговаривая съ ними, лаская ихъ и давая прикормку; все это должно происходить натощакъ. Когда собаки немного поуспокоятся, то можно прохаживаться съ ними по двору, давая прикормку, чтобъ онѣ забыли о смычкахъ, а лѣзли бы къ человѣку. Урокъ этотъ долженъ повторяться каждый день, первый разъ очень недолго, а затѣмъ все дольше и дольше. Дня въ три, много пять, собаки будутъ хорошо ходить на смычкахъ. Но, повторяю

тутъ то же самое, все это надо дѣлать мягко, безъ крика и побоевъ, чтобъ не запугать щенковъ. Запугать собаку легко, а отъ этого отучить трудно и даже очень.

ГЛАВА XIV.

Наѣздка.

Когда молодыя собаки будутъ твердо знать все предыдущее и имъ минетъ около восьми мѣсяцевъ, то ихъ присоединяютъ на общемъ дворѣ къ старымъ гончимъ, съ которыми онѣ уже и остаются и поступаютъ въ наѣздку.

Кормить ихъ уже надо наравнѣ съ старыми собаками, но такъ какъ изъ нихъ нѣкоторыя по неопытности и робости, будутъ ѣсть не такъ жадно, то такихъ нужно еще подкармливать отдѣльно, чтобъ не похудали и не ослабли. Робость эта скоро у нихъ проходитъ и онѣ начинаютъ ѣсть наравнѣ съ прочими. Во время же кормежки необходимо между старыми и молодыми собаками наблюдать полную тишину и за всякую драку наказывать, но не больно, и даже лучше дѣйствовать крикомъ, а не арапникомъ; скоро собаки привыкнутъ другъ къ другу и будутъ жить мирно.

Обыкновенно молодыхъ собакъ присоединяютъ къ старымъ въ началѣ зимы, когда ѣзда кончена, и оставляютъ съ ними всю зиму, а въ апрѣлѣ всѣхъ вмѣстѣ начинаютъ наѣзжать. Въ теченіе зимы при всякой кормежкѣ зовутъ въ рогъ, заставляютъ со-

бакъ дѣлать стойку передъ корытомъ, оставлять кормъ по слову: «стой, гончія!» и вообще пріѣзжать ихъ, какъ старыхъ, такъ и молодыхъ, вмѣстѣ, но все это безъ побоевъ и съ одной настойчивостью и постоянной практикой. Когда солнышко начнетъ пригрѣвать и снѣгъ почти сойдетъ, молодыхъ гончихъ вмѣстѣ со старыми выводятъ гулять. Для этого перемыкаютъ старыхъ съ молодыми, выжловокъ съ выжлецами, и доѣзжачій выводитъ ихъ на улицу, предварительно походивъ съ ними по двору. Сначачала собакъ водятъ пѣшкомъ около часу въ день; когда онѣ начнутъ ходить совершенно покойно, слушаться голоса доѣзжачаго и не отбѣгать отъ него въ стороны, можно начать пріучать ихъ къ лошади. Для этого выбирается лошадь смирная, хорошо знающая гончихъ; при покупкѣ новой лошади, еще не бывавшей подъ гончими, совѣтую ее помѣстить на томъ же дворѣ, гдѣ содержатся собаки, устроивъ ей стойло такимъ образомъ, чтобъ она постоянно видѣла собакъ, могла бы ихъ нюхать, но чтобъ собаки не могли бы попасть ей подъ ноги и забраться въ ея помѣщеніе. Вообще хорошія подъ доѣзжачаго и выжлятниковъ лошади должны позволять гончимъ тыкаться въ заднія ноги, становиться передними лапами на сѣдло и нюхать и лизать себя въ морду; такая лошадь никогда не ударитъ, не укуситъ и не напугаетъ собакъ; такую-то лошадь и надо имѣть при молодыхъ собакахъ. Обласкáвъ и подсвиставъ къ себѣ стаю, доѣзжачій осторожно садится на сѣдло и шагомъ ѣдетъ по дорогамъ, ободряя молодыхъ собакъ голосомъ и называя ихъ по именамъ то ту,

то другую. Выжлятники ѣдутъ сзади стаи, не позволяя собакамъ отбѣгать въ стороны или оставаться назади, а чтобъ текли за доѣзжачимъ въ кучѣ; когда молодыя собаки перемкнуты со старыми, то дня черезъ три, четыре при каждодневныхъ наѣздкахъ онѣ очень скоро поймутъ, въ чемъ дѣло и будутъ ходить, какъ старыя Въ томъ же случаѣ, когда наѣздка дѣлается съ однѣми молодыми, то дѣло не можетъ итти такъ скоро, и нужно сдѣлать проѣздокъ двадцать, пока собаки совершенно освоятся съ этимъ дѣломъ. Когда стая начнетъ хорошо ходить за лошадью можно ѣздить съ ними рысью и галопомъ но не дозволяя вырываться впередъ лошади, а опять-таки держа всю стаю въ кучѣ за задними ногами лошади доѣзжачаго. Въ это же время надо ихъ пріучать къ домашней скотинѣ, особенно къ мелкой, какъ овцы и свиньи; для этого доѣзжачій долженъ съ сомкнутой стаей ѣздить около стада, стараться возвращаться домой съ проѣздки по той самой улицѣ, по которой гонится мелкій скотъ, и ѣхать вмѣстѣ съ нимъ, чтобъ собаки видѣли овецъ и свиней около себя и привыкли бы смотрѣть на нихъ совершенно хладнокровно и безразлично.

Не совѣтую весной, особенно съ молодыми собаками, ѣздить безъ смычковъ, какъ бы онѣ послушны ни были; это лучше начать дѣлать осенью, когда стая уже нѣсколько поутомилась отъ частыхъ охотъ и ко всему привыкла, и то можно это дѣлать не при выѣздѣ изъ дома, а при возвращеніи домой, послѣ цѣлаго дня гоньбы. Съ моей стороны я никогда не дозволялъ ѣздить съ разомкнутой стаей,

развѣ при переѣздахъ изъ острова въ островъ, а всегда держалъ ее сомкнутою; на гончихъ надѣяться вполнѣ никогда нельзя: вздумается одной какой-нибудь совершенно зря тявкнуть и броситься, чтобъ всѣ уже бросились за ней. И непріятность наживешь, и стаю испортишь навсегда, а съ сомкнутой стаей и людямъ и хозяину гораздо покойнѣе.

Когда стая окончательно пріѣзжена, что должно быть готово къ половинѣ апрѣля, когда листъ на деревьяхъ распустится и трава подрастетъ, гончихъ начинаютъ наѣзжать на зайцевъ. Наѣзжать слѣдуетъ по возможности въ большихъ лѣсахъ, гдѣ много бѣляковъ, которые самый трудный для гоньбы звѣрь и лучше другихъ изощряетъ у гончихъ чутье и смѣтку. Наѣздка эта производится рано по утрамъ, когда роса уже обсохла, но еще прохладно. Собакъ въ это время никогда не надо переутомлять, и какъ только будетъ замѣтно, что онѣ немного устали, ихъ надо вызвать, сомкнуть и ѣхать домой. При наѣздкѣ гончихъ учить не чему, гоняютъ онѣ по природѣ, и дѣло доѣзжачаго, — не лѣниться съ ними ѣздить каждый день, сначала въ теченіе часа, а потомъ постепенно прибавляя, доведши часовъ до пяти въ день. Предоставляя молодыхъ собакъ самимъ себѣ, нужно только наблюдать за тѣмъ, чтобъ онѣ не пріобрѣли дурныхъ привычекъ, какъ-то: гонять въ отбой, перечить, врать, валиться на гоньбу съ голосомъ, молча подлавливать зайцевъ и т. д.; за все это, ихъ надо строго наказывать, но не доѣзжачему, а выжлятникамъ. Точно такъ же собаку, которая долго не ва-

лится къ рогу, слѣдуетъ выжлятнику наказать арапникомъ, а доѣзжачему, когда подвалится, напротивъ, приласкать и дать прикормку. Доѣзжачій пускаетъ въ дѣло свой арапникъ только въ томъ случаѣ, когда собаки идутъ впередъ его лошади, но и тутъ онъ не долженъ бить больно, а только осадить собаку.

Въ теченіе лѣта собаки при обиліи бѣляковъ нагоняются очень скоро: тутъ все дѣло въ практикѣ, гончую учить нечему.

Чтобъ стая привыкла къ гоньбѣ волковъ, можно въ какомъ-нибудь большомъ островѣ въ началѣ іюня дать имъ сгонять и передушить волчатъ; но никогда не надо молодыхъ собакъ съ перваго дня поѣздки насаживать на выводокъ волковъ; такъ какъ тутъ гоньба легкая, то собаки съ разу привыкнутъ къ ней и будутъ гонять плохо и неохотно зайцевъ. Стая же, испытанная на бѣлякахъ, вѣрнѣе и лучше гонитъ потомъ всякаго звѣря, а особенно краснаго, такъ какъ это для нея уже становится дѣломъ много болѣе легкимъ.

При аккуратной, настойчивой нагонкѣ, молодыя собаки къ осени нисколько не будутъ отставать отъ старыхъ.

Болѣе этого я о наѣздкѣ говорить не стану, хотя сказалъ очень мало и лишь самое существенное. Объ этомъ если захотѣть, то можно написать очень много, ибо во время наѣздки могутъ быть такіе случаи и особенности, которыхъ даже предвидѣть нельзя; однимъ словомъ, тутъ нужно многое усвоить себѣ практикой и смекалкой, а всего не напишешь. Кромѣ того, остальное уже отно-

сится собственно къ охотѣ и прекрасно изложено у такихъ писателей, какъ Мачеваріановъ: «Записки псоваго охотника Симбирской губерніи»; Губинъ: «Псовая охота»; Дріянскій: «Записки Мелкотравчатаго» и т. д. Къ нимъ я и отсылаю желающихъ, познакомиться съ этимъ предметомъ ближе.

Дрессировка подружейныхъ гончихъ собакъ.

Для ружейной охоты употребляется собака тяжелая, пѣшая; чѣмъ она пѣшѣе, тѣмъ стрѣльба изъ-подъ нея легче и прибыльнѣе, такъ какъ всякій звѣрь подъ ней идетъ тихо и дѣлаетъ кругъ въ нѣсколько разъ менѣе, чѣмъ подъ поратыми гончими.

Главное качество ружейной гончей, это вязкость. При псовой охотѣ гончимъ не дозволено преслѣдовать звѣря, разъ онъ пошелъ полями, за это ее наказываютъ и заставляютъ, бросивъ слѣдъ, возвратиться въ островъ. Для ружейной охоты, напротивъ, собака должна преслѣдовать и продолжать гнать звѣря повсюду, будь, то лѣсъ или поле, безразлично. При этой охотѣ вся суть: заставить звѣря сдѣлать кругъ и подвести его подъ выстрѣлъ. Для ружейной охоты гончихъ надо дрессировать гораздо меньше, чѣмъ для псовой охоты. Разъ гончая довольно позывиста къ рогу, не мечется на скатъ, гонитъ вѣрно, полазиста, а главное, вязка на слѣду, отъ нея требовать болѣе нечего.

Нѣкоторые ружейные охотники держатъ большія стаи, но это уже просто любители гончихъ собакъ; охотиться же можно отлично съ двумя, много съ четырьмя хорошими собаками. Я совѣтую

лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ много волковъ, имѣть при нихъ верхового человѣка съ ружьемъ, иначе волки, особенно поздней осенью, могутъ порвать собакъ, а при верховомъ этому случиться труднѣе.

Держа двѣ, четыре собаки, ихъ можно содержать, какъ легавыхъ въ домѣ или при конюшнѣ и кормить тѣмъ же, чѣмъ и легавыхъ; гончая собака, воспитанная при домѣ, на свободѣ никогда не будетъ уходить безъ хозяина на охоту и будетъ всегда при немъ, какъ его сетеръ и пойнтеръ. Держа же гончихъ на запорѣ и главное пріучивъ ихъ къ этому, охотникъ всегда рискуетъ тѣмъ, что при первой возможности онѣ удерутъ въ поле или лѣсъ и могутъ пропасть или попасться въ зубы волкамъ.

Молодымъ собакамъ полезно дать на первыхъ охотахъ сгонять и съѣсть нѣсколько подраненныхъ зайцевъ,—это ихъ дѣлаетъ болѣе вязкими. Во всякомъ случаѣ, при всякомъ убитомъ зайцѣ надо дать гончимъ пазанки, какъ только онѣ подвалятся на выстрѣлъ, или выпотрошить имъ зайца, — это заставитъ ихъ являться на выстрѣлъ сейчасъ, какъ только онѣ его услышатъ. Кромѣ того, надо еще пріучить собакъ подходить къ охотнику въ лѣсу на его голосъ и свистъ, какъ легавыхъ.

Болѣе о дрессировкѣ ружейныхъ гончихъ сказать нечего.

Въ заключеніе къ этой книгѣ, опишу для свѣдѣнія молодымъ охотникамъ пороки нашихъ доѣзжачихъ, а также и пороки нашихъ господъ охотниковъ и владѣльцевъ псовыхъ охотъ.

Доѣзжачій плохъ: когда бьетъ и жестоко обращается съ гончими; узнается это сейчасъ же по самимъ собакамъ; когда ласковый и хорошій доѣзжачій входитъ на дворъ, собаки сейчасъ же со всѣхъ сторонъ бросаются къ нему, ласкаются, лѣзутъ на плечи и лижутъ руки; при противномъ, собаки, со всѣхъ же ногъ бѣгутъ прочь отъ него и прячутся, а когда онъ подзываетъ ихъ къ себѣ, то подходятъ, крадучись, съ поджатыми хвостами и вообще не охотно.

Лѣнивъ: когда собаки не чисты, чешутся, дворъ не убирается и не метется утромъ и вечеромъ, воды въ корытѣ нѣтъ, подстилка не перетрясается и на дворѣ и въ мшоникахъ стоитъ вонь.

Все это касается домашнихъ порядковъ, но и въ полѣ есть вещи, которыя отнюдь не слѣдуетъ дозволять, какъ: рвать собакъ за уши, чтобъ онѣ своимъ крикомъ заставили скорѣе подвалиться къ рогу отставшихъ собакъ; оставлять неподвалившуюся собаку въ островѣ, надѣясь, что она подвалится потомъ; ходить по острову безъ нужды пѣшкомъ во время гоньбы, этимъ достигается только то, что собаки, удалившись отъ доѣзжачаго и стерявъ звѣря, отъ его далекаго порсканія начнутъ бросать слѣдъ и будутъ возвращаться къ нему, какъ только заслышатъ его голосъ; безъ толку скакать по острову и зря мучить лошадь: у хорошаго доѣзжачаго лошадь рѣдко бываетъ потная, несмотря на то, что онъ всегда тамъ, гдѣ собаки; трусливо ѣздить, бояться овраговъ и чащи; при напускѣ слишкомъ горячить гончихъ, такъ что онѣ мечутся по острову, какъ сума-

сшедшія и потому часто проносятся; позволять собакамъ врать; трусить при пріемкѣ сгоненныхъ гончими звѣрей, чѣмъ портится злобность собакъ; набивать лошадь отъ невнимательнаго сѣдланія; считать себя большимъ знатокомъ по части лѣченія собакъ; не слушаться и все дѣлать по-своему; рѣдко бывать на псарномъ дворѣ.

Къ этому слѣдуетъ прибавить нѣкоторые пороки самихъ хозяевъ охотъ, какъ: лѣность ходить на псарный дворъ и нежеланіе самому наблюдать за всѣмъ псарнымъ порядкомъ; плохое знаніе своихъ собакъ, ихъ именъ, качествъ, породы и недостатковъ; манера уѣзжать съ поля домой въ экипажѣ и оставлять охотниковъ однихъ возвращаться домой; не требовать отъ охотниковъ, чтобъ они поили лошадей при всякомъ удобномъ случаѣ; желаніе скорѣе сѣсть ужинать по возвращеніи домой, не накормивъ при себѣ собакъ и не посмотрѣвъ, какъ убраны лошади. Вообще хорошій охотникъ ни въ чемъ не долженъ надѣятся на другихъ, а за всѣмъ присмотрѣть самъ, тогда и люди будутъ внимательнѣе къ своимъ обязанностямъ, собаки и лошади здоровы и бодры и охота пріятнѣе и веселѣе.

Этимъ я кончу свой трудъ, сказавъ все, что могъ собрать о гончихъ собакахъ. Конечно, можно было бы написать все это въ болѣе обширномъ объемѣ, но тогда это было бы уже слишкомъ много.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
15	3 сн.	той же масти	тѣхъ же мастей
25	14 св.	сгонялъ	сганивалъ
34	9 сн.	бладгаундахъ	блодъ-гоундахъ
35	14 »	бладгаундовъ	блодъ-гоундовъ
69	16 »	смычка.	смычка».
73	15 »	раній».	раній.
112	10 св.	годахъ	годовъ
121	3 сн.	надбрудка	подбрудка
148	4 »	няжковатой,	ноковатой,

	DATE DUE		

